

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара
Кафедра перекладу та лінгвістичної підготовки іноземців

**ДІАЛОГ КУЛЬТУР – ДІАЛОГ ПРО МИР
І В ІМ'Я МИРУ**

Матеріали I Міжнародної науково-практичної конференції
(24–25 жовтня 2012 р.)

У двох томах

Том 1. Культурологічні аспекти міжмовної комунікації

Дніпропетровськ
Видавець Біла К. О.
2012

УДК 37
ББК 73
Д 44

ДІАЛОГ КУЛЬТУР – ДІАЛОГ ПРО МИР І В ІМ'Я МИРУ

Матеріали I Міжнародної науково-практичної конференції

СКЛАД ВИДАННЯ:

Том 1. Культурологічні аспекти міжмовної комунікації.

Том 2. Міжмовна комунікація та текстологія.

ОРГАНІЗАЦІЙНИЙ КОМІТЕТ:

Голова оргкомітету:

Шепель Ю. О. – доктор філологічних наук, професор, професор кафедри перекладу та лінгвістичної підготовки іноземців Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

Заступник голови:

Панченко Є. І. – доктор філологічних наук, професор, зав. кафедри перекладу та лінгвістичної підготовки іноземців Дніпропетровського національного університету ім. О. Гончара.

Вчений секретар конференції:

Амічба Д. П. – к.ф.н., доц.

Члени оргкомітету:

Амічба Д.П. – к.ф.н., доц.;

Гурко Е.В. – к.ф.н., доц.;

Беспалова Ю.В. – к.ф.н., доц.;

Вотинцева М.Л. – к.ф.н., доц.

Д 44 Діалог культур – діалог про мир і в ім'я миру : матеріали I Міжнар. наук.-практ. конф., 24–25 жовт. 2012 р. : у 2 т. / [під заг. ред. Ю. О. Шепеля]. – Дніпропетровськ : Біла К. О., 2012.

ISBN 978-617-645-079-5

Т. 1 : Культурологічні аспекти міжмовної комунікації. – 2012. – 104 с.

ISBN 978-617-645-080-1

У збірнику надруковано матеріали I Міжнародної науково-практичної конференції «Діалог культур – діалог про мир і в ім'я миру».

Для студентів, аспірантів, викладачів ВНЗів та наукових закладів.

УДК 37
ББК 73

ISBN 978-617-645-079-5

ISBN 978-617-645-080-1 (Т. 1)

© Авторський колектив, 2012

Д. филол. н. Шепель Ю. А.

Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара, Украина

ПОДСИСТЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ С КОГНИТИВНЫХ ПОЗИЦИЙ

Важнейшей особенностью лингвистики конца XX века является признание когнитивной обусловленности основных лингвистических единиц и структур. Материализация тех или иных понятий с помощью языковых средств всегда есть определенное упорядочивание, систематизация, распределение по рубрикам, категоризация. Различные объединения родственных слов (словообразовательные цепочки, парадигмы, более сложные структуры, вплоть до словообразовательных гнезд и их фрагментов), безусловно, могут быть включены в поле рассмотрения с когнитивной точки зрения [3]. Однако это станет возможным лишь в том случае, если мы откажемся от традиционных принципов моделирования комплексных единиц системы словообразования, пересмотрим исходные позиции, послужившие базой для создания (в целях описания и систематизации) именно таких (а не иных) моделей, что в конечном счете и определило сложившиеся представления о системе словообразования русского языка.

Ориентация только на слова, невнимание к их модельным соответствиям неоднословной структуры в границах тех же традиционно рассматриваемых категорий (словообразовательный тип, цепочка, парадигма) фактически привели к исключению из модели описания словообразовательной системы фактора межуровневого взаимодействия.

Однако нужно заметить, что анализ не групп производных слов или системы словообразовательных типов, а принципов построения и развертывания комплексных деривационных фрагментов (блоков, полей) с учетом деривационных единиц больших, чем слово, аналитических аналогов производным словам, конструкций в деривационной функции единственного способа представления деривационной семантики, позволяет увидеть, что несловообразовательное окружение, продолжение словообразования многолико, многофокусно, что некоторые словарные дефиниции могут представлять собой не просто операции с концептами [8], а способ существования в языке того или иного концепта.

Дж. Лакофф убедительно доказал, что различные типы когнитивных связей могут лежать в основе расширения объема той или иной категории [5]. Изучение путей и способов фиксации структур знания (а деривационные структуры различной степени сложности, безусловно, относятся к таковым)

убеждает в том, что словообразовательные типы, цепочки, парадигмы как модели собственно словообразовательной категоризации с жестко установленными для них границами в теории словообразования на самом деле лежат в основе семантически и формально более сложных группировок родственных единиц, границы которых не являются столь строгими и жесткими, скорее размытыми, и, самое главное, они объединяют единицы различной структуры. Поэтому анализ закономерностей взаимодействия подобных единиц смежных уровней, выявление когнитивно значимых оппозиций внутри данных категорий позволит лучше познать когнитивную сущность процессов деривации.

Для полного описания всей словообразовательной системы необходимо исследование как продуктивных, так и непродуктивных, но сохранившихся в современном языке в составе ряда производных.

Как известно, словообразовательный уровень русского языка включает в себя большое количество единиц, неоднородных по своему составу и системообразующим свойствам. В основу классификационных построений словообразовательной системы кладутся разные дифференцирующие признаки. Так, в Русской грамматике-80 в качестве такого признака используется лексико-грамматический характер производных слов, позволяющий выделять определенные словообразовательные классы на основе их принадлежности к той или иной части речи. Такой подход есть все основания считать правомерным и целесообразным, поскольку словообразовательная структура разных частей речи в русском языке, безусловно, имеет свою специфику.

Языковая система в самом общем виде представляет собой совокупность взаимосвязанных единиц данного языка, функционирующих на определенном этапе его развития. Следовательно, признавая в качестве основной словообразовательной единицы, например, производное слово, словообразовательную систему можно определить как «особым образом организованную совокупность производных слов» [6, с. 145]. В то же время следует отметить, что основными единицами системы могут быть названы только те образования, которые обладают системообразующими свойствами. Поэтому в современной дериватологии существует другая точка зрения, согласно которой основной классификационной единицей словообразовательной системы русского языка должен являться словообразовательный тип. Исходя из этого, словообразовательная система определяется как «совокупность словообразовательных типов языка в их взаимодействии, а также совокупность словообразовательных гнезд» [7, с. 137]. Такое понимание словообразовательной системы позволило выдвинуть А.Н. Тихонову понятие двух подсистем словообразования: первую подсистему, по его мнению, образует совокупность словообразовательных типов всех частей речи

в их взаимосвязях и взаимодействии, вторую – совокупность словообразовательных гнезд всех частей речи. Автор подчеркивает, что обе подсистемы взаимосвязаны и лишь вместе образуют целостную систему словообразования русского языка; они не являются двумя разными частями одного целого, а представляют систему в разных ее сечениях, в двух разрезах [9, с. 4].

Однако неоднородность качественного и количественного состава основных единиц словообразования свидетельствует о том, что словообразовательная система русского языка – явление многомерное, а ее подсистемы представляют собой подчас разноплановые языковые явления. В этой связи представляется важным уточнить состав основных единиц данных образований.

На наш взгляд, две подсистемы словообразования образуют два разных типа словообразовательных единиц: с одной стороны, это онтологические, реальные языковые единицы и их совокупности, представляющие собой объективную языковую сущность; с другой стороны, единицы метаязыковые, классификационные, результат абстрагирующей деятельности нашего сознания. Последние также являют собой совокупности производных слов, но характер этих объединений уже иной, он носит чисто классифицирующий характер. К первым относятся единицы, характеризующиеся в аспекте синтагматики, т.е. отношений, непосредственно наблюдаемых в речевой цепи – это морфема (корень, аффиксы) и само производное слово. Данные единицы являются субстанциональными, поскольку они непосредственно отражают сущностное (фундаментальное, основное) свойство языка вообще, т.е. соотносят звук и значение [5, с. 137]. К первой подсистеме следует отнести и такие объединения производных слов, как словообразовательная пара, словообразовательная цепочка, словообразовательная парадигма и словообразовательное гнездо, получившие название комплексных единиц словообразования. Данные структуры представляют собой совокупности родственных слов, объединенных на основе одного и того же мотиватора – корневой морфемы, что свидетельствует в определенной степени о классификационном характере этих единиц. В то же время каждое производное слово, входящее в эти образования, обладает уникальным лексическим значением, из чего следует, что все комплексные единицы такого рода также уникальны и неповторимы не только в силу лексической семантики исходного слова, но и в силу индивидуального набора производных: ни одно словообразовательное гнездо в русском языке не повторяет другое ни в семантическом, ни в структурном отношении. Поэтому есть все основания констатировать, что комплексные единицы словообразования носят конкретно-речевой характер и могут быть непосредственно соотнесены с субстанциональными языковыми единицами. Другими словами, комплексные единицы слово-

образования – «единицы конкретно-речевого уровня, реализуемые в языковой системе рядом конкретных языковых структур» [2, с. 48].

Вторую подсистему словообразования образуют метаязыковые единицы: словообразовательный тип (способ словообразования, словообразовательная модель) и словообразовательная категория. Уже в самом определении словообразовательного типа указывается на отвлеченный, чисто классификационный характер объединения производных слов, поэтому «схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц» [7, с. 135], не есть онтологическая единица, она не представляет собой реальной языковой сущности. Словообразовательный тип – «единица понятийная, метаязыковая, конструктивная», это абстрактная схема, выражающая определенный тип отношений (прежде всего парадигматический) между реальными единицами языка [1, с. 305]. То же самое можно сказать и о словообразовательной категории, отличающейся от словообразовательного типа более высоким уровнем абстрактности.

Таким образом, две подсистемы словообразования образуют разные по своим онтологическим свойствам единицы, каждая из которых позволяет наиболее полно охарактеризовать специфику языковых отношений внутри системы, а также способы объединения и классификации производных слов.

Список использованных источников:

1. *Гейгер Р. М.* Единицы словообразовательной системы и типы языковых отношений в словообразовательном гнезде / Р. М. Гейгер // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1987. – С. 305.
2. *Дашенко О. И.* О соотношении комплексных единиц словообразования / О. И. Дашенко, А. Д. Зверев // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1985. – С. 48.
3. *Кубрякова Е. С.* Теория номинации и когнитивная наука в понимании категоризации мира / Е. С. Кубрякова // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. – Гродно, 1996. – С. 11.
4. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. XXIII. – С. 27.
5. *Лыков А. Г.* Субстанциональные и классификационные, простые и комплексные единицы словообразования / А. Г. Лыков // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1987. – С. 137.
6. *Немченко В.Н.* Современный русский язык : Словообразование / В. Н. Немченко. – М. : Высш. шк., 1984. – С. 145.
7. *Русская грамматика : Т. 1.* / под ред. Н.Ю.Шведовой. – М. : Наука, 1982.
8. *Степанов Ю. С.* Слово: Из статьи для словаря концептов: Концептуарий русской культуры / Ю. С. Степанов // *Philologica*. – 1994. – С. 11.
9. *Тихонов А.Н.* Проблемы изучения комплексных единиц системы словообразования / А. Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1982. – С. 4.

ПРОБЛЕМИ КУЛЬТУРИ І МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ

PhD Mikhaylov D. V., Mohanad Sabri Abdulredha

Volodymyr Dal East Ukrainian National University, Lugansk, Ukraine

THE MIDDLE EAST

The term «Middle East» is generally recognized today to refer to a region that stretches from the Atlantic Ocean in the west to Afghanistan in the east, a distance of approximately 5,600 kilometers. It has a total population of around 300 million people and encompasses the countries of Morocco, Algeria, Tunisia, Libya, Egypt, Israel, Lebanon, Syria, Jordan, Saudi Arabia, Kuwait, Bahrain, Qatar, the United Arab Emirates, Oman, Yemen, Iraq, Turkey, and Iran. The African countries of Mauritania and Sudan are also considered to be within the «Middle East».

This usage of the term «Middle East» has increasingly come to supplant the more conventional usage, which divided the area into two regions, the Middle East and North Africa. The term «North Africa» referred to the Arab countries of Morocco, Algeria, Tunisia, and Libya; «the Middle East», on the other hand, referred to Egypt (which is geographically located in North Africa) as well as the rest of the Arab countries to the east plus Israel, Turkey, and Iran. French scholars, in general, continue to refer to France's former North African colonies of Morocco, Algeria, and Tunisia by the Arabic term «Maghreb» and to Egypt and the rest of the Arab countries as the «Near East». The term «Maghreb» derives from the Arabic designation *bilād al-Maghreb*, meaning «the countries of the west» or, more literally, «the land where the sun sets». The term was traditionally used by Arabs to distinguish this part of the Arab world from the more eastern parts, which were referred to as *bilād al-Mashreq*, the «countries of the east» or «the land where the sun rises».

Today, however, the terms «Middle Eastern» and «Middle East» have been adopted by the people of the entire region to refer to themselves and to their part of the world, in much the same way as such terms as «Europe», «Central Asia», and «Southeast Asia» are used to broadly identify highly complex and culturally diversified regions of the world.

The Middle East, as defined above, encompasses four distinct culture areas: Arab, Turkish, Iranian, and the newly evolved Israeli culture. The Arab, Turkish, and Iranian cultures are heirs to great Islamic empires that had their centers in the region and represent three distinct variations within the global Islamic civilization. The most recent and most enduring of these, the Ottoman Empire, ruled over most of the

Middle East, as well as parts of eastern Europe, for almost 500 years, until its demise and dismemberment at the end of World War I. Out of its ashes arose the modern state of Turkey, as well as the majority of the contemporary Arab nation-states.

From the historical perspective, the Middle East is known as the «cradle of civilizations». Its two major river systems, the Nile Valley in Egypt, and the Tigris-Euphrates in Iraq (ancient Mesopotamia) were the sites of the world's earliest civilizations (e.g., Egyptian, Sumerian, Babylonian, and Assyrian). This is where urban life and centralized forms of political organization arose; it is also the birthplace of the world's three major monotheistic religions, Judaism, Christianity, and Islam.

These three distinct yet related religions were forged in the context of the Middle East, and all three continue today to find expression in and give meaning to the lives of the people of the region.

Archaeologists working in the area have uncovered evidence of the prehistoric domestication of plants and animals and the beginning of settled life as far back in time as the Neolithic or New Stone Age. From sites scattered along the hilly flanks of the mountain ranges in Iraq, Iran, and Israel, archaeologists are reconstructing the cultural evolution that transformed our human ancestors from nomadic hunters and gatherers into settled villagers who cultivated domesticated varieties of wheat and barley and kept domesticated sheep and goats. This major epoch in human history, which can be dated back to 8000 B.C., has been referred to as the «Agricultural Revolution» to underscore its significance in the development of our cultural history.

The transition from an adaptation based on hunting and gathering to one based on food production and settled community life was the prelude to the next phase in human cultural evolution, the beginning of civilization, which in the Middle East goes back to about 5000 B.C. The culture complex we refer to as «civilization» includes urbanism, a writing system, monumental architecture, long-distance trade, a complex social order, and a centralized state system, often focused on a divine king. This transformation is fully illustrated in the archaeological records of the different civilizations that succeeded each other in the region: Sumer, Egypt, Akkad, Babylon, and Assyria. The history of dynastic Egypt is perhaps the most complete; it has been traced back to 3100 B.C., when Menes, the king of Upper Egypt, successfully conquered Lower Egypt and ruled the newly united kingdom of Egypt from his capital in Thebes. Despite a series of invasions – Roman, Arab, Ottoman, and British – Egypt has always remained a united country with a very strong sense of its unique identity.

Iran, or Persia, as it was formerly known, is a country with a long and illustrious history. The Iranians, who speak an Indo-European language, Farsi, are also heirs to a

great civilization and an imperial past. Prior to its conquest by the Muslim Arabs in the seventh century, Iran was the center of the Sāssānid Empire, a Persian dynasty that had adopted Zoroastrianism as the state religion. Zoroastrianism is considered by some scholars to be one of the first «ethical» religions and a precursor to early Judaism. The prophet Zoroaster declared the coexistence of Good and Evil in the world and called on humans to uphold the Good by combating Evil. Although the overwhelming majority of Zoroastrians were converted following the Muslim invasion, a small community of them remains today in Iran.

From its origin in seventh-century Arabia, Islam has spread across northern and western Africa, southeastern Europe, the Levant, central and southern Asia, China and Indonesia. Today the faith includes some 800 million people, the vast majority of them non-Arab. Illiterate herdsmen in the Sahel, bankers and diplomats in Istanbul and Kuwait, revolutionary zealots in Iran, scientists in Pakistan and factory hands in Egypt are connected in their diversity by the banner of the Prophet Muhammad.

In the history of Islam, great empires have come and gone, leaving rich literary and artistic legacies even as their political and military power evaporated. The caliphate of the Abbasids in Baghdad, the Mamluk rule in Egypt and Syria, the Safavid empire in Iran, the empires of the Mughals and Ottomans all reached breathtaking levels of achievement in science, literature, art and architecture, creating brilliant and enduring monuments to their common faith. In every aspect of our daily lives we are indebted to Arab creativity, insight and scientific perseverance.

К. филол. н. Аврамов Г. Г.

Южный федеральный университет, Российская Федерация

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

1. Отличительной особенностью современного этапа развития науки является то, что на рубеже тысячелетий произошла смена научной парадигмы гуманитарных знаний вообще, и в языкознании – в частности, где на первый план вышла идея *антропоцентричности* языка, которая обусловила разворот лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит *языковая личность* во всем ее многообразии как физическая, социальная, интеллектуальная, эмоциональная и речемыслительная сущность. При этом феномен языковой личности в контексте проблемы «человек и культура» выполняет и интегрирующую и дифференцирующую функции. С одной стороны, в современных лингвокультуроведении и коммуникативистке языковая личность рассмат-

ривается как когнитивно-коммуникативный инвариант, как комплексный прототип, существование которого обеспечивает саму возможность и надежность общения между представителями данной лингвокультуры, а также объясняет, как и почему представители одной лингвокультуры, отличающиеся друг от друга по самым разнообразным характеристикам, могут более или менее успешно взаимодействовать друг с другом в процессе коммуникации.

2. Рассмотренный под таким углом зрения, феномен языковой личности является отражением культурной идентичности в речемыслительной деятельности. С другой стороны, в акте межкультурной коммуникации участвуют языковые личности, осуществляющие операции рефлексии над различием своей и чужой культур. И именно потому, что процесс межкультурной коммуникации является продуктом взаимодействия языковых личностей, в ней (МКК) в наиболее эксплицитной форме выражается дифференцирующая функция феномена языковой личности, манифестирующаяся в национально-культурной отмеченности языка в целом и отдельных языковых явлений – в частности. Поэтому трудно не согласиться с теми авторами, которые отмечают, что «освоение проблематики, относящейся к компетенции теории межкультурной коммуникации, имеет важнейшее значение не только для формирования и совершенствования навыков и умений адекватного общения с представителями других языковых культур, но и для формирования толерантной, когнитивно и коммуникативно гибкой личности, а также для общей и специальной теоретической подготовки всех тех, кого интересуют проблемы межкультурного взаимодействия».

3. Все это с необходимостью приводит ученых – гуманитариев к выводу о том, что существование языка невозможно вне контекста культуры, частью которой одновременно язык и является. Как справедливо отмечает К. Леви-Строс диалектика соотношения языка и культуры очень сложна, многогранна и многоаспектна и заключается в том, что язык одновременно и продукт, и важная составная часть, и условие культуры.

Однако в современном языкознании уже прочно утвердилось мнение, что важнейшей характеристикой антропологической направленности современной лингвистики является различие не только ее культурологического, но и когнитивного аспектов. Это связано с тем, что язык является не только средством объективации культурной картины мира, но и манифестацией языкового сознания. Соответственно, языковая личность рассматривается не только как носитель национальной культуры» но и как носитель *этнолингвокультурного* сознания, понимаемого И.В. Приваловой как «инвариантный образ мира, соотношенный с особенностями национальной культуры и национальной психо-

логии и существующий как в общественной, так и индивидуальной формах». Таким образом, именно «в условиях межкультурного общения целесообразно трактовать языковую личность как носителя этнолингвокультурного сознания, или лингвокультурную личность, что позволяет подчеркнуть ее национальные черты, проявляющиеся в фонде языковых средств, служащих материалом для ее реконструкции. Это привело к формированию в рамках развития антропологической парадигмы в языкознании наряду с *лингвокультурологией*, изучающей во всей ее полноте проблему «язык и культура», такого направления как *когнитивная лингвистика*, исследующего сложнейшую проблему «язык и мышление/ сознание», которая важна не только сама по себе, но знание которой необходимо человеку для успешного межкультурного общения. Следует особо подчеркнуть, что реально разработка современной теории МКК ведется на основе интегрированного изучения взаимоотношений языка, культуры и сознания, что обусловлено онтологией такого многогранного явления, каковым является процесс межкультурного общения: процесс межкультурной коммуникации есть общение носителей разных языков и культур, т.е. неидентичных национальных сознаний, что манифестируется в том, что языковой знак представляет собой реальную (вербальную) форму виртуальной сущности (образов сознания). В процессе межкультурного общения языковые знаки выступают как функциональные единицы и одновременно являются «овнешнителями» языкового сознания».

4. Таким образом, разделение лингвистического, культурологического и когнитивного аспектов МКК в определенной степени условно, и является не более чем исследовательским приемом, помогающим выявить специфику языковых, культурных и концептуальных элементов, которые в реальном коммуникативном акте представителей различных этнолингвокультур манифестируются в интегрированном виде как образ этнолингвокультурного сознания, ***конституируемого единицами трех пространств: лингвистического, когнитивного, культурного***. Поэтому, перефразируя слова Ю. Н. Караулова, можно сказать в этом смысле, что в концепции «язык и культура» сходятся интересы всех наук о человеке. Это «та сквозная идея, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка».

К.филол.н. Ардатова Е.В., Хао Юнь

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

ЭТИКЕТ ЗАЩИТЫ ДИССЕРТАЦИИ В КИТАЕ

Говоря о высшем образовании в КНР, следует отметить, что с 1999 года начал действовать новый закон об образовании, согласно которому предусматриваются 2 ступени высшего образования: бакалавриат (4–5 лет) и магистратура (дополнительно 2–3 года). Имеются 2 ученые степени: магистр и доктор. Так как в современной ситуации защита именно магистерской диссертации стала наиболее распространенным явлением, то, говоря о защите диссертации, будем иметь в виду процедуру защиты магистерской диссертации.

Следует рассмотреть как поведенческий, так и речевой этикет, характерный для процедуры защиты диссертации в Китае.

1. Обращение. В Китае обычно принято обращаться к студенту по имени и фамилии. Обращение по имени, принятое в России, свидетельствует о какой-либо более тесной, дружеской связи между преподавателем и студентом и возможно не в аудитории, а лишь во внеучебной ситуации. В процессе защиты диссертации, обращаясь к студенту, кроме имени и фамилии, добавляют слово «студент».

2. Требования к одежде и внешнему виду соискателя: строгий деловой костюм, естественный макияж.

3. Рекомендуемая манера поведения: следует вести себя естественно, спокойно, уверенно и вежливо. Эмоциональность не приветствуется. Перед тем как представиться, следует сделать почтительный поклон председателю и членам комиссии, аудитории. Во время чтения рецензии или высказывания каких-либо замечаний преподавателями или членами комиссии следует делать записи, демонстрировать свое внимание к происходящему. Руки стоящей девушки должны быть положены на нижней части живота. Во время выступления следует слегка улыбаться публике; смотреть на оппонента, время от времени оглядывать членов комиссии.

Сидящие в аудитории и ждущие своего выступления студенты ни в коем случае не должны позволять себе сидеть «нога на ногу», кроме того, нужно стараться не вертеть в руках ручку или карандаш, так как это демонстрирует переживания. Неумение владеть собой, скрывать свое волнение является серьезным недостатком.

4. Выступление соискателя на защите диссертации.

Начало речи примерно таково: «Уважаемый председатель! Уважаемые члены комиссии, присутствующие преподаватели, студенты и друзья, здравствуйте!

Спасибо вам за то, что в своем плотном графике вы смогли найти время, чтобы принять участие в моей защите. Вы свидетели важного момента в моей жизни. Я буду помнить это всегда. Меня зовутЯ являюсь выпускником направления.... Мой научный руководитель – профессор... Название моей диссертации – ... Разрешите кратко описать вам приоритеты и структуру моей диссертации...»

В своем выступлении соискатель должен аргументировать выбор темы исследования, кратко описать структуру исследования, охарактеризовав содержание по главам, остановиться на выводах работы. Обязательно следует очертить свой вклад в исследование данной проблематики. В отличие от российской традиции подчеркнутой скромности соискателя, китайский исследователь может быть более смел в оценке своего труда.

В конце выступления следует сказать: «Моё выступление завершено, спасибо» После этого соискатель должен попросить председателя комиссии и членов аттестационной комиссии высказать критические замечания по поводу работы, задать вопросы. Как правило, данная просьба сопровождается фразой: «Я постараюсь ответить на все вопросы, которые вы зададите».

За заданный вопрос следует поблагодарить. Когда процесс ответа на вопросы и замечания оппонента завершен, соискатель еще раз выражает благодарность председателю, членам комиссии, преподавателям: « Очень рад, что имею возможность еще раз послушать ваши поучения. Благодарю вас еще раз!» Уходит, сделав почтительный поклон.

После оглашения результатов защиты выпускник выступает с заключительной речью, в которой он выражает свою искреннюю радость по поводу положительного результата защиты диссертации и еще раз выражает благодарность председателю, членам комиссии, научному руководителю, университету, факультету и всем преподавателям, осуществлявшим обучение, а также всем техническим работникам, помогавшим в осуществлении процесса защиты. В заключительном слове следует также рассказать о своих дальнейших перспективах, пообещать, во-первых, всегда помнить о своем родном учебном заведении и, во-вторых, хорошо работать в будущем, стараясь распространять мудрость, традиции, культуру, мысли и любовь родного учебного заведения. По окончании речи выступающий еще раз благодарит всех присутствующих, делая поклон.

После завершения формальной процедуры защиты магистр с улыбкой и словами благодарности дарит своему научному руководителю цветы, после чего следует групповое фотографирование в строго иерархическом порядке: сначала приглашается председатель, затем члены комиссии и руководитель, другие преподаватели, однокурсники, гости.

Подводя итог описанным выше этикетным правилам защиты диссертации, принятым в Китае, можно сказать, что принципиального содержательного различия в российском и китайском этикете данной сферы коммуникации не содержится. Что касается отдельных деталей, то китайская манера поведения, как и следовало ожидать, более церемонна (поклоны, многократное выражение благодарности всем и вся), кроме того, в поведении и речи китайского соискателя ученой степени подчеркивается его внутренняя сила: отсутствие волнения, твердость в установках, описание личных научных заслуг в разработке проблематики диссертационного исследования. Отличительной манерой русского и китайского диссертанта является также обязательное наличие улыбки на лице последнего.

Бабай Л. В.

*Харьковский национальный технический университет сельского хозяйства
им. П. Василенко, Украина*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Несмотря на то, что мировое сообщество сегодня вступило в новую эпоху своего развития, но каждый народ старается остаться самобытным, хочет подчеркнуть свою индивидуальность и уникальность. Мы хотим принадлежать к определенному этносу, унифицировать духовную и материальную культуру. В тоже время мы становимся другими и неудержимо меняемся, не замечая этих изменений. Экраны ТВ, мобильных телефонов, сети Интернета и всякого рода информационные технологии – инструмент глобализации. Создав всемирные коммуникационные сети, человек окончательно превратил себя в часть чего-то большего, чем он сам. Человечество приобрело мощный потенциал для своего дальнейшего развития. Этот потенциал имеет как негативные, так и позитивные преференции. Культура есть коммуникация человечества с самим собою [19]. Такая коммуникация в современном мире осуществляется очень быстро, благодаря всемирным информационным потокам, доступ к которым можно получить очень быстро. Имея свободный доступ к информации, мы узнаем о планетарной культурной жизни за очень короткий период времени. Поэтому это процесс получил название глобализация. То есть возможность получать мировую информацию с помощью электронных средств связи за очень короткое время. Человечество изменилось благодаря современному развитию общества. Изучение языков невозможно без изучения культуры страны, носителя языка.

Коммуникация в современном обществе активизирует связи и переплетает между традиционной культурой (ценности, религия, знания предыдущих поколений) и быстроразвивающимися современными явлениями в массовой культуре нашего поколения (клипы, видео, компьютерные игры и др.), между элитарной и популярной культурой. Без глубоких научных знаний невозможно отобразить трансформационные процессы, которые происходят в общественно-культурной практике. Именно, в области культурологии есть все основания рассматривать глобальную культуру как единицу культурологического анализа современной межкультурной реальности.

Культурология характеризуется широким диапазоном, что свидетельствует о ее универсальности и возможности анализировать глобальную культуру. С помощью культурологии мы можем проследить закономерности, которые происходят в различных сферах человеческой деятельности. Мы имеем возможность с помощью культурологического анализа проследить глубины культуры и выяснить информацию общей ментальности людей. Глобальная культура становится сферой культурологических исследований, где происходит объединение междисциплинарного потенциала с теоретическими ресурсами культурологии как науки. С помощью культурологического анализа мы можем определить взаимосвязь культуры и политики, сравнить поведение отдельных субъектов в области культуры.

Интерес к проблемам межкультурной коммуникации исследуют многие науки. Это обусловлено радикальными изменениями в жизни общества. Одним из главных вопросов межкультурной коммуникации есть вопрос понимания разницы между понятиями «свой » и «чужие» [17]. Культура – это только литература, искусство и наука, это ежедневное языковое поведение людей, пользующихся этим языком. Эффективным способом формирования деловой межкультурной коммуникации представляется изучение различных случаев коммуникативных неудач и конфликтов в сфере бизнеса и профессиональной деятельности. Культура может стать причиной социальной напряженности и конфликтов. Человек творец своей культуры, но он существует не только в социуме как социальной среде, но и в культурной символической среде. Необходимо показать, что главная причина непонимания в межкультурной коммуникации есть не в разных языковых системах, а в различии национальном сознании участников общения. Коммуникативная неудача, непонимание, вызванное незнанием иноязычной культуры, менталитетом взаимодействующих сторон, является эффективным средством обучения основам деловой межкультурной коммуникации. Ведь изучение языков и состоит в том, чтобы уметь им пользоваться в деловом общении. Изучая язык, необходимо понять, что

знание языка это процесс формирования навыка. Часто используемые языковые явления способствуют прочнее усваивать и формировать навыки, а также делают эффективнее процесс обучения. Индивидуальное сознание, инстинктивно защищаясь от всего нового, сберегая интеллектуальные силы для решения насущных, неотложных повседневных проблем, считает эти изменения фантазией, миражом, а в лучшем случае – ересью. Таким образом, дуализм индивидуального сознания не дает возможности сгармонизировать реальное и ирреальное, формирует ком неразрешимых противоречий: реалисты не воспринимают ирреальной мир компьютерных образов, а юные пользователи не могут «выйти» из виртуального мира. Общество ищет решения этой проблемы. И к слову сказать, это решение лежит на поверхности. Еще великий Достоевский сказал: «Красота спасет мир». В этом – то и заключается вся суть решений. Общественная, индивидуальная и другие виды сознания сегодня должны наполниться зрительным (визуальным) сознанием. Причем это сознание должно не только услаждать индивида изысканными технологическими образами придуманного мира, но и открывать удивительные тайны красоты реального мира. Не компьютер, а сам человек должен научиться управлять своим сознанием. А вот каким оно должно быть – это вопрос высокой культуры и образования. Творчество – вот ключевое слово эпохи информационных технологий. Именно благодаря ему труд из библейского проклятия все в большей степени превращается в развлечение. «Разумно трудящийся» человек все в большей степени становится, по опережающемуся выражению братьев Стругацких, «человеком играющим». В результате всякий, достаточно тесно сталкивающийся с массой работников, занятых в сфере информационных технологий, рано или поздно с удивлением и завистью обнаруживает вокруг себя множество людей, которые «при прочих равных» условиях испытывают значительно больше, чем он, положительных эмоций в единицу времени. Причина этого заключается в самом характере их труда, который, опираясь в основном на информационные технологии, является в этой части творчеством – строго говоря, развлечением. Собственно говоря, развлекаясь, деятельно играя в структурно обусловленном мире человек, да и само человечество – развивается, эволюционирует. Информационные технологии оказывают прямое воздействие не только на сознание, но и на подсознание человека – открывая для него новое направление своей эволюции, формируя новую ментальность личности. Это положение представляется главным на сегодняшний день содержанием продолжающейся информационной революции. Рассмотрению последствий этого качественного результата необходимо уделить образовательный и культуросообразной парадигме. Во всем мире это уже начинают понимать. Но очень

робко. Говоря о «ментальной» эволюции как о форме информационной революции, нельзя не вспомнить великого древнего грека Софокла, воскликнувшего «Каждая форма существенна и каждая сущность формирована». Сбалансированность, гармония – вот свойство развития.

В заключении имеет смысл обозначить важнейшие этапы эволюции образования и искусства в глобальном мире. Формирование нового коллективного сознания в мировом образовательном пространстве, сознания способного изменить адекватность и эффективность человечества и существенно расширить границы его непосредственного взаимодействия с окружающим миром. Интеграция эволюции сознания с отдельно взятых индивидов на их коллективы, включающие не только отдельно взятые образовательные и культуросообразные организации, но и целые общества. – Качественное повышение значения культуры, в том числе (и в первую очередь) национальной, как фундаментальной основы формирующихся новых производительных сил, непосредственно связанных с общественным и личным сознанием. Известно, что 95% информации о внешнем мире обеспечивает человеку зрение. Его значение исключительно велико, ибо именно оно оказывает прямое воздействие на подсознание. И именно эта область не исследована и не нашла своего применения в образовательном пространстве многих стран. Принципиальное изменение самого механизма восприятия мира не только отдельным человеком, но и обществом в целом, так как это восприятие формируется глобальными средствами массовой информации с использованием информационных технологий. Последние в полной мере учитывают, что «картина сильнее слова». Поэтому не случайно В.И. Ленин обозначил один из главных лозунгов, лозунг «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». На практике это означает начало – восприятия слова, связанного с логикой как с преобладающим типом мышления, – перехода к восприятию целостных образов, связанного с непосредственным воздействием на чувства. Задача информационных технологий такое восприятие существовало в искусстве в виде случайных творческих озарениях. Сегодня намечен путь вхождения в международное образовательное пространство, намечены ориентиры развития культуры. Роль человека в общении состоит в информационном обеспечении образцами культуры общей деятельности, а культура как информационное обеспечение жизни социума.

Список использованных источников:

1. *Зимняя И. А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результатов образования / И. А. Зимняя // Высшее образование. – 2003. – № 5.
2. *Пищулин Г. П.* Формирование культуры делового общения на иностранном языке / Г. П. Пищулин // Современные тенденции в методике преподавания иностранных

- языков: Материалы 2 Международной научно-практической конференции преподавателей высших учебных заведений. – М., 2011. – С. 39
3. Федеральные образовательные стандарты третьего поколения.
 4. *Афеченко Г. В.* Информационное обеспечение в межкультурном взаимодействии / Г. В. Афеченко // Культурология та соціальні комунікації: інноваційні стратегії розвитку: Матеріали міжнародної наукової конференції 18-19 листопада 2010 р. – Х.: ХДАК, 2010. – С. 17.
 5. *Парталого Л. В.* Моделі міжкультурної комунікації в умовах глобалізації Інформаційне забезпечення в межкультурному взаємодії / Л. В. Парталого // Культурология та соціальні комунікації: інноваційні стратегії розвитку: Матеріали міжнародної наукової конференції 18-19 листопада 2010 р. – Х.: ХДАК, 2010. – С. 18–19.

Бойченко Т. В.

*Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»,
Российская Федерация*

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЗЕНТЕМ В МУЖСКИХ И ЖЕНСКИХ БЛОГАХ

Интенции блоггера, как и любой другой языковой личности (как субъекта презентационного дискурса), в целом сводятся к трем презентационным акциям – самопрезентации, дескрипции и демонстрации, которые вводят в дискурс три типа презентем – интродуктивы, дескриптивы и демонстративы. Презентационный потенциал интродуктивов заключается в самоидентификации. Дескриптивов – в идентификации персонального пространства и среды обитания (взятой в целом). Демонстративы обеспечивают дискурсу сугубо презентационное функционирование, поскольку, являясь комментарием к демонстрируемому объекту, процессу, явлению и т.д., они вербализуют их предназначение, суть, характер и/или устройство, играя при этом роль катализатора дискурсивного развертывания, порождая вопросы и инициируя ответы на эти вопросы.

Специфика репрезентации интродуктивов, дескриптивов и демонстративов в маскулинном и феминном дискурсах была рассмотрена на материале мужских и женских блогов. Для этого методом сплошной выборки с помощью поисковой системы Нигма.рф были по запросу «мужской/женский блог» (соответственно) отобраны первые 50 встретившихся личных авторских блога, в которых однозначно указано, что автором блога является один человек, и в котором указана гендерная принадлежность автора.

Презентемы-интродуктивы преимущественно вербальны и составляют значительный репертуар самопрезентации и введения адресата в коммуникацию. В структуре блога в функции интродуктива (индентификационной пре-

зентемы) прежде всего выступает собственно информация о себе и способ ее подачи. Подгруппу невербальных интродуктивов составляют фотографии, а также рисунки и изображения, которые, по мнению автора, его характеризуют. Проведенный нами анализ показал, что женщины чаще и охотнее используют в качестве невербальных интродуктивов личные фотографии, в отличие от мужчин, которые демонстрируют свои фотографии неохотно и иногда прибегают к изображениям, с которыми они себя отождествляют.

В подгруппу вербальных интродуктивов входят: выбранное автором название «идентификационного документа» (название странички или раздела, где он помещает информацию о себе) и автобиографическая самоидентификация, которая дается с целью расширения представлений читающего личностную информацию об авторе блога.

В структуре каждого автономного блога, независимо от цели его создания, предполагается наличие странички «Об авторе», «О проекте» или «О блоге», которая выступает местом персональной презентации и по своим функциям схожа с идентификационным документом. Не зря сами блогеры сравнивают эту страницу с паспортом, поскольку здесь иногда содержится достаточно полная информация об имени, отчестве, фамилии, дате и месте рождения и проживания, образовании, целях создания блога, индивидуальных предпочтениях и т.д.

Анализ мужского сегмента личных автономных блогов показал, что не все авторы считают необходимым предоставлять подобную информацию, в частности, из пятидесяти проанализированных нами блогов в одиннадцати информация об авторе можно узнать только из общения автора с читателями при ответе на комментарии. В пяти случаях минимальная информация содержится на странице «Контакты». В остальных случаях наблюдается значительное разнообразие в подходах к предоставлению идентифицирующей информации – от максимально избыточной до максимально скудной.

Анализ женского сегмента автономных блогов показал, что для женщин в значительно большей степени характерна проекция «досетевого» сознания в контекст виртуальной блог-коммуникации и им в гораздо большей степени присущ искренний интерес к личности и ее индивидуальности. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что из 50 отобранных нами для анализа женских блогов только в трех не содержится никакой информации об авторе и узнать ее можно лишь из общения автора с читателями при ответе на комментарии. В трех случаях минимальная информация содержится на странице «Контакты» или «Обратная связь».

При анализе блогов, где присутствует идентификационная информация, выяснилось, что женщины гораздо более изобретательны в манере изложения,

но гораздо более солидарны в способах: подавляющее большинство женщин-авторов в качестве основного способа передачи материала выбрали форму эссе, в результате чего идентифицирующие тексты в женских блогах получились бóльшими по объему, чем те же тексты в мужских блогах. То есть в виртуальной коммуникации подтверждается существующий в лингвокультурном сообществе гендерный стереотип о мужской немногословности.

Многие авторы (и мужчины, и женщины) идентифицирующую информацию (интродуктивы) сопровождают вербальными указаниями различного характера, представляющими собой демонстративы. Это может быть указание на источник информации о себе, или указание на достижение блога, или мини-коллекция фраз, отражающих суть всего сайта, или правила поведения для посетителей сайта, например:

Будьте добры, представьтесь нормально, укажите ваше имя и фамилию. Я не люблю общаться со стенкой или никнеймом. Еще прошу вас не забывать о причинах связи со мной. Даже если просто завести приятеля в Латинской Америке, то напишите в соответствующее поле «Ищу друзей в Чили». Уверяю вас, вы намного быстрее получите ответ от собеседника, если укажите конкретно причину звонка или емейла

Как вас зовут?

Ваша электронная почта?

Телефон или скайп (не обязательно)

Чем я могу быть полезен для вас?

Напишите здесь свое сообщение (www.slaff.net/feedback/)

Представлены также и эмоционально-окрашенные демонстративы, например: «*А сейчас – возьмите чашечку кофе/чая/пива и почитайте мой блог:)*» (menstalk.ru) или «*Жду вас в гостиной за чашкой чая (или кофе, или ликера, или чего-там еще)*» (lady-in-web.ru/o-blloge/).

Отдельную подгруппу демонстративов составляют системные демонстративы, которые представляют собой фразы или слова с прикрепленными к ним ссылками (они обычно выделены цветом и подчеркнуты). Иногда встречаются примеры демонстративов с вербальным пошаговым описанием:

Я очень благодарен Вам, уважаемый посетитель, за то, что вы посетили мой блог. Рекомендую Вам изучить урок «Как пользоваться блогом С.А.Ю.?» для того, чтобы Вам было легче пользоваться моим блогом. И не забудьте, после прочтения статей всегда делитесь ею с Вашими друзьями. И ещё одна большая просьба, это нужно сделать всего лишь один раз, надо нажать на длинную кнопку салатového цвета и там активируйте обязательно, потом поймёте для чего это надо. (sinyashin.ru/o-sebe.html)

Блог как персональная страница представляет собой одновременно личную территорию и личное пространство. Некоторые исследователи отмечают, что понятия «территория» и «пространство» подчас неоправданно взаимозаменяются, в то время как их необходимо разграничивать. Так, О. Г. Прохвачева справедливо указывает, что для *территории* необходимо наличие видимых границ и связанность с определенными видами человеческой деятельности [1, с. 16]. *Пространство*, в отличие от территории, представляет собой неограниченную протяженность во всех направлениях. Для нашего исследования подобное разграничение важно, поскольку оно дает возможность дифференцировать территориальные и пространственные презентемы, которые представляют собой дескриптивы «среды обитания», направленные на формирование у слушающего перцептивного представления о явлении.

Каждый персональный блог имеет свой адрес, который выполняет функцию знака территориальной принадлежности, регистрирующего пределы частного владения. На страницах мужских блогов часто можно встретить предупреждение о том, что «*вы находитесь на частной территории*», после которого идут разъяснения о правилах поведения на территории данного блога.

Каждая страница блога, каждый пост и каждый тред имеют свой постоянный адрес, в начале которого обязательно указывается адрес персонального блога, например: *sur.by/* – *главная страница блога «Авторский проект Антона Суряпина»* → *sur.by/about* – *страница «Обо мне и этом блоге»* → *sur.by/category/nocomments* – *адрес постов в рубрике «Без комментариев»* и т.д.

Основная территориальная презентема, таким образом, – это адрес блога, который автор формулирует при его создании. Проведенный анализ адресов мужских персональных автономных блогов показал, что в качестве территориальной презентемы мужчины и женщины используют:

- **тематику** блога, которая отражена в 6 мужских блогах: *blog4man.ru* (блог мужских интересов), *cookingman.ru* (кулинария для мужчин), *lichnoemnenie.com* (мнение автора о науке, обществе, моде, интернете и др.), *blog-raskruti.ru* (информация о блоггинге для новичка) и др. и в 9 женских: *www.family.ru* (блог «*Когда в семье счастье*»), *www.blog-travuscka.ru* (блог о народных методах лечения), *myhandcraft.ru* (рукодельный блог), *seowife.ru* (блог жены SEOшника) и др.;

- **название** блога, поскольку адрес блога соответствует названию в 13 мужских блогах: *spryt.ru* = *Спрют* (блог о путешествиях), *crazy-russian.ru* = *Сумасшедший русский* (блог о заработке в интернете), *yavbloge.ru* = *Я в Блоге* (персональный блоггинг и SEO), *modusponens.info* = *ModusPonens* (собрание статей автора о жизни и программировании) и др. и в 24 женских: *www.womancityblog.ru* = *Женский блог Woman & the City*, *wonder-kids.ru/* = *Чудо-дету*, *autoblondinka.ru* =

Блондинка за рулем, vkusnoemenu.com = Вкусное меню, blog-o-krasote.com = Блог о красоте, xlebsolj.ru/ = Хлеб-соль. При этом различия заключаются в том, что в большинстве случаев в женском сегменте блогов тематика понятна из названия блога, соответствующего адресу;

- свою **фамилию** или ее часть: адреса полностью соответствуют фамилии автора в 13 мужских блогах (например, *ivanov-v.ru = Валерий Иванов, dmitriylebed.com = Дмитрий Лебедь, zlob.in = Евгений Злобин* и др.), еще в двух блогах в адресе содержится **часть фамилии** (*sur.by ≈ Антон Сурягин, seoketerovo.ru ≈ Алексей Кемеровский*), в трех адресах содержится только **имя**: *vovanmozg.com = Вован, pavelon.com = Павел, slaff.net = Вячеслав Бондарук*; в женском сегменте фамилия указана в 7 случаях, причем в большинстве случаев в адресе указаны фамилия и имя: *otaiorova.ru/ = О. Майорова, lyudmilaskiba.com/ = Л. Скиба, irinazaytseva.ru = И. Зайцева, tashishkina.ru = Т. Шшикина* и др. Ни одного случая не отмечено с наличием в адресе части фамилии или только имени;

- **псевдонимы** и в этом случае адреса блогов совпадают с псевдонимом автора. В мужских блогах зафиксировано 5 случаев: *freiman.info = Freiman, steelpear.com = Стальная Груша, nightstork.ru = Doc. Night Stork, polu-bomj.ru = Алмаатинский полубомж, ribalych.ru = Рыбалыч*; в женских – 4 случая: *ladyblogger.ru = Г. Шефер, konveda.in.ua/ = (колотопская ведьма) Ирина, ulishnablog.ru/ = Ю. Чухарева, www.sympaty.net/ = О. Чубарова*. Основное отличие от соответствующей подгруппы мужских блогов заключается в том, что во всех случаях женщины представляются, размещают свои фотографии и объясняют свой псевдоним.

В мужском сегменте в восьми случаях адреса блогов сложно отнести к какой-либо группе, поскольку они представляют собой преимущественно аббревиатуры, значение которых может быть понятно лишь самим авторам: *redapp.ru* (блог о лайфхаке и саморазвитии), *seowm.ru* (дневник программиста), *dinai.org* (юмористический блог), *iuz.ru* (мужской журнал), *vectrblog.ru* (блог манмейкера), *sweatego.ru* (мужской взгляд на взаимоотношения мужчин и женщин), *arborio.ru* (кулинарный блог), *web2me.ru* (блог об интернет-сервисах и проектах). В женском сегменте в шести случаях адреса блогов сложно отнести к какой-либо группе: *bygirl.net* (блог «*Девушка, живущая в сети*»); возможно, адрес представляет собой сокращение из слов белорусская девушка, поскольку автор из Минска), *rithelp.ru/* (блог «*Жизнь и философия. Мои мысли о вечном — от философии, риторики и до... «земных» проблем!*»); возможно, здесь представлены слова «риторика» и «помощь»); *kisuhvostik.ru* (блог «*Исповедь моего вдохновенного откровения о Любви и о Жизни*»); *optimizerasha.ru* (блог «Елены Камской», занимающейся продвижением сайтов); *eresi.ru* (философский

блог Е. Джафаровой «Любовь – среда обитания»; возможно, в адресе содержится авторская оценка своих сочинений); *seofamily.ru* («Блог перфекционистки»). Главное отличие заключается в том, что в адресах, сформулированных женщинами, чаще просматриваются производящие основы.

Существенным отличием территориальных презентем в женском сегменте авторских блогов можно считать то, что женщины формулируют адреса своих блогов, сознательно используя морфемы, акцентирующие гендерную принадлежность автора, ср.: *webumniza.com*, *optimizerasha.ru*, *seowife.ru*, *www.ladywow.ru*, *Blondinka-stil.ru*, *erawomen.ru*, *ladyblogger.ru*, *lady-in-web.ru*, *www.jollylady.ru*, *autoblondinka.ru*, *bygirl.net*, *ulishnablog.ru*, *webmasterica.ru*. В мужских блогах словообразовательный формант *man* используется только в адресах блогов, задуманных автором как журнал для мужчин. В женских блогах в адресах содержатся гендерно маркированные форманты, независимо от целей создания блога.

Следующая территориальная презентема – навигация, элементами которой являются карта сайта, рубрики и теги, позволяющие ориентироваться на территории блога и демонстрирующие всю структуру блога перед посетителем.

«Карта сайта» как презентема в мужском сегменте использована в 13 блогах. В 12 блогах вместе с картой сайта на страницах блога содержатся и рубрики. В трех они дополнены «облаком меток» (тегов). В 33-х блогах нет карты сайта, но есть рубрики/разделы/категории/меню. В шести блогах используются только теги. В остальных либо просто перечисляются свежие посты и имеется архив, либо вообще никакой навигации по сайту нет. В результате проведенного анализа было выявлено, что наиболее подробную навигацию дают люди более старшего возраста, либо те, кто занимается блоггингом профессионально и заинтересован в продвижении сайта. На основании полученных результатов можно утверждать, что 90% мужчин содержат свои «виртуальные жилища» либо в идеальном, либо в относительном порядке и 10-ти% не свойственно стремление к организации и упорядочиванию личного пространства.

Проведенный анализ женского сегмента автономных блогов показал, что женщины преимущественно используют одновременно карту сайта и рубрики, которые присутствуют в 22 блогах. Еще в четырех блогах карта сайта и рубрики дополнены «облаком меток» (тегов). В семи блогах используются рубрики и «облако меток». В 17 используются только рубрики, но они при этом достаточно детализированы. Таким образом, можно утверждать, что 66% женщин содержат свои «виртуальные жилища» в идеальном порядке и им в большей степени присуще стремление к организации и упорядочиванию информации, а 34% содержат свои блоги в относительном порядке, что в целом

подтверждает существующий гендерный стереотип о присущем женщинам в большей степени стремлении к порядку и упорядочиванию.

К *пространственным презентемам* мы относим маркеры индивидуального освоения пространства, поскольку личная территория «семиотически указывает на своего владельца и характеризует этого владельца соответствующими признаками и параметрами» [Олянич 2004: 230]. К пространственным презентемам мы относим колоремы, в которых главный информационный и воздействующий вектор направлен на цветовую индикацию сообщения, значимую для успешной коммуникации.

Анализ цветовой индикации блогов показал, что мужчины отдают предпочтение бледным пастельным тонам: белый, бледно-голубой, бледно-серый, в единичных случаях – беж и салатový. Яркие цвета – черный, синий, оранжевый, насыщенный голубой – используют только при оформлении «шапки» блога. Из 50-ти только 12 блогов оформлены ярко, красочно, сюжетно, причем в семи из них – только «шапка».

У женщин на первый план выходит даже не оформление, а скорее декорирование «жилого» пространства, адресованное в качестве послания *игби et оргби*, содержащее информацию о внутреннем состоянии автора и его отношении к миру. Возможно, здесь находит отражение присущее женщинам в реальной жизни стремление к поиску своего образа и стиля с целью подчеркнуть свою индивидуальность. Отсюда и стремление к использованию ярких, сочных красок в оформлении блога. В большинстве случаев женщины используют в качестве колорем теплые оттенки цветов в сложном их сочетании: розово-сиреневый, салатово-розовый, розово-голубой, желто-зелено-красный, сиренево-серо-розовый, сиренево-фиолетовый, красно-черный и т.д. Обязательным композиционным решением блога является наличие рисунков-образов: голубь, лебедь, девушки, дети, герои мультфильмов и т.д. В более половины блогов присутствуют движущиеся картинки, рисунки, что, в принципе, не характерно для мужских блогов.

В результате проведенного исследования были выявлены различия в отношении к блогу мужчин и женщин и различия в подходах к созданию, ведению и оформлению блога. Так, мужчины относятся к блогу, как к набору ресурсов, справочнику, и им присущ инструментальный, прагматичный подход к созданию и ведению блога. Женщины относятся к блогу, как к «виртуальному жилищу», и к их подходу в полной мере применима метафора обустройства дома. Весьма показателен в этом отношении пример использования презентем-интродуктивов в качестве обозначения рубрик в «Блоге жены СЕОшника»:

Жилище

- *SEOвыебудни*
- *Гостиная*
- *Детская*
- *За окном*
- *Звероферма*
- *Комната для размышлений*
- *Кухня*
- *Моя комнатка*
- *Спальня*
- *Спортзал*
- *Сундук со сказками* (seowife.ru/)

Существенное различие заключается также в том, что мужчины проводят четкую границу между приватным и публичным и, как правило, редко ее переходят. Женщины более откровенны и охотно пускают в свой внутренний мир. Указанные различия сказываются и на особенностях использования различных типов презентем.

Список использованных источников:

1. *Прохвачева О. Г.* Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка): дисс. ... канд. филол. наук / О. Г. Прохвачева. – Волгоград, 2000. – 225 с.

К. і. н. Будзар М. М.

РВНЗ «Кримський гуманітарний університет», м. Ялта, Україна

ПЕРЕКЛАД ЯК ІНСТРУМЕНТ ІНТЕРПРЕТАЦІЙ У ЦАРИНІ ФІЛОСОФІЇ, ІСТОРІЇ ТА КУЛЬТУРИ: КОНЦЕПТУАЛЬНИЙ ПІДХІД В. С. ГОРСЬКОГО

Проблема перекладу у сфері гуманітарного знання межі ХХ–ХХІ століть розглядається не тільки як суто спеціальна, фахова, але й як загально світоглядна, така, що має безпосередній зв'язок з процесом формування й трансляції інтелектуального й духовного досвіду людства загалом і певної спільноти зокрема.

У вітчизняній традиції останньої третини ХХ століття ставлення до перекладу як феномену наукової діяльності остаточно визначилося у концептуальних розробках вчених, котрі розглядали перекладацьку діяльність не тільки як вагомий засіб активізації контактів українського інтелектуального співто-

вариства зі світової науковою думкою, але як необхідний чинник світоглядно-методологічного оновлення, гуманітаризації наукових практик.

Серед цих вчених особне місце належить Вілену Сергійовичу Горському (1931–2007), одному з провідних представників київської філософської школи другої половини ХХ століття, чії праці з історії філософії, історії вітчизняної культури, історії філософсько-релігійної думки в Україні сприяли, серед інших, активізації особистісного виміру української історіософії та утвердженню культурологічного підходу, що ґрунтувався на розумінні філософії як особливої сфери духовної діяльності, яка потребує застосування специфічного інструментарію інтерпретації філософського тексту (та, ширше, усіх текстів, актуальних у просторі національної та світової культур).

У фундаментальних працях В. С. Горського 80-х – 90-х років ХХ століття «Історико-філософське тлумачення тексту», «Філософія в українській культурі: методологія та історія» та інших було умотивовано основні принципи обґрунтування переходу історико-філософського знання на рівень культури, яка, за думкою вченого, є загальною формою людського буття, що інтегрує різноманітні форми діяльності людини, «доводить» їх до рівня, де стає можливим індивідуальний розвиток особистості як найвища мета та сенс людського буття [2, с. 81]. Ці вирішальні принципи – «діалогізм» та гуманізація. Перший з них визначається тим, що культура, реалізована у просторі історії, виступає формою одночасного буття й спілкування людей – представників минулих, сучасних і майбутніх культур, формою їхнього діалогу та взаємопроникнення. Другий актуалізує поняття контексту, що передбачає гуманізацію або «деперсоніфікацію» історії, погляд на неї як на арену і результат діяльності творчої особистості.

Застосування принципів «діалогізму» та «деперсоніфікації історії» стимулює включення усього духовного багатства минулої культури до актуального базису національної свідомості та дозволяє усвідомити той факт, що культура за своєю природою інтерсуб'єктивна, вона має своєю передумовою існування суб'єктів, котрі вступають між собою у спілкування.

Як можемо упевнитися, засадничими положеннями «концепції перекладу», запропонованої В. С. Горським наприкінці ХХ століття, стали ідеї, що успішно розроблялися на той час світовим науковим співтовариством (й не втратили своєї актуальності до сьогодні) – «діалогічної герменевтики» (Г.-Г. Гадамер, П. Рікер тощо), «семіотики культури» (Р. Барт, М. Бахтін, М. Лотман, Е. Кассірер, Ф. де Соссюр, інші) та вітчизняними науковцями (зокрема, представниками «світоглядно-антропологічного» напрямку в українській філософії (серед інших – В. П. Іванов, В. Г. Табачковський, В. І. Шинкарук).

Але домінантою цієї концепції стало обґрунтування оригінального типу філософствування, що, за думкою В. С. Горського, віддавна сформувався у межах української культури та зумовлює засоби й форми перекладу усіх текстів, актуальних у вітчизняному культурному просторі. За думкою вченого, цей, відмінний як від Сходу, так і Заходу, тип філософствування відзначається суб'єктом пізнання: «...любомудр», філософ є тут не суто гносеологічним, а цілісним суб'єктом. Він не обмежується функцією відображення буття як чогось зовнішнього щодо нього, <...> не мислить себе <...> тотожним буттю. Тут суб'єкт виступає як факт всередині буття...» [4, с. 200]. Провідними ознаками такого філософа як «цілісного суб'єкта», за висновками В. С. Горського, є 1) переживання всезагального як власної долі; 2) єдність морального й гносеологічного; 3) набуття філософського знання через внутрішню боротьбу й власний душевний досвід.

Тобто, як бачимо, українській інтелектуальній традиції, за переконанням В. С. Горського, властива екзистенційно-антропологічна редукція гуманітарного знання, що здавна обумовлювала розгортання будь-яких філософських пошуків навколо проблеми людини та людської історії [4, с. 201]. Це потребує від перекладача вміння віднайти мову, адекватну стилю філософствування автора: «Переклад вимагає розбудови власної живої мови, ми працюємо відповідно до ідей, що ними жив мислитель, чий твір перекладається» [5, с. 57].

Таким чином, світоглядною базою концепції перекладу у спадщині В. С. Горського є ставлення до перекладача як до особистості, котра перебуває у екзистенційній ситуації вибору, знаходиться на межі між автором, окремим читачем та суспільством взагалі, має кожен раз обґрунтовувати свій особистісний вибір, відповідати за нього.

Головним інструментом перекладу у сучасних умовах, за умовиводами вченого, є сучасна теорія тексту та інтерпретації, тому що перекладацька діяльність потребує вирішення сукупності тих проблем, які висуває робота з будь-яким текстом, тільки у гіпертрофованій формі. «Теорема перекладу» за В. С. Горським, базується на аксіомі контексту та аксіомі значення.

Також, на думку філософа, проблема перекладу в тій соціокультурній ситуації, що склалася в Україні до 90-х років ХХ століття (й не змінилася досі), обертається проблемою створення «мови теоретизування», коли процес перекладу українською мовою обертається створенням української філософської мови. Недаремно нарис, присвячений В. С. Горським питанню перекладу, має назву «Переклад як інтерпретація по-українськи» [5, с. 54–61]. Науковець виділив низку проблемних питань, повністю нереалізованих й до сьогодні:

ставлення до перекладу як до технічної процедури, недостатня сформованість україномовної академічної філософської школи, утворення ситуації «подвійної герменевтики» (вираз сучасного дослідника Н. В. Бевза), коли процесу створення української створення української елітної філософської мови активно протистоїть експансія англomовного філософського спілкування та англomовних перекладів [1, с. 39].

У цілому, визначаючи переклад як культурний феномен, що вимагає інструментарію теорії інтерпретації, В. С. Горський доходить висновку, що перекладання текстів, що в них закладено філософські значиму ідею, потребує подвійного аналізу: з позиції походження тексту (генетичний аналіз), тут є актуальним переклад з нефілософської мови на філософську, та з позиції використання тексту (функційний аналіз), коли потрібний переклад з філософської мови на нефілософську [3].

Вищевикладене дозволяє зробити висновок, що концепція перекладу, представлена у спадщині В. С. Горського, репрезентує цей феномен як невід'ємний складник вітчизняних інтелектуальних практик, як акт, сповнений багатьма сенсами, тому що він передбачає перенесення людських досвідів з одного контексту до іншого, як «екзистенційно забарвлену» діяльність, яка має базуватися на гуманізації, персоніфікації інтелектуального знання.

Список використаних джерел:

1. *Бевз Н. В.* Переклад філософських текстів у сучасному культурному просторі України / Н. В. Бевз // Вісник Житомирського університету: зб. наук. праць. – Житомир, 2011. – Вип. 56; сер. «Педагогічні науки». – С. 38–40.
2. *Горський В. С.* Историко-философское истолкование текста; [отв. ред. И. П. Голваха] / В. С. Горський. – К. : Наукова думка, 1981. – 205 с.
3. *Горський В. С.* Переклад як феномен сучасного українського філософського життя / В. С. Горський // Український гуманітарний огляд. – К. : НАУКМА, 2000. – Вип. 3. – С. 123–128.
4. *Горський В. С.* Філософія в контексті історії української культури / В. С. Горський // Феномен української культури: зб. наук. праць; [відп. ред. В. Шинкарук, Є. Бистрицький]. – К. : Фенікс, 1994. – С. 192–217.
5. *Горський В. С.* Філософія в українській культурі: методологія та історія / В. С. Горський. – К. : Центр практичної філософії, 2001. – 236 с.

К. п. н. Гутарева Н. Ю.

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Российская Федерация*

КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ТЕСТИРОВАНИЯ

В данной работе мы кратко остановимся на интерпретации успеха и неудачи, а также конфиденциальности современного тестирования. Организаторам тестирования следует продумывать процедуру сообщения результатов, т.е. уметь квалифицированно рассказать о недочетах, допущенных экзаменуемым в процессе контроля. Это следует делать даже при общей положительной оценке теста. На наш взгляд, возможность получить комментарий по поводу выполненной работы «переводит» испытуемого из категории контролируемых в категорию активных участников тестирования. Кроме того, доброжелательное, квалифицированное обоснование успеха или неудачи экзаменуемого позволяет снизить давление оценки на последующее обучение, повысить мотивацию к изучению языка. Рекомендуется оговаривать с испытуемым возможность сообщения его результатов «третьему лицу» или возможность анализировать итоги экзамена, к примеру, в учебной группе, на методическом совете, на заседании кафедры. Поведение тестирующих и рецензентов во время и после экзамена должно быть корректным и тактичным [1, с. 27].

Следует обозначить основные принципы, которые могут составлять этический кодекс проводящих тестирование: 1) ответственность, объективность, честность и поддержание высоких норм в работе; 2) соблюдение моральных и правовых стандартов и требований общества; 3) обеспечение нравственного и этического «благополучия» испытуемого, уважение его прав; 4) корректность и сдержанность в публичных оценках; 5) конфиденциальность, гарантирующая сохранность информации об экзамене, неразглашение его результатов; 6) истинная интерпретация теста; 7) ответственность за авторитет вуза, центра тестирования [2, с. 13].

Использование технических средств позволяет улучшить контроль, придать более естественный характер речевым действиям испытуемых. Вместе с тем, технические средства могут оптимизировать тестирование только в том случае, если

- они использовались и раньше в качестве органичной части системы занятий по иностранному языку или при подготовке к сдаче теста;
- они соответствуют задачам контроля;
- использование технических средств продуктивно и не требует большой затраты усилий со стороны участников контроля;
- технические средства работают четко, без сбоя.

Например, при тестировании навыков и умений аудирования не рекомендуется пользоваться печатным текстом как вербальной опорой. В то же время могут привлекаться художественно-изобразительные средства, передающие содержание аудиотеста. При организации теста по говорению обязательным атрибутом экзамена является магнитофон (тест, как правило, проводится в языковой лаборатории или в специально оборудованной аудитории), так как ответ тестируемого записывается на магнитную ленту. Нередко при этом приходится наблюдать у студентов чувство неловкости, скованности, поскольку в учебном процессе они не оказывались в ситуации, когда их речь записывалась на магнитофон. Таким образом, и в данном случае важно чувство привычности, искусственности. Кино-, теле-, видеофильмы, используемые при тестировании, позволяют каналам восприятия информации комплексно «включиться в работу». Эти технические средства отличает информативность зрительно-слухового ряда, выразительность, яркость, достоверность, динамизм изображения. Вместе с тем, следует учитывать, что цель должна оправдывать средства. Если краткому ответу на поставленный в тесте вопрос предшествует длительный по времени просмотр видеоматериалов, то использование технических средств нельзя признать эффективным.

Таким образом, тесты — это измерительный инструмент, с помощью которого современная педагогика объективизирует контроль и оптимизирует обучение [3, с. 42]. В методике преподавания иностранного языка формируется научный, научно-практический подход к сложной проблеме лингводидактического тестирования. «Важной целью современного тестирования является содействие самопознанию и развитию личности» [4, с. 7]. Итак, следует постоянно продумывать вопросы культуры составления, проведения и интерпретации тестов.

Список использованных источников:

1. *Анастаси А.* Психологическое тестирование / А. Анастаси. – В 2 кн. – М.: Педагогика, 1982. – 112 с.
2. *Кейн Л.* Этика общения / Л. Кейн. – М., 1998. – 232 с.
3. *Пидкадистый П. И.* Психолого-дидактический справочник преподавателя высшей школы / П. И. Пидкадистый, Л. М. Фридман, М. Г. Гарунов. – М., 1999. – 142 с.
4. *Рапопорт И.* Тесты в обучении языкам в средней школе / И. Рапопорт, Р. Сельг, И. Соттер. – Таллинн, 1987. – 312 с.
5. *Ананьев Б. Г.* Избранные труды по психологии / Б. Г. Ананьев. – СПб.: СПУ, 2007. – 412 с.
6. *Лисовский В. Т.* Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) / В.Т. Лисовский // Социологические исследования. – 1998. – № 5. – С. 98–104.

К. пед. н. Куимова М. В.

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Российская Федерация*

СПОСОБНОСТЬ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК ОДНА ИЗ ЗАДАЧ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В контексте новых подходов и изменений, в стратегиях обучения иностранным языкам в вузе, формирование различных компонентов иноязычной коммуникативной компетенции становится важным и неотъемлемым.

В процессе изучения и усвоения иностранного языка, происходит расширение не только кругозора, но и границ мировосприятия и мироощущения обучающегося. В условиях межкультурного общения его участники, используя свой лингвокультурный опыт и свои национально-культурные традиции и привычки, одновременно пытаются учесть также и иной языковой код, иные традиции и обычаи, иные нормы социального поведения. Если же этого не происходит, то акт межкультурного взаимодействия может не состояться или нарушиться по причине возникновения так называемых «коммуникативных сбоев», имеющих более серьезные негативные последствия для взаимопонимания партнеров по общению, нежели языковые ошибки. Так как незнание или игнорирование прежде всего поведенческих стереотипов и соответствующих им языковых форм отрицательно отражается на тональности и результатах общения, негативно сказывается на ходе межкультурного диалога [2; 3; 5; 6]. К тому же, ни одно событие, ни одна ситуация не воспринимаются человеком беспристрастно, так как они всегда оцениваются с точки зрения принятых в родном социуме культурных норм и ценностей.

Как известно, в процессе общения в межкультурных ситуациях, даже если его участники владеют общим языковым кодом, присущи конфликты между знанием и незнанием, между готовностью понять и предубеждением. В связи с этим, современная методика обучения иностранному языку направлена на разрешение этих конфликтов, т.е. на развитие у студентов способностей реализовывать и понимать иноязычные коммуникативные конструкции в соответствии с конкретной ситуацией общения, речевой задачей и коммуникативным намерением [1–7]. Для корректного достижения этой цели необходимо развитие речевого и культурного опыта.

Таким образом, учитывая требования межкультурного общения, можно сказать, что в процессе обучения студенты должны:

- работать с фрагментами аутентичных аудио и видеозаписей (мультфильмы, телевизионная реклама, художественные и документальные фильмы, клипы, выпуски новостей, песни и т.д.);

- читать разнообразную по стилю и тематике аутентичную литературу (журналы, газетные статьи, брошюры, справочники, комиксы, билеты, различные программки, меню, открытки и т.д.);
- общаться с носителями языка;
- принимать участие в международных студенческих конференциях;
- участвовать в программах академической мобильности.

В заключении следует отметить, что межкультурный подход к обучению иностранному языку призван способствовать приобретению студентами лингвистического опыта в другом языке и приобщению с его помощью к культуре, традициям, обычаям страны изучаемого языка. Безусловно, это даст им представление об этических и нравственных нормах поведения, принятых в инокультурном социуме, о моделях социальных ситуаций, типичных сценариях взаимодействия; позволит проявлять терпение, быть готовыми скорректировать свое поведение, в соответствии со складывающейся ситуацией.

Список использованных источников:

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
2. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.
3. *Гудков Д. Б.* Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. Лекционный курс для студентов РКИ / Д. Б. Гудков. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 120 с.
4. *Латышев Л. К.* Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания / Л. К. Латышев. – М.: Просвещение, 1988. – 160 с.
5. *Льюис Р. Д.* Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию / Р. Д. Льюис. – М.: Дело, 1999. – 440 с.
6. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособ. / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
7. *Чаковская М. С.* Текст как сообщение и воздействие: (на материале англ. яз.): учеб. пособ. для студ. пед. ин-тов / М. С. Чаковская. – М.: Высшая школа, 1986. – 127 с.

К. психол. н. Онуфрієва Л. А.

Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка, Україна

ФОРМУВАННЯ ІНШОМОВНОЇ КОМУНІКАТИВНОЇ КУЛЬТУРИ ОСОБИСТОСТІ В ПРОЦЕСІ ОВОЛОДІННЯ ІНОЗЕМНОЮ МОВОЮ ПРОФЕСІЙНОГО СПРЯМУВАННЯ

Сучасний розвиток України, пошук співробітництва з іншими державами на різних рівнях вимагає підготовки висококваліфікованих фахівців, здатних орієнтуватися в діловому світі, а, отже, зростають вимоги до фахівців, які включають не лише високий рівень знань і вмінь за фахом, а й володіння

іншомовною комунікативною культурою. Проте навчання іноземної мови у немовних спеціальностях ВНЗ має низку особливостей, а, тому, потребує перегляду багатьох факторів. Студенти немовних спеціальностей часто не бачать сенсу в оволодінні іноземною мовою поряд із фаховими дисциплінами й мають дуже низьку мотивацію до вивчення мови та формування іншомовної комунікативної культури.

Оволодіння іноземною мовою у ВНЗ розглядається як надбання комунікативної компетенції на базі сформованої лінгвістичної компетенції. Теоретичні розвідки виявили, що розкриття психологічного аспекту спілкування та його культури передбачає вивчення цього феномену як міжособистісної взаємодії, його ролі у детермінації психічних процесів, функцій і станів. У психологічній науці спілкування є одним із важливих об'єктів дослідження, які зосереджуються на проблемах міжособистісних взаємин (О. О. Бодальов, М. М. Обозов); спільної діяльності (Г. М. Андрєєва, М. Н. Корнєв, А. Б. Коваленко, Л. Є. Орбан-Лембрик, М. І. Пірен); структури діалогу (Г. М. Кучинський, М. М. Ночевник, В. А. Семиченко, В. Т. Циба). Дослідження проблеми спілкування та його культури має велике значення для поглиблення загального наукового осмислення проблем людини, життя, культури (Г. М. Андрєєва, Г. О. Балл, Л. Е. Орбан-Лембрик, Т. С. Яценко). Культура спілкування розглядається як цілісна система, яка містить взаємопов'язані моральні й психологічні складові. Оволодіння студентами соціономічних професій іншомовним спілкуванням здійснюється під час навчального процесу в рамках фахової підготовки, на якого здійснюють вплив психолого-педагогічні фактори, пов'язані з індивідуально-психологічними особливостями особистості студента, психолінгвістичні та соціокультурні. В організації самого навчання іншомовного спілкування важливу роль відіграє психологічний тип особистості викладача. Домінуючий тип мотивації особистості (авторитарний, маніпулятивний, діалогічний) впливає на діалогізацію особистості, її орієнтацію на створення атмосфери співробітництва, встановлення довірчих відносин, взаєморозуміння зі студентами, що являється надзвичайно важливим, так як повноцінне спілкування можливе лише в атмосфері навчального співробітництва [2].

Вибір методів навчання й оволодіння іншомовним спілкуванням залежить також від психологічних особливостей самих студентів: від індивідуального досвіду спілкування, від їх перцептивно-рефлексивних здібностей, адже не всі студенти, які навчаються в університеті, мають сформовані вміння спілкування рідною мовою, що зазвичай створює певні проблеми в оволодінні іноземною мовою. У своїх дослідженнях В. В. Рижов зазначає, що студенти з обмеженим

колом спілкування давали низькі показники емоційних станів, комунікативної поведінки, тому й допускали більший відсоток помилок [2].

Комунікативно-орієнтоване викладання іноземних мов має на меті не тільки дати студентам практичні знання граматики та лексики мови, що вивчається, але також розвинути у них розуміння того, як відповідна мова використовується для спілкування. Формування у студентів немовних спеціальностей ВНЗ здатності й уміння мислити і спілкуватися іноземною мовою означає не лише послідовне «заміщення» елементів рідної мови елементами іноземної; мислення і спілкування іноземною мовою знаменує складну перебудову всієї структури формування думки й структури діяльності спілкування, які склалися на рідній мові, отже, набуття здатності до «переключення» мислення з однієї мови на іншу. За мінімальної кількості годин, відведених на вивчення іноземної мови на немовних спеціальностях ВНЗ (перший і другий семестри – по 24 і 26 годин відповідно, третій і четвертий семестри – по 20 годин практичних занять), аудиторні заняття доводиться присвячувати, в основному, вивченню відібраного лексичного і граматичного матеріалу, тобто формуванню у студентів перш за все лінгвістичної компетенції, а також навчанню професійного читання з фаху. Надзвичайно важливо, але дуже важко розвинути достатню усно-мовленнєву комунікативну іншомовну компетенцію студентів на немовних спеціальностях ВНЗ, тим більше, що рівень володіння мовним матеріалом студентів-першокурсників, як правило, дуже низький.

Вивчення іноземної мови студентами немовних спеціальностей ВНЗ спрямоване на оволодіння іноземною мовою за професійним спрямуванням, що передбачає вміння викладачів іноземної мови поєднати загальні вміння і навички студентів з іноземної мови та їх професійними знаннями у певній галузі науки й техніки. Доцільним навчальним автентичним матеріалом, за допомогою якого здійснюється цей перехід, виступають оригінальні тексти з періодики, наукові статті й доповіді, монографії іноземною мовою. У наш час читання професійно-орієнтованих текстів на іноземній мові вимагає від студента і викладача сформованості нових навичок та більш високого рівня розвитку вмінь читати й зрозуміти прочитане, адже більш широкого поширення у методиці навчання іноземної мови на немовних спеціальностях ВНЗ набуває когнітивно-комунікативний підхід, який розглядає текст як єдність комунікації та когніції. Саме це читання вимагає від студента не лише вміння читати взагалі, а читання іншомовного тексту з метою подальшого використання нової інформації з цього тексту (написання анотації, переказ в аудиторії, складання плану або цитування у науковому дослідженні, тобто зрілого читання). Мета такого навчання читання з фаху – це комунікативне завдання, спрямоване на

досягнення студентами практичної мети. Але при цьому варто наголосити, що навички та уміння уже зрілого читання можна сформувати у студентів немовних спеціальностей ВНЗ лише за допомогою фахових текстів [1].

Зростаючі ділові та культурні зв'язки із зарубіжними країнами вимагають, щоб сучасні фахівці володіли навичками ділового листування. Для цього студентів слід навчити правилам дотримання мовного етикету писемного мовлення, що передбачає використання мовленнєвих кліше і розмовних формул для висловлювання своїх комунікативних намірів та дотримання правил ввічливості. На жаль, студенти немовних спеціальностей ВНЗ звичайно не мають уявлення про культурологічні особливості ділового писемного мовлення, що не може не викликати труднощів у писемній комунікації. Враховуючи обмежену кількість аудиторних годин, немає можливості знайомити їх з теорією.

Специфіка педагогічної діяльності викладача іноземної мови визначається тим, що вона фактично є не просто навчальною, а комунікативно-навчальною. Оскільки засвоєння іноземної мови потребує умінь реального спілкування, заняття потрібно спрямовувати на подолання власне мовного бар'єру і на розкріпачення та формування комунікаційних умінь (вміння реалізувати змістове повідомлення, здійснити обмін думками навіть за умов браку мовних засобів), а також на відпрацювання правил формулювання думки в ситуації спілкування. Комплексний розвиток усіх рівнів реалізації спілкування досягається за умови організації не лише парних, а й групових комунікативних взаємодій; при цьому рекомендується організовувати і особистісно-групове спілкування, тобто виступи перед аудиторією з проектами, повідомленнями, доповідями та ін. Доцільною є постійна зміна умов спілкування, його контексту – місця, часу, простору, кількості співбесідників, переважаючого настрою комунікативних ситуацій та ін. Також можливе сполучення міжособистісного й групового спілкування з предметно-практичною діяльністю та її прогнозування. Звичайно, виправдане надання своєрідної допомоги партнеру: підтримання його темпу мовлення, стимуляції його активності, створення обстановки дружності та невимушеності[1].

Аналізуючи процес навчання іншомовного спілкування, можна виділити низку факторів, які впливають на оволодіння іншомовним спілкуванням: психолого-педагогічні, індивідуально-психологічні особливості студента, психолінгвістичні й соціокультурні фактори. Під час оволодіння іншомовним спілкуванням недостатньо навчити студентів складати речення й розмовляти іноземною мовою, а потрібно прагнути до формування іншомовної комунікативної культури. Адже комунікація охоплює певну кількість не тільки лінгвістичних умінь, але також психологічних і соціокультурних, якими повинен оволодіти студент.

Отримані результати показали, що за відповідної організації занять з іноземної мови не тільки забезпечується більш високий рівень оволодіння студентами немовних факультетів ВНЗ вміннями та навичками іншомовного спілкування, але й створюються умови для формування іншомовної комунікативної культури, процес формування якої суттєво прискорюється за умови включення до навчальної програми змісту, що відповідає фаховим установкам на успішне здійснення в майбутньому професійної діяльності.

Список використаних джерел:

1. *Онуфрієва Л. А.* Психологічні особливості формування іншомовної комунікативної компетенції у студентів-майбутніх випускників немовних спеціальностей ВНЗ / Л. А. Онуфрієва // Проблеми сучасної психології: зб. наук. праць Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка, Інституту психології імені Г. С. Костюка НАПН України / за ред. С. Д. Максименка, Л. А. Онуфрієвої. – Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2011. – Вип. 12. – С. 727–739.
2. *Рыжов В.В.* Психологические основы коммуникативной подготовки: автореф. дис.... д-ра псих, наук: 19.00.01. – Новосибирск, 1995. – 35с.

К. филол. н. Садовникова М. Н.

Южный федеральный университет, Российская Федерация

ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИЙ ОБРАЗ ЭВФЕМИЗМА: МЕЖДУ ВЕЖЛИВОСТЬЮ И БЕСТАКТНОСТЬЮ

Как подчеркнула К. Кербра-Оречьони, характерной чертой эвфемизма является отрицательная вежливость, обусловленная нежеланием шокировать собеседника. Связь эвфемизма с отрицательной вежливостью очевидна, например, когда в языке прессы говорят о физических инвалидах, называя их «французами маленького роста» или «слабовидящими». С одной стороны, эти эвфемизмы ставят во главе одну из коррективных стратегий, присущую отрицательной вежливости. С другой стороны, эвфемизмы ослабляют возможную угрозу, по отношению к позитивным и негативным сторонам вышеназванных людей.

Эти две стратегии «исправления» и «поддержки» используются в речи в неравной степени, в зависимости от области эвфемизирования. Некоторые эвфемизмы мотивированы исключительно заботой о читателях, дабы не оскорблять их чувства, особенно чувства тех, кто находится в затруднительной ситуации (инвалиды). Так в случае, когда журналист Клод Барро употребил «отправка за границу», чтобы избежать малейшего намека на процедуру высылки, изгнания, будь она судебной или выполняемая полицией. Для других

эвфемизмов стратегия «поддержки» является более предпочтительной. Так, в примере нищета стран третьего мира отрицается автором статьи через реформулировку «развивающиеся страны», которая позволяет мыслить позитивно и смотреть в будущее с надеждой. В этих двух случаях эвфемизм, как социальная фигура, имеет регулирующую функцию. Это упрощает взаимодействие средств масс-медиа с общественностью.

Однако когда рассматривают вопрос вежливости в самом узком смысле, принимая во внимание параметр подлинности, получается, что все эвфемизмы прессы не являются по своей сути фигурами вежливыми, оставаясь, тем не менее, уважительными по отношению к другим. Если эвфемизмы подлинные и воспринимаются таковыми (как в случае с примерами, затрагивающими серьезные проблемы инвалидности), они производят эффект настоящей вежливости. Но часто вежливость эвфемизма является лишь мнимой. Это происходит, когда неискренний, неподлинный эвфемизм воспринимается как подлинный. Такие ситуации типичны для случаев, когда пресса пытается скрыть, например, факт военного вмешательства. Рассмотрим два заголовка, взятых из газеты Фигаро, посвященных теме войны с Алжиром:

Sud-Constantinois: dix-huit rebelles arrêtés suite aux opérations de maintien de l'ordre (04.02.1957); *Poursuite de la pacification dans les Aurès* (15.03.1957).

Колониальная война здесь превратилась в «операции по восстановлению порядка» и в «восстановление порядка». Очень трудно оценить искренность журналиста Фигаро, но его эвфемизация проистекает точно из официальных источников, из источников официальных властей Четвертой Республики, не желающих пугать граждан Франции и избегающих осуждения ООН. Здесь способ изображения через «исправление» факта уступает место прямой манипуляции, отвлекающей внимание общественности, направленной на вуалирование факта существования войны, очищающей совесть властей и присоединяющей народное мнение к мнению властей, благодаря аргументам мира и порядка. Все это ведет к появлению шаблонного языка, по мере того, как общество позволяет поставить властям свое мнение выше его собственного, используя аргументы, кажущиеся очевидными и убедительными. Данный способ эвфемизации в языке СМИ, на наш взгляд, крайне популярен. Однако это лицемерие властей идет в разрез с понятием вежливости.

Можно привести еще примеры, когда пресса пытается завуалировать факты военного вмешательства. Например:

Les morts sont aussi nombreux lors de raids aériens et effectués par des drones. Ainsi, une attaque de missiles, à Abyan, au sud du Yémen en décembre 2009, avait causé la mort de 41 personnes, dont 14 femmes et 21 enfants. L'utilisation d'armes

américaines a été confirmée et le département de la défense n'a pas commenté cette opération, ajoute le rapporteur (Le Figaro du 13.06.2012).

Данная статья посвящена военному вмешательству американской армии в Сирию, ввиду которого пострадали гражданские лица. Но журналисты используют корректные формулировки «воздушные рейды» и «операция». Это также можно рассматривать как способ изображения реальности через «исправление». В результате чего возникает дедрамотизированная реальность. Можно также сказать, что формулировка «**операция**», вместо «**военные действия**» крайне популярна в языке прессы.

Les opérations contre des écoles sont monnaie courante, ces établissements servant ensuite de bases militaires ou de centres de détention et de tortures (Le Figaro du 10.06.2012).

Эвфемизм не всегда рождает согласие. Он может также и не иметь успеха, показавшись обществу нечестным или невежливым, то есть с отсутствием элементарных норм искренности, которые регулируют гармоничность речевого обмена. В том случае, когда вежливая формулировка эвфемизма рассматривается как бестактная, он отвергается общественностью. Эта ситуация встречается, когда к примеру честного политика с немного вычурной речью подозревают в нечестности. Так было во время дебатов, посвященных проблемам пригородов. Мари-Ноэль Линеман, мэр города Анти-Мон, произнесла такую фразу: «Les actes d'incivilité ne doivent plus être tolérés». Услышав подобный эвфемизм, ставший нормальным для обозначения проявления обыденной жестокости, насилия, журналист газеты *VSD* Эрик Рауль тут же обвинил Линеман в использовании шаблонов, с целью скрыть серьезность проблемы. Мэр попыталась оспорить это обвинение, объяснив, что использовала термин «неучтивость» с целью воззвать к осознанию гражданского долга.

Бестактность эвфемизма может быть обнаружена, если недостаточно или вовсе неискренняя формулировка эвфемизма критически трактуется тем или иным комментатором. Этот случай касается некоторых вышеназванных эвфемизмов, которые более не используются журналистами. Хотя журналисты все-таки иногда прибегают к подобным эвфемизмам, используя кавычки или дополняя их комментариями:

Lavé de tout soupçon, le chômage s'appellera désormais «sous-emploi». Au terme de chômage, le BIT préfère la notion de sous-emploi plus lisse et plus large. Cette nouvelle notion est ainsi déchargée et lavée d'un passé obscur et de ses connotations négatives (F. Artigot, Le Temps du 16.10.1998).

Иногда журналисты выбирают тон решительного памфлетиста, чтобы заклеить то или иное выражение, принятое в определенных кругах, и показать его лживый характер:

Il est temps que l'on se donne les moyens de mettre fin aux pervisions nées de cette prétendue «globalisation» qui ne fait que cacher, sous un nom trompeur et séduisant, les dérives d'un libéralisme que l'on manipule dans l'intérêt illégitime de certains (Jean- Paul Carteron, Le Temps du 23. 06.1999).

Являясь социоречевой фигурой, для эвфемизма в языке прессы характерна необходимость выбора, которая предоставляется СМИ. Нужно ли ставить во главе всего общественное спокойствие и ради этого поощрять появление эвфемизмов, рискуя при этом принять сторону лжи? Либо напротив, стоит во имя морали и этики, исключить эвфемизмы из языка прессы? В любом случае, эвфемизмы языка прессы обнаруживают табу и запреты современного мира.

Думается, приведенные выше примеры доказывают манипулятивный характер эвфемизмов, используемых в языке французской прессы. Общественность должна быть в курсе происходящего в экономике, политике и других сферах жизни, но иногда представители власти и СМИ предоставляют ей информацию таким образом, чтобы не вызывать ее сильное, иногда преждевременное, смятение и недовольство.

Сеттарова М. Д.

Крымский инженерно-педагогический университет,

г. Симферополь, Украина

РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Одним из наиболее важных аспектов лингвистики является языковая вариативность. Под термином «вариативность» мы понимаем – процесс развития и изменения языка, который указывает на наличие способности к видоизменению, проявляющийся в речи [1, с. 71]. Вариативность является неотъемлемой частью принципов организации и построения языковой системы. Вариативность способствует изменению характера языковой системы, диверсификации языковых единиц и определяет наличие таких понятий как диалект и акцент.

Таким образом, в американском варианте английского языка отмечается широкий диапазон региональной вариативности нормы на фонетическом уровне [4, с. 34]. Количество выделяемых диалектных зон варьируется от трех (Север, Юг и Мидленд) [3, с. 364] – до двадцати четырех и более [6, с. 120]. В данной работе выделяется 8 основных групп территориальных диалектов:

1) диалекты Новой Англии (the New England Dialects), характеризующиеся выпадением [r] в конечной и пред консонантной позициях;

2) диалекты Нью-Йорка (the New York Dialects), особенностью данного диалекта является опущение сонанта [r] в поствокальной позиции о, а дифтонги [ɜr] произносятся как [ɔɪ] thirty [tɔɪti], а [ɔɪ] как [ɜr] toilet [tɜrlət]; Межзубный звук [θ] произносится как [t] three [tri:], а [ð] как [d] those [dəuz].

3) диалекты Великих Озер (the Great Lakes Dialects), отличительной чертой которых является сдвиг или изменение места артикуляции *гласной фонемы* [6, с. 121]. Также особенностью данного диалекта является произношение фонемы [r] после гласного звука, так называемое «эрное» произношение или «эрность» (англ. термин «rhotic pronunciation», «rhoticity») [2, с. 16].

4) диалекты Верхнего Среднего Запада (the Upper Midwest Dialects); в которых происходит монофтонгизация дифтонгов, что является следствием скандинавского влияния и влияния канадского варианта английского языка. Сильная «эрность» наблюдается также в северной и западной части США, так как эти районы были населены ирландско-шотландскими иммигрантами [8, с. 98-99].

5) диалекты Мидлэнда (средней части страны) (the Midland Dialect). Каждый из городов этой группы диалектов имеет свои местные особенности [7];

6) западные диалекты (the Western Dialects) характеризуются, во-первых, отсутствием фонематических различий в словах типа cot и caught. Во-вторых, дифтонгоид заднего ряда [u:] произносится как гласный более переднего ряда [7].

В группе западных диалектов было бы целесообразно выделить в особую подгруппу Калифорнийский диалект, который с 60–70-х годов XX-го века (благодаря его доминирующей роли в индустрии развлечений) фактически становится произносительной нормой [8]. В Калифорнии подобно Северному и Южному сдвигу происходит изменение всей системы гласных, так называемый Калифорнийский сдвиг гласных.

7) диалекты Южного Горного района (the Mountain Southern Dialects), отличительной чертой которых является так называемый Southern drawl, особая манера говорить, растягивая гласные звуки. К другим особенностям можно отнести добавление гласного призвука [a] к герундию и причастию I, а буквосочетание «th» в конце слов произносится как [f].

8) диалекты Южного побережья (the Coastal Southern Dialects), характеризующиеся выпадением [r]. Этим диалектам также свойственен так называемый певучий говор южан (Southern drawl). В южных диалектах, подобно северным, происходит сдвиг гласных, получивший название Южный сдвиг гласных (the Southern Shift). При этом дифтонг [aɪ] звучит как [eɪ]; [eɪ] в некоторых диалектах как [ai]. Гласные заднего ряда (ядро дифтонга [ou], дифтонгоид [u:]) становятся гласными среднего ряда. В гласных звуках [i], [i:] появляется призвук [j] [7].

Следует отметить, что наибольшее разнообразие диалектов скапливается на восточном побережье [6, с. 132]. Это объясняется тем, что первые иммигранты занимали южную часть страны, в то время как западные районы не подвергались поселению до XIX века [5, с. 82].

Итак, языковые изменения ААЯ обусловлены как внутренними, так и внешними факторами. Современная языковая ситуация в США характеризуется тем, что американскому варианту английского языка свойственна большая вариативность произносительных норм, нашедшая отражение в равноправном существовании в нескольких региональных типов произношения. Не смотря на высокую степень вариативности, ААЯ имеет стандартный, закреплённый в образовательной системе ряд свойств в области орфографии, грамматики, лексики.

Список использованных источников:

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. *Безрукая А. Н.* Лексико-семантические и фонетические манифестации языковой вариативности (на материале английского языка Великобритании, США и Канады) : автореф. дис. канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / А. Н. Безрукая. – Белгород, 2009. – 19 с.
3. *Макдэвид Р. И.* Диалектные и социальные различия в городском обществе / Р. И. Макдэвид. – М., 1975. – С. 363–381 (Новое в лингвистике. вып. VII. Социолингвистика)
4. *Швейцер А.Д.* Социальная дифференциация английского языка в США / А. Д. Швейцер. – М.: Наука, **1983**. – 216 с.
5. *Gunnell, Melchers.* World Englishes / Gunnell M., Philip Shaw. – L.: Arnold Publishers, 2003. – 256 p.
6. *Labov, William.* The Atlas of North American English Phonetics, Phonology and Sound Change / William Labov et al. – N.-Y.: Mouton de Gruyter, 2006. – P. 120
7. *Nikolenko A. G.* English lexicology: Theory and practice / A.G. Nikolenko. – Vinnitsya: Nova Kniha, 2007. – 528 p.
8. *Walt, Wolfram.* American English: Dialects and Variation / Walt, Wolfram, Natalie Shilling-Estes. – Oxford: Blackwell Publishers, 1998. – 472 p.

Скиданова Н. В.

*Харьковский национальный технический университет сельского хозяйства
имени Петра Василенко, Украина*

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Потребность общества в специалистах, владеющих иностранным языком, особенно возросла в настоящее время в связи с развитием международных деловых контактов, освоением новых технологий, созданием многочисленных совместных предприятий, интенсификации профессиональной деятельности в

тесном контакте с зарубежными специалистами. Обусловленная социальным заказом общества, разработка вопросов обучения иностранным языкам является одной из самых актуальных проблем преподавания иностранных языков. В новой концепции обучения иностранному языку в неязыковом вузе подчеркивается, что иностранный язык является неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки современного специалиста любого профиля. Курс иностранного языка в неязыковом вузе в частности носит профессионально ориентированный характер, поэтому его задачи определяются в первую очередь коммуникативными и познавательными потребностями будущих специалистов того или иного профиля. Овладение иностранным языком в этом случае рассматривается как формирование профессиональной интерактивной компетенции, т. е. способности соотносить языковые средства с задачами и условиями общения с учетом социальных норм поведения и коммуникативной целесообразности высказывания, адекватного речевого поведения, поиску языковых средств эффективного воздействия на партнера.

Очевидно, что речь идет о социокультурном содержании коммуникации – совокупности политических, социологических, психологических и других явлений. Отметим, что эффективное обучение межкультурному общению с носителями конкретного иностранного языка возможно при условии формирования у обучаемых социокультурной компетенции – совокупности знаний о национально-культурной специфике стран изучаемого языка и связанных с этим умений корректно строить свое речевое и неречевое поведение. Безусловно, для того чтобы достичь необходимого и достаточного уровня социокультурной компетенции, необходимо иметь определенный набор знаний о странах изучаемого языка. Дальнейшая детализация содержания обучения социокультурной компетенции студентов неязыковых вузов приводит к выделению двух структурных компонента: знания и навыки/умения. Первый компонент включает в себя:

а) знание социокультурных универсалий и системы ценностей собственной и иноязычной культуры, влияющих на самоидентификацию личности;

б) знание культурных стереотипов, а также реакций, возможных в ходе речевого взаимодействия.

Второй компонент объединяет навыки и умения:

а) выявления социокультурных реалий другой языковой культуры в бытовых контекстах;

б) определения профессионально значимых различий в коммуникативном поведении иноязычных партнеров;

в) осуществления сопоставительного анализа культурных ценностей родной и изучаемой культуры; терминологической системы языков;

г) моделирования коммуникативного поведения для достижения профессиональных целей с учетом социокультурных особенностей партнеров.

Недостаточное владение социокультурными знаниями или их отсутствие у участников межкультурного общения может привести к коммуникативной неудаче. Рассмотрим основные препятствия, мешающие эффективной межкультурной коммуникации.

1. Поиск соответствий. Коммуникация – это уникальная человеческая особенность, которую формируют культура и общество. Однако людям свойственно наивно предполагать, будто все достаточно схожи для того, чтобы легко общаться друг с другом, а это значительно усложняет социокультурную коммуникацию.

2. Языковые различия. Когда люди пытаются общаться на языке, которым владеют не в совершенстве, они часто полагают, что языковая единица имеет лишь то значение, которое они знают; а это значит исключить все остальные возможные источники сигналов и сообщений, например общение невербальное.

3. Ложные невербальные толкования. В любой культуре невербальное поведение составляет большую часть коммуникативных сообщений, и неправильная интерпретация невербального поведения может легко привести к непониманию, которое нарушает коммуникативный процесс.

4. Предубеждения и стереотипы. Людям свойственно излишне опираться на стереотипы и предубеждения, что может помешать объективно посмотреть на других людей и их сообщения и найти подсказки, которые помогут понять эти сообщения так, как нам намеревались их передать.

5. Система ценностей. Культурные ценности также влияют на наши атрибуции в отношении других людей и окружающего нас мира. Различные ценности могут вызывать негативные оценки, которые становятся еще одним камнем преткновения на пути к эффективной межкультурной коммуникации.

6. Стресс. Эпизоды межкультурной коммуникации часто сопряжены с тревогой и напряжением, что может привести к неадекватным мыслительным процессам и поведению. Стресс и тревога могут усугубить все перечисленные выше «проблемы».

Для успешного осуществления межкультурного общения, позволяющего избежать возможного «культурного шока», необходимо овладеть знаниями не совпадающими у участников коммуникации из-за их принадлежности к разным культурам, т.е. знания лексических единиц, реалий и формул речевого этикета. Определение задач и средств освоения коммуникативной компетенции должно

соотноситься с целями профессионально ориентированного обучения языкам в вузе и обуславливать и выбор сфер, микросфер, ситуаций, отражающих функционирование национальной культуры, которые включаются в программу обучения иностранному языку в вузе.

Стремоухова І. В.

*Харківський національний технічний університет сільського господарства
ім. П. Василенка, Україна*

ПРОБЛЕМИ ЛІНГВОКУЛЬТУРНОЇ ВЗАЄМОДІЇ У ВИВЧЕННІ МОВ ІНОЗЕМЦЯМИ

Сучасна методологія розглядає мову як культурний код нації так, що вивчення іноземної мови поєднано з пізнанням історії та культури народу, мову якого вивчають, стилю життя, систем моральних цінностей, особливостей менталітету.

Вивчення іноземної мови в соціокультурному аспекті допомагає зрозуміти реалії, додаткові смислові навантаження, необхідні для правильного розуміння комунікативних ситуацій.

Співвідносити мовні засоби з нормами мовної поведінки неможливо без знань про реалії країни мови, що вивчається. Щоб досягти порозуміння в між культурному спілкуванні, фахівець повинен володіти знаннями не тільки в професійній сфері, але й уміти встановлювати контакт, орієнтуватися на національно-специфічні риси свого партнера, співпереживати й розуміти співбесідника як представника певної соціальної групи.

Здійснення міжкультурної комунікації досягається за умови знання іноземної мови, картини світу, форм поведінки й урахування національно-культурної специфіки, за рахунок формування у студентів орієнтації на загальнолюдську цінності.

У дидактичних і психологічних дослідженнях переконливо доведено закономірну єдність освіти, виховання і розвитку особистості.

Мова є важливим засобом спілкування, засобом пізнання, засобом вираження думки, вона як найважливіший чинник національної самосвідомості, не лише забезпечує комфортне існування людини в суспільстві, а й дозволяє виробити систему загальнонародних, національно зумовлених уявлень, пізнати національний характер особистості. В процесі вивчення іноземної мови студент може поступово набувати тих знань, розвивати ті навички й уміння, які є передумовою для успішної між культурної комунікації.

Відомо, що рідна мова – могутній чинник відображення дійсності в її національному виявленні. Засобами національної мови створюється система понять, на ґрунті якої зрештою формується картина світу, тобто виражена в мовних категоріях сукупність уявлень і суджень про позамовну дійсність. У процесі оволодіння національно-мовним арсеналом, що відтворює спосіб життя, світобачення українця, розвивається національна самосвідомість. А тому звернення до мовних компонентів із чітко окресленою національною орієнтацією сприяє духовному, культурному збагаченню людини.

Особливості національного характеру знаходять вираження в мікрополі споконвічних мовних утворень на позначення найбільш суттєвих, вічних, визначальних, архетипних для українців понять, таких, як земля, хата, мати, доля. Кожне із цих слів-понять має розгалужену систему прямих і непрямих значень, характеризується широкими асоціативними зв'язками, здатністю персоніфікації, метафоризації, винятковими можливостями включатися в різноманітні контексти, утворювати стійкі звороти.

З давніх-давен поклонялися українці землі як своїй годувальниці, святині, єдиній надії і порятунку в скрутну хвилину. Грудку землі наші предки брали на війну або в довгу подорож як оберіг, підтримувалася віра у цілющу силу землі при лікуванні від багатьох хвороб.

Але земля – не лише об'єкт мрії, сподівань, носій доброти і любові, а й чинник жорстокої боротьби за володіння нею. *Припасти до сирої землі* – образ, в основі якого – уявлення про землю як матінку, до якої з відчаю, в тяжку годину звертається страждальна душа. Земля – це і носій загибелі, лиха. Наші предки знали таїни землі. Називаючи її матір'ю-годувальницею, розуміли, що вона може бути лихоносною. Знали про «зони диявола», де росте миршава трава. Поважливе ставлення до цвинтарів не виключало побоювання їх як місць, де виявляють себе сили зла. У численних легендах, переказах, казках оповідається про страшні події біля захоронень. Подвійне значення набуває сполука «сира земля» вона і рідна, і єдина, але і непривітна, сувора – «сира».

З давніх часів в українців глибоко вшановувався образ *матері*. Вона охороняла домашнє вогнище, продовжувала рід, виховувала дітей. Мати – носій добра і любові. На її честь складаються пісні, її згадує козак на чужині, вона – уособлення злагоди, миру в суспільстві, показник його високого розвитку й благополуччя.

І на оновленій землі
Врага не буде, супостата,
А буде син, і буде *мати*,
І будуть люди на землі.

(Т. Шевченко).

Мати для українця – це і втілення України, рідного краю. Образи матері й України перетинаються, стають невід’ємними один від одного. Зрадити матері – значить зрадити своєму народові, а зрадити Україні – те саме, що зрадити матері. Бо хто матір забуває,

Того Бог карає,
Того діти цураються,
В хату не пускають.

(Т. Шевченко).

Стійкими зворотами стали вислови: *мати-вітчизна, мати-природа, мати-земля*.

Слово *доля* усвідомлюється людьми нині як абстрактне, позбавлене предметної співвідносності і конкретності. Проте, пропущена через призму історичної української демонології, *доля* сприймається як фантастично-поетичний образ із рисами реальної особи. В українському фольклорі *доля* знаходила втілення в постатях жінки, панича, інших осіб. Якщо йшлося про *долю* щасливу, вона зображалася як приємна, радісна, чепурна. Якщо про *долю* нещасливу – як недобра, заспана, неприбрана. За українською народнопоетичною традицією розрізняється *доля добрая* і *доля злая*.

Образ *долі* персоніфікується, вона виконує дії, властиві лише людині – дівчині-красуні:

В полі *доля* стояла,
Брівоньками моргала:
З гаю, хлопці, до мене!
Добрий розум у мене.

(А. Свидницький).

Народнопоетичний паралелізм, характерний для пісні, значною мірою теж спирається на національно-культурний компонент. В основі такого зображення лежить образне зіставлення явищ природи, довкілля, з одного боку, і життєвих ситуацій, з іншого. Набір паралельних образів, як правило, нечисленний: це уподібнення дівчини чи козака птахові чи рослині, уподібнення сил природи і людських пристрастей:

Полечу зозулею – означає не стільки «як зозуля», скільки «полечу, перетворившись на зозулю».

У поетично-образному баченні *зозуля* – символ з’єднання з милим-чорнобривим. Розуміння неможливості перетворення в птаха відступає перед мрією, надією на диво; образи дівчини і зозулі не накладаються, але наче доповнюють один одного:

Ой, зозуленько ти сивенька,
Позич мені крильця,
Най полечу, защебечу
Коло чорнобривця.

(Нар. пісня).

Із зозулею пов'язують українці неврожай, погану погоду, хвороби, нещасливе кохання, сумну жіночу долю. В свідомості багатьох народів викарбувався образ *ворона* як віщуна недоброго, провісника горя, страждань, смерті. Таке уявлення зумовлене і зовнішнім виглядом, і криком, і способом харчування цього птаха. В українській народній традиції *чорний ворон* теж символізує смерть.

Образ-символ *терен* передає значення перешкоди, забуття, страждання, скривдження.

На ґрунті сприйняття терену як перешкоди, труднощів розвинулось поняття *тернистий шлях* – «складнощів в житті, значні перешкоди».

Орієнтація на національно-культурні оцінні характеристики слів і текстів сприяє виробленню критеріїв загальнолюдських вартостей. Адже, лише спираючись на споконвічні поняття і категорії властиві народу, людина пізнає світ і його закономірності. Національно-культурний компонент за таких умов має розглядатися як складова загально гуманістичного, вселюдського світобачення. Отже, під час вивчення іноземної мови у ВНЗ за сучасними методологіями слід враховувати національно – культурну специфіку процесу спілкування, що найбільш яскраво ідентифікує особистісні цінності співрозмовників і сприяє комунікативному комфорту та успішному комунікативному результату.

Список використаних джерел:

1. *Арутюнов С. А.* Народы и культура: развитие и взаимодействие / С. А. Арутюнов. – М.: Наука, 1989. – 247 с.
2. Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти на сучасному етапі. Міжпредметні зв'язки: Тези Міжнародної науково-практичної конференції, присвяченої 45-річчю підготовчого факультету. 8-9 червня 2006 року. – Х., 2006. – 328с.
3. *Мінасян А.* Сучасні моделі освіти / А. Мінасян // Психологія і суспільство. – №1. – С. 113–118.

К. філол. н. Терехова Д. І.

Київський національний лінгвістичний університет, Україна

**ПСИХОЛІНГВІСТИЧНИЙ АНАЛІЗ АСОЦІАТИВНИХ ПОЛІВ
СТИМУЛУ КУЛЬТУРА ТА ЙОГО КОРЕЛЯТИВ
У СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВАХ**

Відповідно до філософських джерел термін «культура» походить від латинського слова *cultura*, що означає «обробка, виховання, освіта». Не зважаючи на те, що в науковій літературі існує більше ста визначень цього терміна, у загальному значенні під цим словом розуміють усе те, що створено людиною, а в широкому розумінні – сукупність результатів людської діяльності.

У літературі культуру визначають як сукупність матеріальних і духовних цінностей, вироблених людством; специфічний спосіб розвитку людської життєдіяльності, представлений у продуктах матеріальної і духовної праці; спосіб життєдіяльності людини з освоєння світу; міру ставлення людини до себе, суспільства і природи; сферу становлення, розвитку соціологізації людини в природному і соціальному оточенні [1, с. 515]. Традиційно розрізняють матеріальну і духовну культуру. До матеріальної культури відносять сферу матеріальної діяльності людей, до духовної – досвід суспільного життя народу та його цінності. Цінності поєднують у собі загальнолюдське та національне. Увагу сучасних учених багатьох галузей науки зосереджено на з'ясуванні національно-специфічного забарвлення духовної культури певного етносу.

Актуальність роботи пояснюється активною розробкою лінгвістами та психолінгвістами проблем етнокультурної специфіки мовної свідомості представників різних народів, їх ціннісних орієнтацій, пріоритетів у духовній сфері.

Знання про мову і про світ вичерпують зміст свідомості людини, цей зміст формується у процесі привласнення культури і є її ментальною формою поруч з її предметною та діяльнісною формами [2, с. 36].

Завданням роботи є аналіз асоціативних полів стимулу КУЛЬТУРА та його корелятивів в російській та білоруській мовах, одержаних унаслідок проведення вільного асоціативного експерименту серед представників трьох східнослов'янських народів, з метою виявлення загальних та ідіоетнічних рис їхніх образів мовної свідомості.

Наукові результати полягають у застосуванні методики зіставного дослідження мовної свідомості представників близькоспоріднених мов та виявленні національно-культурної специфіки образів мовної свідомості українців, росіян і білорусів, їхніх ціннісних орієнтацій, що криються за стимулами КУЛЬТУРА / КУЛЬТУРА / КУЛЬТУРА у трьох мовах.

Матеріал дослідження одержано внаслідок проведення вільного асоціативного експерименту в Україні, Росії та Білорусі на початку ХХІ століття серед студентів гуманітарних і технічних вищих навчальних закладів (по сто представників від кожного народу).

Асоціативне поле стимулу КУЛЬТУРА в українській мові складають 100 асоціацій українських респондентів, у тому числі 73 асоціати, 56 асоціацій мають одиничну частотність. Асоціативні поля відповідних слів-стимулів також містять по 100 реакцій, у тому числі 67 асоціатів, 47 одиничних реакцій входить до асоціативного поля російської мови, 56 асоціатів і 38 одиничних реакцій – до поля білоруської мови. Асоціативні поля стимулів-корелятивів є вербальною репрезентацією їх мовної свідомості, «фрагментами» загальних образів світу цих народів.

Найчастотніші асоціації становлять ядра асоціативних полів, які представлено в табл. 1.

**Таблиця 1. Ядра асоціативних полів стимулів
КУЛЬТУРА / КУЛЬТУРА / КУЛЬТУРА**

№ п/п	Українська мова	Російська мова	Білоруська мова
1.	<i>мистецтво (9)</i>	<i>искусство (5)</i>	<i>мастацтва (10)</i>
2.	<i>вихованість (4)</i>	<i>музей (3)</i>	<i>асвета (5)</i>
3.	<i>виховання (3)</i>	<i>речи (3)</i>	<i>народ (5)</i>
4.	<i>духовність (3)</i>	<i>речь (3)</i>	<i>нацыя (5)</i>
5.	<i>цінність (3)</i>	<i>театр (3)</i>	<i>тэатр (5)</i>
6.		<i>телеканал (3)</i>	<i>цывілізацыя (4)</i>
7.		<i>цивилизация (3)</i>	
8.		<i>человек (3)</i>	

Аналіз асоціативних полів слів розпочато з ядер, що містять найчастотніші реакції, у яких виявлено перші спільні та відмінні риси. Найчастотнішою реакцією в трьох асоціативних полях є асоціації *мистецтво (9)* / *искусство (5)* / *мастацтва (10)*, які вказують на тісний зв'язок цих двох явищ. При подальшому розгляді стають більш помітними відмінності: так респонденти-українці пов'язують поняття «культура» насамперед з вихованням, духовністю, цінностями; для російських респондентів культура пов'язується з духовними надбаннями людей, зокрема театрами, музеями, а також вживається в контексті «культура мовлення». Респонденти-білоруси також, як і росіяни, пов'язують поняття культури з культурним осередком – театром, вважають її невід'ємним від поняття «освіта» та важливою складовою у житті народу, нації, їх формуванні.

Аналіз асоціативних полів у цілому здійснено за методикою «асоціативного гештальту». Результати подано в табл. 2.

**Таблиця 2. Зони гештальтів асоціативних полів
стимулів КУЛЬТУРА / КУЛЬТУРА / КУЛЬТУРА**

№ п/п	Зони гештальтів	Українська мова, %	Російська мова, %	Білоруська мова, %
1.	Мистецтво	11	5	10
2.	Люди	10	12	18
3.	Ставлення	9	10	6
4.	Ознаки	9	8	6
5.	Жанри мистецтва	9	2	6
6.	Характеристики	8	4	-
7.	Що дає	8	1	6
8.	Якості людини	6	3	4
9.	Місця культури	5	4	3
10.	Етикет	4	3	3
11.	Освіта	3	5	5
12.	Заклади культури	2	10	-
13.	Мова	2	-	3
14.	Порівняння	2	-	-
15.	Наука, її галузі	1	2	-
16.	Життя	1	1	1
17.	Правознавство	1	-	-
18.	Природа	1	-	-
19.	Релігійні поняття	1	-	-
20.	Фізична культура	1	-	-
21.	ЗМІ	-	8	4
22.	Культура мовлення	-	7	3
23.	Цивілізації	-	4	4
24.	Стан	-	1	-
25.	Час	-	1	1
26.	Відпочинок	-	1	-
27.	Попкультура	-	1	-
28.	Література	-	-	3
29.	Персоналії	-	-	2
Усього зон		20	21	18

У ході аналізу з'ясовано, що більшість виявлених зон наявні в трьох гештальтах, проте є і суттєві розбіжності. По-перше, не збігається кількість зон: у гештальті української мови їх 20, російської мови – 21, білоруської мови – 18. По-друге, існують відмінності у визначенні ядра гештальту в кожній мові. Ядро гештальту стимулу КУЛЬТУРА в українській мові становлять такі зони: I – «Мистецтво» (11 %); II – «Люди» (10 %). У російській мові ядро гештальту стимулу КУЛЬТУРА складають зони: I – «Люди» (12 %); II – «Ставлення» (10 %). У білоруській мові до ядра гештальту входять зони: I – «Люди» (18 %); II – «Мистецтво» (10 %). По-третє, окремі зони наявні лише в окремих гештальтах, наприклад: у гештальті української мови є зони: «Природа», «Фізична культура», «Правознавство»; у гештальті російської мови зони «Відпочинок»,

«Попкультура». По-четверте, значні розбіжності спостерігаємо в кількісному та якісному складі визначених зон.

Отже, гештальти асоціативних полів трьох мов хоча на перший погляд подібні за структурою, проте відрізняються за кількістю зон, їхнім обсягом, а особливо – за якісним складом, що відображає національно-культурну специфіку образів мовної свідомості представників трьох народів.

Список використаних джерел:

1. Філософія: навч. посіб. / І. Ф. Надольний, В. П. Андрущенко, І. В. Бойченко, В. П. Розумний та ін. / за ред. І. Ф. Надольного. – К.: Вікар, 1997. – 584 с.
2. *Тарасов Е. Ф.* Язык как средство трансляции культуры Фразеология в контексте культуры / Е. Ф. Тарасов. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 34–41.

Федорова О. А.

ДВНЗ «Івано-Франківський національний медичний університет», Україна

ОСНОВНІ ФОРМИ РОБОТИ З ДИСЦИПЛІНИ «КРАЇНОЗНАВСТВО» НА ПІДГОТОВЧОМУ ВІДДІЛЕННІ ДЛЯ ІНОЗЕМНИХ ГРОМАДЯН

Володіння будь-якою іноземною мовою як засобом спілкування є неповноцінним, а деколи й неможливим без поступового й одночасного вивчення культури країни, мову якої вивчають. Жива мова існує тільки у світі її носіїв, і вивчення мови без знань про цей світ, тобто фонових знань, обмежує можливість іноземного студента використовувати цю мову як засіб спілкування.

Предметом країнознавства як навчальної дисципліни є певним чином відібрана й організована сукупність історичних, географічних, соціально-політичних, культурних, економічних, правових знань про країну мова якої вивчається. Створення стійких фонових знань про країну, у якій вони навчаються, сприятиме процесу виховання поваги до неї. Виходячи з цього, можна виокремити конкретні форми роботи з країнознавства в іноземній аудиторії.

При виборі форм роботи потрібно враховувати національну приналежність студентів, їхню майбутню спеціальність, оскільки це суттєво впливає не тільки на методику подачі країнознавчого матеріалу, але й на сам його підбір.

Перша й суттєва проблема, з якою стикається викладач курсу країнознавства в процесі подачі матеріалу, є безеквівалентна лексика. Часто багато слів просто неможливо перекласти на іншу мову з огляду не тільки на розбіжність відповідних реалій, але й на принципові відмінності суспільного і державного устрою, відмінність історичних умов формування мови, різницю історії і побуту різних народів. Таким чином, розбіжність культур серйозно впливає на

різницю мовних реалій. Безеквівалентна лексика – це й історизми (козак, гетьман, кріпак, січовий стрілець тощо), незастарілі побутові реалії (борщ, вареники, шкварки, узвар), фразеологізми (бити себе в груди, держати хвіст бубликом, крутити носом), фольклоризми, що є для українця емоційно забарвленими (Язиката Хвеська, коза-дереза, солом'яний бичок).

Деякі вчені виокремлюють ще й так звану «регіонально безеквівалентну лексику»: слова, що не мають відповідників у ряді мов Азії та Африки. Це, передусім, слова на позначення зимових погодних явищ: кучугура, замет, сніжинка, бурулька, ожеледиця, завірюха і т.д. Всі ці типи лексичних одиниць вимагають країнознавчих коментарів і унаочнення.

Доцільними є відвідування музеїв, культурно-мистецьких заходів та пізнавальних екскурсій під керівництвом викладача. Вони серйозно поглиблюють фонові знання студента, знайомлять з історією та культурою нашої країни, з її досягненнями. Але реальна користь від цих відвідин буде тільки у випадку попередньої роз'яснювальної роботи в аудиторії – лексичної і, власне, країнознавчої. Так, екскурсії в філармонію на виступ симфонічного оркестру передусім аудиторна робота: знайомство з загальномузичною лексикою (назви музичних інструментів тощо) зі спеціально підібраними текстовими та ілюстративними матеріалами. Все це полегшує сприйняття і дає студенту-іноземцю задоволення від впізнаваності нових реалій. На початковому етапі навчання можна обмежитися монотемною розповіддю, що не виходить за межі даного об'єкта – філармонії, музею.

Обов'язковою складовою роботи з країнознавства є вивчення етикету. Знання етикету суттєво впливає на те, як почуває себе іноземець в новій для нього країні: чи буде він почувати себе гостем, що постійно перебуватиме в напруженні боячись зробити ту чи іншу помилку або ж буде почуватися легко і невимушено, внутрішньо розкуто, що дозволить йому успішно навчатися в Україні.

В усному плані вивчення етикету починається з форм привітання і звертання до викладачів, професорів, співробітників університету, працівників магазинів, кафе. Диференціації форм звертання за віком та статтю, використання особових займенників «ти» і «ви». Якщо в нас, як правило, вітаються з людиною один раз на день, то в багатьох країнах сходу прийнято вітатися абсолютно при кожній зустрічі, скільки б їх не було на день.

В письмовому плані вивчення етикету починається з вивчення форм документації (заява, пояснювальна записка, скарга, запрошення тощо). Використання готових словесних формул полегшує створення документа і допомагає студентові зекономити час. Стандартизація не є вадю ділового мовлення. Уже на наступних етапах важливо уникати перенесення канцеляризмів і

штампів на сферу побутового мовлення. Оскільки, в подальшому це заважає формуванню «природного мовлення».

Актуальним є опрацювання повсякденних ситуацій, поведінка в яких різниться в різних культурах: в громадських місцях, в ресторані, в транспорті, в театрі, в бібліотеці, в гостях, в купе поїзда тощо. Так, треба докласти зусиль, щоб переконати арабського студента знімати головний убір в приміщенні, бо навіть такі дрібниці можуть зіпсувати комусь настрій.

В багатьох випадках студенти самі цікавляться, як треба себе поводити в тих, чи інших ситуаціях. Моделювання таких ситуацій, їхня варіація (зміна ситуації за кількістю дійових осіб, за їхнім віком, статтю, за місцем та часом дії тощо) сприяє кращому засвоєнню правил і традиційних форм поведінки країни, мову якої студент вивчає. Треба бути готовим до того, що тематика питань іноземців надзвичайно широка, починаючи від релігії та моральних принципів в суспільстві і закінчуючи ціноутворенням на продукти харчування. Звичайно, ретельну увагу слід приділяти не випадковим одиночним питанням, а питанням, які цікавлять більшість або багатьох студентів.

Корисним буде підготувати короткі мультимедійні презентації за обраними темами (Київ, рослинний і тваринний світ України, сучасне мистецтво тощо). Скласти і ознайомити студентів зі списком посилань на інтернет-ресурси, що містять цікаві відомості про Україну та людей, що тут проживають. Виділені форми роботи не є вичерпними, але увага до них безперечно сприятиме головній меті усієї країнознавчої роботи: збільшити знання студентів-іноземців про Україну.

К. филол. н. Бабшанова Г. Н.

Тюменский государственный нефтегазовый университет,

Российская Федерация

СУДЬБА ОХОТНИКА-СИБИРЯКА В ТВОРЧЕСТВЕ Б. В. СУЛЕЙМАНОВА

Рассказ Б. Сулейманова назван именем главного героя «Абу баба». Здесь описывается судьба опытного охотника-сибиряка, который всю свою жизнь охотился и помогал своим делом не только своим селянам выжить в трудные годы войны, но и по плану сдавал добычу государству.

«Абу баба» – это демократичный и отзывчивый, добродушный и доверчивый, плохо разбирающийся в людях (во всех видит братьев) человек. Всю свою жизнь старался не спорить с людьми, а, наоборот, помогал и относился к ним всегда с уважением. В народе говорят, что «человек судит о других по себе», эту жизненную аксиому автор подтверждает через образ своего героя.

Повесть начинается с описания природы Сибири, сравнивая заболотные места с Венецией, плавно переходя на то, что на противоположных берегах Иртыша расположены две деревни, одна татарская деревня Козоклы, а другая русская Урыс Козоклысы. Далее мы узнаем, что уже два года на ферме за лошадьми присматривает Абу баба. Автор нас информирует также о том, что раньше Абу баба был известен на всю округу как опытный охотник. Даже сам автор акцентирует тот факт, что беспокоит его, не ушедшая слава, а то, что больше не сможет Абу баба ходить на охоту в тайгу.

Дальше по сюжетной линии автор раскрывает причину всех бед главного героя. Военное время 1941-45 годов. Государство каждый раз увеличивает по плану заказ на шкурки и, чтобы она была без брака. В последнее время Абу баба начал плохо видеть и стрелял не в голову зверька. Понимая это, он сам решает больше не заниматься охотой. Этот поступок показывает героя как сильную личность, который сумел признать причину своей вины и тем самым принять решение, отказавшись от любимого дела.

Б. Сулейманов искусно описывает характер героя через внутренний монолог. В монологе герой полностью погружен в себя: видит и слышит только себя; выражает только собственную точку зрения на вещи; его сознание не соприкасается с другими сознаниями. Монолог Абу бабы звучит как исповедь

героя о своей судьбе. В данном случае человек делится самыми сокровенными мыслями, воспоминаниями, размышлениями.

Художественное время «Абу бабы» упорядочено возвратным отношением настоящего к прошлому, т.е. отношение памяти: от воспоминаний о детстве, о молодости, о жене. Автор ставит своего героя в сжатое временное пространство. Все действие в рассказе происходит в течение одного дня. Писатель старается показать прошлую и настоящую жизнь главного героя. Настоящее выражается через диалоги, а прошлое через внутренние монологи (уходит в свои мысли) героя. Например, через его диалог с другими героями рассказа, которые появляются эпизодически, читатель узнает, что Абу баба собирается оставить свое любимое занятие и говорит свое решение Нэби. Нэби всегда охотился вместе с Абу бабой и относился к нему всегда с уважением и почтением, как к своему наставнику. В настоящее время работающий вместе с ним на ферме Ариф баба любит спорить, хвалить себя, при удобном моменте может съязвить над человеком. Из их диалога мы узнаем, что арестовали их односельчанку Муслиму и осудили на пять лет: «Кар астыннан казып, биш килограмм башак жыйган очен» [1, с. 126]. Автор повествует о тяжелых, суровых, холодных и голодных годах Великой Отечественной войны, когда вся тяжесть жизни легла на хрупкие женские плечи, когда тысячи детей остались сиротами. Все эти мысли были близки Абу бабе, так как ему всегда тяжело было находиться в обществе женщин, когда их мужья были на фронте, а он в тылу. Из разговора случайных гостей, которые постучались поздно ночью в его дверь, мы узнаем, что они охотники и послал их к Абу его друг Николай Фомич, чтобы он показал им дорогу в зимовье.

Абу баба начинает вспоминать встретившегося в его жизни Николая Фомича, запомнившегося ему на всю жизнь своей простой жизненной философией. Николай Фомич изображен добродушным, оптимистически настроенным человеком, по всей видимости, имеющим тип «Посредник». Между ним и Абу бабой складываются отношения «Суперэго», контрастные и обогащающие друг друга. Они развиваются у этих двух миролюбивых людей без обострений в жизни. Такие отношения бывают очень притягательными. Образ мыслей Николая Фомича, его жизненная позиция вызывают у Абу бабы большой интерес. О нем Абу баба говорит, как о друге, с которым «хет донья чигенэ чыгып китсэн дэ, куркыныч тугел» [1, с. 139]. Таким и стал для Абу этот простой, незатейливый и хорошо знающий жизнь человек.

Художественный мир в рассказе «Абу баба» выразителен, почти осязаем, представим и даже видим. В его создании принимали участие и память художника, и его воображение, и наблюдение над предметами действительности.

Художественный мир в отличие от реального мира пронизан художественной концепцией, все является ее носителем.

В прозе характер человеческой личности может быть представлен во всей многогранности. Достигается это за счет показа человека во всех его внутренних и внешних взаимосвязях с социальной средой. В произведении «Абу баба» автор описывает глубину эмоциональной сферы героя, его конкретные поступки и действия, его жизненные устремления, а также показывает нам, как человек проявляет себя в действительности, как у него складываются отношения с людьми, как он осуществляет свой моральный выбор, наконец, как он преодолевает те или иные жизненные трудности.

Итак, в сюжете из жизни своего героя Б. Сулейманов высказал свои самые сокровенные мысли о проблемах противостояния различных ценностей этого мира, о настоящем и будущем своего народа, о нравственной позиции человека.

Список использованных источников:

1. Сулейманов Б.В. «Я – сибирский татарин»: поэзия, проза, публицистика. – Екатеринбург: СВ-96, 1998. – 256 с.

К. филол. н. Володина Д. Н.

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Российская Федерация*

КОНЦЕПТ «ДАЛЬ» В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Р. М. РИЛЬКЕ (на материале русских стихов)

*Проект выполнен при поддержке гранта
Президента РФ (МК-2012 812/20.01.12 №. 17.7932012)*

Германский поэт Райнер Мария Рильке, восхищавшийся культурой России, создал ряд стихотворений на русском языке: «Первая песня», «Вторая песня», «Пожар», «Утро», «Лицо», «Старик» (1900), «Я так устал...», «Я так один...» (1901). Эти стихи репрезентируют картину мира поэта, формировавшуюся под влиянием русской культуры, литературы и языка, стремления познать жизнь русского народа, реализованного во время путешествий по стране в 1899 и 1900 годах.

Концептосфера русских стихов отражает диалог двух культурных парадигм, единство взаимосвязей индивидуального и инонационального начал речи в поэтическом тексте. Ключевыми в тезаурусе «русского цикла» являются концепты «человек», «дом», «даль / пространство», «тоска», «смирение», «лицо», «утро», «детство», «молчание», «одинокчество». В данной статье анализируется концепт «Даль / пространство» в структуре языковой личности Рильке.

Лексико-семантическое поле данного концепта образуют смысловые планы «открытое большое пространство», «препятствие, неизвестность», «детство, начало жизни», «забвение, отрицательное прошлое». Концепт «Даль / пространство» лежит в основе ключевых мотивов почти всех стихотворений русского цикла. Его выражают прямые номинации и метафорические образы: «даль», «пространство», «море», «края», «куда-то», «кругом», «далеко от меня», «там», «дали голубые», «большие небеса». Так, в «Первой песне» он репрезентирован лексической единицей «*море*», актуализирующей смысловой план «открытое большое пространство»:

... Вечер. У моря сидела
девочка, как мать сидит
у ребенка.

Образ девочки, сидящей на берегу, персонифицированное сравнение моря с ребенком актуализируют мотив детства, начала. Возникает метафора жизни: море – жизненный путь, берег – начало пути, а дальнейшее скрыто в морской дали. В последней части стихотворения повторяется антропоморфное сравнение, а концепт «Даль / пространство» становится более емким благодаря добавлению новой актуализирующей его лексической единице – «*небеса*»:

Дитя будет точно море
трогать даль и небеса, – ...

Натуроморфная метафора создает в сознании читателя картину жизненного пространства, не имеющего границ в «*небесах*», в «*дали*» и в «*море*». Завершает стихотворение образ девочки-матери, которой дано увидеть только начало жизни ребенка, а дальше необходимо ждать ее продолжения, вглядываясь в морскую даль:

Берег его только знаешь,
и сидеть тебе и ждать...

Этот образ связан с восприятием Рильке русской культуры, которое он выразил в сравнении: «она подобна детству художника, эта Россия: неясное, как в тумане, нагромождение фантастических образов» [1, с. 252]. В одном из писем Рильке также возникает сравнение, в котором лексическая единица «*Море*» актуализирует концепт «Даль». Поэт пишет о времени Былин и Песен, «навстречу которому каждый русский поэт в своей тихой задумчивости раскрывается, как окно к морю» [2, с. 193]. В отличие от русских стихотворений, где концепт «Даль / пространство» репрезентирует философские представления поэта, в письме он отражает эстетическую позицию Рильке.

Лирический герой «Второй песни», «*кругом*» которого «*родина*», обращается, очевидно, к русскому народу (*здесь и далее в оригинальных текстах сохранена грамматика Р. М. Рильке*):

Я иду, иду и все еще кругом
родина твоя, ветренная даль ...

Его путь – это путешествие по дорогам России (глагол *иду* повторяется во фрагменте 4 раза), по бескрайним ветреным степям, и в то же время продвижение вглубь духовной жизни народа, стремление постичь его сущность. Темпоральная метафора «*прежде знал другие края*» отсылает к предшествующей жизни лирического героя, которая уже «далеко» и забыта. На новой родине, в «ветренной дали», он находит Бога:

... я иду, иду и я забыл о том,
что прежде других краев знал.
И как теперь далеко от меня
Большие дни у южного моря, <...>
Там пусто все и весело и вот:
Темнеет Бог... страдающий народ
пришел к нему и брал его как брата.

Характеристика «*пусто и весело*» перекликается с мыслями поэта о духовном состоянии общества, о «чудовищном обеднении», которое происходит, в частности в Германии, где «у тысяч людей <...> остается лишь один путь, одна цель, одна шляпа и один Бог», в то время как в России – «каждый мыслитель, толкователь и, если хотите, поэт» [2, с. 157]. В этом стихотворении концепт «Даль / пространство» демонстрирует отрицательные коннотации, репрезентирующие отношение поэта к искаженным религиозно-нравственным ценностям современной цивилизации, о которых он «забывает» в России. Нарушенную в мире связь Бога и человека все еще хранит «страдающий» русский народ, для которого Бог – *брат*.

В стихотворении «Пожар» концепт «Даль / пространство» репрезентирован неопределенным местоимением «*куда-то*», актуализирующим значение неизвестности чего-либо, находящегося вдали. Это значение усиливается благодаря синтагматическим связям концепта, через концепт «Ночь» и выражение «*знает Бог*»:

Белая усадьба спала,
да телега уехала
в ночь куда-та, знает Бог.

Следующая далее объективация концепта через действие – «*даль сгорела*», «*небосклон горит*» – является метафорическим изображением пожара, зарево которого однажды увидел Рильке в России:

Вдруг он замолк: даль сгорела
Ведь и небосклон горит...

Как пояснял поэт, это стихотворение связано с впечатлениями от ночной поездки на крестьянской телеге. Рильке и его спутница «любовались то небом, усеянным звездами, то бесконечной равниной с колыханием трав и неуловимостью очертаний, что возникали по сторонам. Вдруг <...> заметили вдалеке свет, идущий оттуда, где <...> на много сотен верст не было ни одной деревни. Лошади продолжали бежать, но странный свет не удалялся и не приближался. Его появление было необъяснимо <...>. Лишь спустя несколько дней Рильке и его приятельница получили простое объяснение этому явлению: то был пожар, своим заревом охвативший сотни верст» [2, с. 629–630].

В метафорическом образе пожара сливаются «небосклон» (небо) и «даль» (земля), эти образы обращены друг к другу и в заключительных строках стихотворения:

Земля к небесам гладела,
как бы жаждала ответ.

Концепт «Даль / пространство» актуализирует здесь идею единения разных сфер мироздания, выражая взгляды поэта на мироустройство. Мотив взаимосвязи противоположных стихий характерен для идиостиля Рильке, в частности, он является ключевым в цикле «Сонеты к Орфею» (1922): фигура Орфея связывает небо и землю, землю и царство мертвых, иррациональное и рациональное начала творчества.

В стихотворении «Утро» концепт «Даль / пространство» реализуется в метафоре «дали голубые», характеризующей картину раннего светлого утра первого дня жизни человека:

И помнишь ты, как розы молодые,
когда их видишь утром раньше всех,
все наше близко, дали голубые,
и никому не нужно грех.

Вот первый день, и мы вставали
из руки Божья, где мы спали...

В художественном пространстве этого стихотворения анализируемый концепт участвует в создании библейской картины первого дня творения мира, когда человек был еще безгрешен. Этот образ неслучайно возникает в русских стихотворениях. Философское восприятие Рильке России соотносится с одной из категорий его картины мира – понятием начала, зарождения, детства. Россия, по мнению поэта, находится еще в начале своего исторического и духовного пути, в ней «все еще длится первый день, день Божий, день Творения» [1, с. 251].

В следующем стихотворении концепт «Даль / пространство» репрезентируется лексической единицей «просторный». Выбор лексической единицы,

нетипичной для характеристики лица в русском языке, связан, тем не менее, с образами русской природы, огромными пространствами, которые предстали перед Рильке во время путешествия по Волге:

Родился бы я простым мужиком,
то жил бы с большим просторным лицом <...>
... в этих чертах и радости и муки
огромные и сильнее меня...

«Даль / пространство» объективируется лексической единицей «огромный», характеризующей чувства человека. Образ «просторного лица» приобретает метафорическое значение и воплощает такое качество русского человека, как готовность принять на своем пространстве все «радости и муки» жизни, страдание другого человека. Тем же качеством наделен один из образов ранней лирики Рильке – странник в цикле «Цикорий» (1896), в глазах которого «тысячи слез» («Tausend Tränen») и бесконечное («ewig») сострадание всему миру. Именно это свойство поэзии – впитывать все стороны Бытия, и радость, и страдание – утверждается во всей лирике Рильке.

В стихотворении «Старик» концепт «Даль / пространство» связан с образом старика–поэта и реализован двумя смысловыми компонентами, обладающими негативными и позитивными коннотациями: «Даль – препятствие» и «Даль – открытое большое пространство». Старик крестьянин молчит, слова, которые находятся в его сердце, не будут сказаны, потому что ото рта их отделяет пространство:

На печке, как бы спал, лежал старик,
думал о том, чего теперь уж нет,–
и говорил бы, был бы как поэт.
Но он молчит; даст мир ему господь.
И между сердца своего и рот
пространство, море...

Огромное пространство является метафорой молчания, из которого рождается поэтическое слово – это также один из важнейших мотивов поздней лирики Рильке. В молчащем пространстве есть целый мир, данный старику господом: лексические единицы «пространство» и «море» говорят о его безграничности, бескрайности. Мотив лица как отражения целого мира продолжится в дальнейшем творчестве Рильке, например, в стихотворении «Смерть поэта» из цикла «Новые стихотворения» (1907). Лицо умирающего поэта вмещает в себя все дали: «Его лицо была вся эта даль» («Sein Gesicht war diese ganze Weite»).

В стихотворении «Я так один» реализован смысловой план «характеристика внешности». Антропоморфная метафора «небеса моих очей» рождает

образ лица человека, слитого с окружающим ландшафтом, в котором человек чувствует себя одиноким:

Я так один. Никто не понимает
Молчанье: голос моих долгих дней
И ветра нет, который открывает
Большие небеса моих очей...

В *«больших небесах очей»* видна вся глубина одиночества, которое рождается в душе человека в *«чужом городе»*. В противовес натуроморфной метафоре «лицо – весь мир», здесь виден лишь *«край»* этого пространства:

Перед окном огромный день чужой
край города; какой-нибудь большой
лежит и ждет. Думаю: это я?
Чего я жду? И где моя душа?

Концепт «Даль / пространство» служит здесь выражению философских взглядов поэта: человек в современной цивилизации обречен на одиночество и спастись может, только познав себя, свою душу и своего Бога. Вопросы, завершающие стихотворение, рождают мотив экзистенциальной тоски – еще одного ключевого концепта русского дискурса Рильке.

Анализ русских стихов Рильке позволяет сделать следующие выводы о структуре концепта «Даль / пространство». Понятийный компонент концепта объективируют языковые единицы, обозначающие характеристику внешности и эмоций, пространство и время. Его образный компонент выражается в метафорах открытости, готовности принять все тяготы жизни; неизвестности; жизненного пути; забвения; молчания; единства противоположных сфер Бытия.

Ценностный компонент концепта «Даль / пространство» демонстрирует его амбивалентность в структуре языковой личности Рильке, положительные и отрицательные оттенки значения: он воплощает поэтический мир, возникающий в процессе творчества и хранящий все рождающиеся в сознании художника образы; но в то же время даль, безграничное пространство делает сложным вербальное выражение этих образов. Концепт «Даль / пространство» является метафорой жизни человека, но она акцентирует мотив непознанный человеческого пути, нестижимости Бытия; «Даль / пространство» в пространственном значении – это метафора страны, в которой сохранятся связь человека с Богом, но «Даль» в темпоральном преломлении – это то, что видел Рильке до знакомства с Россией: бездуховность и искаженные религиозно-нравственные ценности.

В языковой личности Рильке концепт «Даль / пространство» служит выражению философских, эстетических и нравственно-религиозных взглядов

поэта и основывается на индивидуально-авторских и мифологизированных образах русской действительности. В структуру концепта входят как индивидуально-авторские, так и инонациональные образы, связанные с особенностями восприятия России поэтом.

Список использованных источников:

1. Азадовский Райнер Мария Рильке и Александр Бенуа / под ред. К. М. Азадовского. – СПб.: Эгида, 2001. – 269 с.
2. Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / сост. К.М. Азадовский. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. – 656 с.

Грабовська Г. В.

Львівський національний університет імені Івана Франка, Україна

ЛАТИНОАМЕРИКАНСЬКЕ ОПОВІДАННЯ: ІСТОРІЯ РОЗВИТКУ

Традиція латиноамериканського наративу сягає доколумбової епохи. Культура майя, ацтеків, інків, гуарані, тарасків було відоме оповідання. Звісно, це були народні оповідки, міфи та легенди, які передавалися з уст в уста, а не власне кажучи літературні твори. З плином століть автохтонна фабула, пройшовши складний процес культурної метизації, набула більш витончених форм, характерних для європейського та іспанського наративу. Гарними прикладами цього перетворення в колоніальний період є «Los Comentarios Reales de los Incas» («Історія держави інків») Гарсіласо де ля Вега, літописи Берналя Діаса та Сервантеса де Салазара.

У XVIII ст. літописи виходять з моди. Це століття не є багатим на повісті й оповідання, оскільки мислення в ту епоху зорієнтоване на історію, філософію та критику. Однак саме тоді зароджується журналістика, яка згодом спричинить розквіт спочатку напряму костюмбризму, а згодом і оповідання.

У XIX ст., в період зародження незалежності американських держав, латиноамериканські письменники, зазнавши сильного європейського впливу, зуміли віднайти у людях та природі своїх земель невичерпне джерело для збагачення власного наративного мистецтва. В Латинській Америці, як і всюди у світі, літературне оповідання як жанр стало породженням романтизму. Феномен романтизму наситив духом бунтарства мислення, тож література тієї епохи має чотири виміри: моральний, філософський, мистецький та політичний. Тому вона добре вписалася у тогочасну мінливу реальність Латинської Америки, спрямовуючи її розпорошені інтелектуальні запити та зміцнюючи їх.

Костумбрізм, породжений захопленням народною культурою та піднесенням національної свідомості, незважаючи його на позір реалістичний характер, є романтичним напрямом. Особливо у ньому вирізняються твори Хосе Хоакіна Вальєхо (Чилі) та Рікардо Пальми (Перу). Пальма (1833-1919) трансформував живописну та оказіональну літературу цього напрямку в оповідання, позначені беззаперечною життєвою образністю. В його «Перуанських оповідках», воскресає очарування старих та забутих легенд. У цих коротких начерках та жвавих мініатюрах на історичну тему Рікардо Пальма створив власний жанр, позначений печаттю майстра.

Модернізм. Наприкінці ХІХ ст. латиноамериканська література відлучається від лона годувальниці Іспанії. Письменники звертають свої погляди на Францію, на Стефана Малларме, Артура Рембо, Шарля Бодлера, а ще – на Габріеле д'Аннунціо та Оскара Уайльда. Джерелом натхнення письменника-модерніста стають чужі культури, витончене середовище, красні мистецтва, на відміну від його сучасника реаліста чи натураліста. Це поетичний напрям, однак найвидатніші модерністи – Нахера, Марті, Даріо, Нерво, Лугонес – писали оповідання. Вони здійснили стилістичну реформу костюмбристської прози, ввели у неї екзотичну обстановку, універсальні теми та ліричні почуття. Їх зацікавлення у створенні мистецької форми є вкрай важливим у розвитку сучасного латиноамериканського оповідання. Проза стає вишуканою, вона перестає бути інструментом для розповіді про певну подію. Структура цих оповідань є менш строгою, подекуди відсутня кульмінація. Автора більше цікавить ліричний елемент, аніж фабула. Оповідання практично перетворюється на поему в прозі. Книга Рубена Даріо (Нікарагуа, 1867–1916) «Azul» («Блакить») є важливою віхою у жанрі оповідання. В оповіданнях, які увійшли до неї, часто є присутнім оповідач, який розмовляє з читачем чи навіть з персонажами. Оповідання Даріо є майстерно виписаними, та дещо надуманими: його турбота про форму, стиль є значно сильнішою, аніж про розповідний елемент. Однак його вплив на латиноамериканських новелістів є велетенським: після нього автори оповідань вже не можуть нехтувати стилем.

Суперреалізм. Письменники-суперреалісти ламають раціоналістичні схеми і пропонують нові форми для розуміння реального. Це покоління цілковито відкидає натуралізм в літературі. Борхес, Астуріас та Карпентьєр відкривають світові імагінативний потенціал сучасної латиноамериканської белетристики. Борхес розпочинає інтенсивне дослідження мови, яке згодом продовжать Кортасар, Карлос Фуентес та інші. З'являється відчуття, що література виявляє щось нове, раніше незвідане. Новий спосіб представляти реальність характеризується відкриттям нових сфер реальності. Світ суперреаліста є внутріш-

нім, по суті, це є світ свідомості. Дезоб'єктивізується звичке зображення речей. Модифікується поняття про час. Суб'єктивізується наративна перспектива. Персонажі набувають внутрішнього виміру і позбуваються фізичних рис. Наратив Хорхе Луїса Борхеса (Аргентина, 1899–1986) виходить за рамки жанрів. Часто замість того, аби написати оповідання чи повість, він удає, що коментує вже написаний твір. Тож оповідання набуває форми короткого викладу, коментаря чогось іще не написаного. Тексти Борхеса («Всесвітня історія ганьби», «Алеф», «Книга піску») є чимсь середнім між есе та оповіданням. Вони є стислими, насиченими, надзвичайно концентрованими. Його основні теми: час (він висуває різні концепції часу), особистість, простір (лабіринт), нереальність, фатум, присуд долі, смерть, безсмертя, магія, присутність Бога тощо. Борхес намагається спроектувати людське існування. Він є спостерігачем, мислителем та дослідником конкретної та загальної реальності, однак присутнім у цього автора є його незвичке представлення певних життєво важливих людських проблем.

Неореалізм. Це покоління представлено двома течіями. Попервах неореалізм був соціальним. Оскар Кастро, Хуан Годой розуміють літературу як класовий соціальний експеримент, інтерпретують реальність з точки зору марксизму. Для них суспільство – це лише класова боротьба між експлуататорами та експлуатованими. Їх твори є звинуваченнями. Герой часто є колективним: робітники, шахтарі, селяни. Основними темами є експлуатація, свавілля, корупція тощо. Однак поряд з цим соціальним різновидом неореалізму з'являється розповідь про нову реальність, неореалізм в іншому значенні: зображення невідомої, містичної, екзистенційної, фантастичної дійсності перетворюється на щось особливе. «Магічний реалізм» та «надприродна реальність» – такими є два терміни, щоби означити суміжність і навіть осмос між «реальним світом» і тим, що помилково називають «нереальним світом», які характеризують тексти цих авторів. У 50–60-ті рр. ХХ ст. з'являються твори Хуана Рульфо, Хуліо Кортасара, Хуана Карлоса Онетті, Аугусто Роа Бастоса. У творах Хуліо Кортасара (Аргентина, 1914–1985) присутнє несприйняття світу таким, як він є. Автор прагне вийти за межі звичного і трансформувати світ, звільнити людину при допомозі фантастичного. У його текстах («Кінець гри», «Бестіарій», «Таємна зброя») є очевидною дихотомія дійсності. З одного боку є реальність явна, раціональна, існування якої доведено органами чуття та логікою мислення, з іншого – інтуїтивна реальність, дійсність уявного, неусвідомленого.

Ірреалізм є продовженням і навіть посиленням тенденцій, присутніх у творах попередників – Кортасара, Рульфо, Карпент'єра. У цьому поколінні вирізняються Гарсія Маркес, Хосе Доносо, Карлос Фуентес, Марко Деневі та

Брісе Еченіке. З появою їх творів з'являється література розчарування, туги та безнадії. Для нарративу ірреалістів також є характерним постійне експериментування з концепцією часу. Час може бути рікою, що неспинно тече і не знаходить на шляху жодних перепон, або міфічним колом, в якому все – минуле і майбутнє – стрічається одне з одним, оскільки відбувається і повторюється у сьогоденні, або розбитим на сотні уламків дзеркалом, мозаїкою. Твори цих авторів тяжіють до відкритої форми, читач перетворюється на їх тлумача, співавтора. Справжнім рупором ірреалістів, у творах якого викристалізовані усі постулати цього покоління, є Габріель Гарсія Маркес (Колумбія, 1928). Основними темами в оповіданнях цього автора («Похорон Великої Мами», «Дванадцять мандрівних оповідань», «Очі блакитного пса») є самотність, ізольованість, зло, ненависть, деградація, байдужість, втрачені ідеали, деформація дійсності, магія, фантастичне, гротескне, абсурдне. Як і всі ірреалісти, Маркес вправно послуговується різними техніками зображення того, що відбувається, використовує різні рівні дійсності, іронію, пародію, різні типи оповідачів, бавиться з часом тощо.

К. филол. н. Жихарева Т. Ю.

Тюменский государственный университет, Российская Федерация

ВЗАИМОСВЯЗЬ СИМВОЛА И ЯЗЫКА

В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

(на примере индийской поэзии средних веков и поэзии Теннисона)

Культура – это одно из самых сложных и загадочных явлений в истории человека. Существуют различные взгляды на феномен культуры, на рождение разных культур, как на их развитие, взаимопресечение и взаимовлияние, так и на их разрушение, угасание. Например, Н. Я. Данилевский в своей книге «Россия и Европа» отстаивает теорию культурно-исторических типов, говоря, что человечества как такового не существует: есть лишь отдельные народы, каждый из которых по-своему воплощает «идею человечества». О. Шпенглер в «Закате Европы» полагает, что сущность культуры – загадка, разрешить которую можно лишь приблизительно, не рациональным путем, жизнедеятельность каждой культуры определяется неким внутренним источником – ее душой; это же таинственное начало стоит у истоков стиля культуры. В отличие от О. Шпенглера, А. Тойнби трактует культуру и цивилизацию как идентичные понятия, называя культуры «социальными атомами», каждый из которых представляет отдельный, независимый от других мир.

Цель нашей статьи – показать взаимосвязь символики и языка двух совершенно разных и перекрывающихся культур – индийской и германской (английской) и проиллюстрировать характерные особенности этих культур на примере индийской и английской поэзии.

Символы – образы, несущие помимо основного значения еще и особые дополнительные значения – культурологически обусловлены: каждая культурно-историческая общность в силу своего внутреннего уклада предпочитает одни символы и почему-либо игнорирует другие. Разные культуры далеко не одинаково переживают время и пространство, а в использование одних и тех же форм (символов) вкладывают далеко не одинаковый смысл.

В нашей статье нас интересует геометрический символ **круга** в индийской поэзии средних веков и английской поэзии XIX в и взаимосвязь этого символа с языком, то есть, необходимо проследить реализацию символа круга в контексте символики пространства двух культур – индийской и английской. Геометрический символ **мандалы** (квадрат с вписанным в него **кругом**) находит достаточно широкое выражение в индийской культуре и, в частности, в поэзии. С. Д. Серебряный сообщает о приблизительности, неточности данных, полученных в результате исследования индийской культуры и поэзии, о легендарности, символичности имен индийских поэтов – Калидаса, Хала, Амару, Бхартрихари, Лал-Дэд и т.д. Недеятельный, созерцательный характер индийской культуры, анонимный характер индийской философии и литературы подтверждается данными О. Шпенглера (об изобретении индийцами числа «ноль», которое сродни понятию отрицания жизни), а также Г. К. Честертона, который указывает на зыбкость, неопределенность мировоззрения индийцев (как и азиатских людей в целом), приводя еще один символ – **колесо Будды** (свастику), который изначально считался символом буддийского круговорота.

С понятием **круга** связано у индийцев понятие «**лила**» (игра). Мир возникает, разрушается и вновь создается из ничего, бесцельно, просто так. В этой игре человек не несет никаких обязательств перед миром, потому что мир неистинен и жизнь равна смерти. Кольцеобразное развитие мира сообразовано с круговращением времен. В соответствии с этим представлением о развитии мира индийское мировоззрение выработало понятие человека: человек – не уникальное явление, а лишь одно из неисчислимых произведений некоей сути в круговороте времени:

«Кто б ни пришел – остаться здесь не сумел никто.

Так что же стало с чем-то? Ничто, одно Ничто...» (Лал-Дэд)

В языке индийской поэзии понятие круглого воплощено в символах «луна» и «лотос». **Луна** – это символ, отрицающий жизнь, энергию; с другой стороны,

это символ красоты: «Твое лицо луны взошедшей краше!» «Я не ношу браслета золотого, что блещет, как осенняя луна...». Этот символ очень часто встречается в индийской поэзии. «Мир закинут в лунный свет»: эта метафора выражает предание себя на волю судьбы, пассивность души. В стихах из «Чарья-Гити» размышления о бытии и нирване представлены на фоне луны: «Серебрится луна, приподняв покрывало. С ней сознание, лишённое чувства, совпало». Преодоление бытия, слияние с нирваной происходит при сопровождении бубна, тамбурина (тоже – символ круга): «Бытие и нирвана, как два тамбурина...». *Лотос* – тоже пассивный символ, женское начало, которое должно быть оплодотворено. Мифопоэтическая традиция Древней Индии представляла нашу землю как гигантский лотос, распустившийся на поверхности вод, а рай – как огромное озеро, поросшее прекрасными розовыми лотосами, где обитают праведные, чистые души. Белый лотос – атрибут божественной власти: на лотосе восседает Будда и покоится Брахма, а Вишну – демиург Вселенной – держит в одной из четырех рук лотос. Обильный дождь из лотосов полил с неба в момент рождения Будды и всюду, куда ступала нога божественного новорожденного, вырастал огромный лотос. Это символ, сопровождающий любовную поэзию: «И лотос дивного лица любимой...», «И лотосы очей прекрасных...», «Сияние луны, ветерка дуновенье... возбуждают любовную страсть». При помощи символа лотоса описывается жизнь мгновения, отрицается перспектива, пространство. Производным из понятия **круглого** является понятие **Единого**, которое существует в поэзии легендарной индийской поэтессы Лал-Дэд: между зверями, птицами, пламенем и зеленью нет различий: «Все становится единым в свете истинного духа». Нечто подобное встречаем в «Чарья-Гити»: «Мы навеки затеряны в непостижимом; Умирая, рождаемся в неудержимом. Жизнь и смерть лишены различительных знаков».

Принимая во внимание указание А. Шапошникова в «Сакральном календаре друидов» на связь символа лотоса с фетишем титанида Атланта (менгир, кромлех), а также соображения Г. К. Честертон и О. Шпенглера, мы можем понять особенность индийской культуры – ее пассивный, созерцательный, медленотекущий характер, ее склонность к забвению всего, а также склонность к отвлеченности от реального, жизненного. Эти черты проявляются в индийской поэзии, в жизни ее символов (*лотос, луна, бубен*) – они являют родственные черты, как внешние (белый цвет, круглая форма), так и внутренние (сообразованы с *покоем, сном, удовольствием, забвением, смертью*).

В XIX–XX символ **кольца, круга** – символ слияния в Едином, типичный для индийского сознания, становятся популярным в Западной Европе. Что же общего между пассивным, созерцательным индийским мироощущением и

активным, направленным вдаль западноевропейским (германским) духом, основным этнографическим признаком которого Н. Данилевский считает насильственность? Нам представляется, что западноевропейский символ **бесконечного пространства**, воплощенный в языке, и в живописи, и в музыке, растворяющий материальные границы и отрицающий телесность, в чем-то близок индийскому растворению конкретных границ, раздроблению целого (ср: индийцы изобрели дробные числа – О. Шпенглер). Индийское сознание так же отрицает телесность, как и западноевропейское (пример из индийской поэзии – стихи из «Чарья-Гити», из западноевропейской поэзии – романтики и импрессионисты). Доказательством этому может служить указание на категорию *бесконечности* в индуистской традиции: в мифологии махаяны и ваджраяны бесконечно число Будд, каждый из «неисчислимого числа миров» имеет свое «неисчислимое число Будд прошлого, настоящего и будущего». Будды могут жить бесконечно, разрушение мира в конце калпы их не затрагивает. В западноевропейской угасающей культуре XIX–XX веков стал популярен символ **кольца** (Ф. Ницше («кольцо колец», «Кольцо Возвращения»), Р. Вагнер («Кольцо Нибелунгов»), М. Хайдеггер («мирение мира» через символ кольца), Б. Шоу («Назад к Мафусаилу» – кольцеобразное развитие мира), и т.д.), и, видимо, авторы апеллируют к индийской философии.

Рассмотрим символ **лотоса** в поэме лорда Теннисона «The Lotos-Eaters». Теннисон берет за основу греческую легенду о лотофагах, о которых упоминает Гомер. Лотофаги (букв. «пожиратели лотоса») – мифический мирный народ, по представлениям древних греков обитавший на северо-восточном побережье Африки. В пищу они употребляли «медвяный лотос» Легенда гласит, что чужеземец, вкушивший пищу, приготовленную из лотоса, забывает родину, близких людей и навсегда остается в стране лотофагов.

Теннисон развивает эту тему своеобразно: сам текст на редкость музыкален, и музыка соединяется с идеей сладкого сна (sweet sleep), отдохновения от трудов (toil, labour), от скитаний (wanderings), с идеей грезы, сна наяву (muse, brood, live in memory). Однако, несмотря на воспевание недеятельности, сладкого отдыха, можно чувствовать европейский контекст, в который вписан образ лотоса: можем видеть пространственную символику – это природа: мхи (cool mosses), плющ (ivies), заросли леса (the middle of the wood), река (the long bright river), голые вершины (barren peak), расщелины (winding creeks), и т.д. – то есть все то, чего не находим в индийской поэзии. Музыкальный фон, который достаточно ощутим у Теннисона, также становится элементом европейского контекста – строки звучат переливами мелодии (sweet sleep, blissful skies, the long-leaved flowers weep, perpetual moan, doleful song, etc). Идея сна,

покоя, забвения – неевропейская, восточная (индийская, греческая), – звучит лейтмотивом в поэме. Она оформлена идеей музыкальности, а именно подчеркнуты аллитерации и ассонансы, что вполне типично для европейской поэзии. Сама оппозиция лексико-семантических полей

Покой, сон ----- движение имеет европейский характер, т.к. проблему в таком ключе ставит человек активной конституции, которому знакомо действие.

Если мы рассмотрим подробнее оппозицию покой – движение, то увидим, что 24 единицам лексико-семантического поля «покой» (сон) соответствует 11 единиц поля «движение»:

Покой, сон	Движение
Pleasure	Time driveth on fast
peace	War with evil
long rest	Climbing up the climbing wave
death	The trouble joy
dreamful ease	confusion
whispered speech	
mild-winded melancholy	Trouble on trouble, pain on pain
muse, brood	Long labour
two handfuls of white dust	
half-dropped eyelids	
propped on beds of amaranth	
enough of action	The wallowing monster spouted
let us lie, reclined	Cleave the soil
nectar	Enduring toil
beds of asphodel	Suffer endless anguish
slumber	
sweet	
still waters	
sweet sleep	
lamentation	
holy balm	
perpetual moan	
blissful skies	
rest	

Поле «покой» покрывает все вышеуказанные поля слева и включает в себя такие семы как «удовольствие», «сладость», «печаль», «сладкий запах», «шепот», «блаженство», «отдых», «смерть», «созерцание», «мир», «святость». Этому полю противопоставляется поле «движение», включающее в себя меньшее количество элементов, такие как «время», «война», «смятение», «мучение», «страдание», «труд», «беда», «боль». Можно заметить полярность двух главных элементов оппозиции и соответственную близость их к концептам «жизнь»

(движение) и «смерть» (покой или сон), а также отсутствие элемента «время» в поле «покой» (время не существует там).

Таким образом, видим, что индийский символ **лотоса** играет определенное значение в европейской культуре, в частности, в английской поэзии, являя собой олицетворение покоя, сна, принципа Нирваны. Принцип покоя стал популярен в европейской культуре в XIX веке, когда возобладало иррациональное постижение действительности, когда европейское и английское мышление обратилось на восток за помощью к индийским учениям, не чувствуя себя более способным создать ничего нового.

Подведем итоги по всему вышесказанному. Поэзия является своеобразной призмой, через которую можно видеть некоторые существенные черты той или иной культуры. В частности, в **индийской** поэзии, как в небольшой части индийской культуры, видны такие черты как жизнь мгновения, наслаждение жизнью с одной стороны, и забвение, отрицание индивидуума с другой стороны. Индийская картина мира может быть выражена через категории «покой», «сон», «забвение». Соответственно это выражается в индийской поэзии символически – через символы «луна» и «лотос», на языковом уровне метафорами, сравнениями. **Английская** же поэзия являет, в противоположность индийской, такие черты романо-германской культуры как устремленность вдаль, способность к борьбе, деятельность, возвышение индивида. Англосаксонская картина мира в целом может быть выражена через категории «движение», «сила», «стремление», «завоевание». Однако, в XIX веке англосаксонское (как и все европейское) (романтическое) мироощущение подвергается чужеродным влияниям, например, индийскому, арабскому, античному: становится популярной категория «покой», связанная с категорией «удовольствие». Соответственно внимание европейских поэтов и мыслителей привлечено восточным символом кольца, круга. На лексико-семантическом уровне можно наблюдать оппозицию «покой» -- «движение», которая является выражением противоборства сил в европейской картине мира. «Покой» характеризуется набором положительных лексико-семантических полей, тогда как «движение» имплицитно подразумевает понятие «отрицательное». Возможно, в этом – индийское влияние. Кроме того, англосаксонский контекст индийского мотива, взятого Теннисоном, выражен с помощью картин открытого пространства (пейзаж) и с помощью аллитерационно-ассонансного оформления.

Жлюдина А. В., к. филол. н. Володина Д. Н.

Томский политехнический университет, Российская Федерация

**ИТАЛЬЯНСКИЕ ОБРАЗЫ
В РОМАНЕ М. ОСОРГИНА «КНИГА О КОНЦАХ»**

*Проект выполнен при поддержке гранта
Президента РФ (МК-2012 812/20.01.12 No. 17.7932012)*

Межкультурный диалог является одной из наиболее распространенных сфер отношения народов, в рамках которой происходит обогащение и насыщение обеих сторон. По Ю. М. Лотману, каждая отдельная культура, представляющая собой замкнутый текст, наряду с другими культурами (текстами) включается в некий единый текст более высокого уровня. Ситуация подобного сосуществования культур заведомо диалогична. М. М. Бахтин утверждал, что более полное раскрытие культуры возможно лишь посредством ее отражения «в глазах другой культуры», что предполагает их непосредственный контакт, взаимопроникновение.

Диалог русской и итальянской культур, складывающийся из нескольких этапов (контакта, общения, культурного синтеза и др.), основан на топологической близости, сходстве архетипов сознания (С. В. Ясунас). Развитию и укреплению русско-итальянских контактов на протяжении многих веков способствовало множество исторических, политических, экономических факторов. Значительную роль в поддержании межкультурных связей сыграли также и отдельные культурные личности, в частности, яркие представители художественной литературы XIX века: Гоголь, Щедрин, Чижов, Стасов, Иванов. Являясь хранителями традиций родной культуры, они также стремились к постижению и восприятию европейских (в частности – итальянской) традиций. Не менее значимую роль в поддержании русско-итальянского культурного диалога сыграли художники и поэты, насильно высланные из России после революции 1917 года (Зайцев, Иванов, Осоргин и др.). Вынужденное пребывание эмигрантов в чужой стране и невозможность возвращения на родину оказали влияние на восприятие ими новой культуры. Сложный процесс установления диалога культур в сознании писателей-изгнанников нашел отражение в их творчестве периода эмиграции.

Культура, традиции, природа Италии стали сквозными темами прозы М. Осоргина (1878–1942). Ее культуре и истории он посвятил свои работы (более 400 статей в газетах «Русские ведомости» и «Вестник Европы», статьи из последней вышли отдельной книгой «Очерки современной Италии» (Москва,

1913 г.); об Италии упоминается в беллетристических произведениях «Из маленького домика» (Латвия, 1921 г.), «Там, где был счастлив» (Париж, 1928 г.), «Времена» (Париж, 1955 г.). Осоргин перевел с итальянского пьесы К. Гольдони, Л. Пиранделло, К. Гоцци.

Значимость Италии в судьбе и творчестве писателя-эмигранта отмечают как российские (Н. П. Комолова, И. В. Трофимов), так и итальянские исследователи (А. Пасквинелли). Н. П. Комолова прослеживает динамику восприятия Осоргиным Италии от безграничной любви (во время первой эмиграции), восхищения итальянскими политическими движениями, видя «возможность использования этого опыта и в будущем в России» [2, с. 292], к последующему осуждению за «распространение шовинистических настроений в итальянском обществе» [2, с. 292] и к разрушению прежнего образа Италии как свободной и прогрессивной страны. По мнению исследовательницы, в сознании писателя-эмигранта было два представления об Италии: «прежнее, когда он жил там долго и «был счастлив», и новое, отягощенное невзгодами, пережитыми им лично, Россией и Италией» [2, с. 296].

А. Пасквинелли, составившая антологию итальянских очерков Осоргина, анализировала образ Италии в первую очередь в публицистике эмигранта, для которого она стала «страной изгнания, но вместе с тем – страной свободы, молодости, надежды» [5, с. 179]. Исследовательница утверждает, что Осоргин «стремился показать соотечественникам настоящую, а не туристическую Италию» [5, с. 179], поэтому для него было важно «познакомить читателя сначала с природой...» [5, с. 179]. А. Пасквинелли пишет, что тема Италии в творчестве Осоргина связана с «печальной» темой России.

И. В. Трофимов, рассматривающий итальянские мотивы в творчестве писателя-эмигранта, приходит к выводу, что Италия – «напоминание о непреходящих ценностях культуры, которая воплощает в себе благодатное насилие над волей, чувством и разумом человека во имя его сохранения во времени» [6, с. 168]. Для Осоргина Италия – страна смирения, но не правительственного, а природокультурного, где «сама многовековая история культуры учит людей смирить себя во имя гармонии сожительств как с природой, так и себе подобными...» [5, с. 169]. Потому на страницах прозы Осоргина многие итальянские образы «возникают в обрамлении природы, которая в той же степени достойна Италии, в какой и ее культура» [5, с. 175].

Для первой русской эмиграции фигуры М. Осоргина, П. Муратова и Б. Зайцева были неразрывно связаны с Италией и итальянской культурой. В романе последнего «Дальний край» (1913) в одном из главных героев – Алексее – угадываются черты Осоргина.

Одним из произведений М. Осоргина, в котором получили художественное воплощение его впечатления от пребывания в эмиграции, стал роман «Книга о концах». Образу Италии в данном романе посвящена отдельная глава. На ее страницах возникает, волнующая автора тема интегрирования русского человека в новую культурную среду. Образцом погружения в новое пространство с сохранением при этом национальной самобытности становится старожил итальянского местечка. С одной стороны, являясь главой русской колонии, он ездит по делам в город, общается с итальянцами, добывает нужные документы, регистрирует родившихся детей. Местные знают и уважают его, это единственный герой романа, имя которого чаще всего звучит на итальянский манер – «сьор Паоло (sior Paolo)». Русских узнают на вокзале и без вопросов направляют к Павлу, чему он не противится: «Как же иначе, ко мне всех посылают. Я тут старожил» [3, с. 438]. Выделению из общей массы каторжан способствует его жилище – отдельно ото всех, на возвышенности: «Поднялся выше – и на новой площадке увидал дверь с огромным, как бы обручальным кольцом <...> над дверью необычайно коротконогая каменная мадонна держала на руках исключительно упитанного младенца <...>. Решив, что тут вход в какую-нибудь церковную ограду, Николай Иванович, отдохнув немного, собрался подыматься еще выше, но с неба раздался женский оклик <...> женщина <...> указывала ему пальцем на дверь и утвердительно кивала...» [3, с. 438]. Возвышенное положение и образ мадонны придают образу старожила божественный ореол. Свои, русские, называют его Отцом, Князем, в любом деле обращаются за помощью: «Что бы ни случилось – помочь мог только «старожил» [3, с. 440]. И хотя он, в противовес другим, заявляет с мальчишеским озорством, болтая ногами на краю обрыва: «А я тут как дома!» – это не замена прежней родины новой, а лояльность в принятии культуры другой страны. Старожил выглядит как русский: «За дверью, в небольшом садике у крыльца дома, сидел и писал человек в русской рубашке навывпуск» [3, с. 438]. Он возглавляет, как более опытный и знающий, колонию русских на итальянском побережье. Сьор Паоло также делает и свое маленькое дело для России – пишет научный труд по истории.

Субъектная организация финала главы об Италии обнаруживает близость сознания героев и повествователя: «Расставаясь, мы видим из окна поезда белеющую на взгорье виллу. Затем поезд ныряет в туннель» [3, с. 453], что закрепляет идею родственности Италии и России в сознании автора. Таким образом, вполне закономерно выделение в «Книге о концах» пространства Италии на фоне общего европейского пространства.

Список использованных источников:

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с. – (Из истории сов. эстетики и теории искусства).
2. *Комолова Н. П.* «Там, где был счастлив»: Михаил Осоргин в Италии // Комолова Н. П. Италия в русской культуре Серебряного века: Времена и судьбы / Н. П. Комолова; Институт всеобщей истории. – М.: Наука, 2005. – С. 292–288.
3. *Осоргин М.* Свидетель истории / М. Осоргин // Осоргин М. Свидетель истории. Книга о концах: Романы. Рассказы / сост., примеч., вступ. статья О.Ю. Авдеевой. – М.: НПК «Интелвак»; 2003. – С. 8.
4. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: Искусство–СПБ, 1998. – С. 14–285.
5. *Пасквинелли А.* Образы Италии в публицистике М.А. Осоргина // Россия и Италия / Институт всеобщей истории. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке / отв. ред. Н. П. Комолова. – М.: Наука, 2003. – С. 179–181.
6. *Трофимов И. В.* Итальянские мотивы в творчестве М. Осоргина // Россия и Италия / Институт всеобщей истории. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке / отв. ред. Н. П. Комолова. – М.: Наука, 2003. – С. 167–178.

Малышева О. В.

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Российская Федерация*

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. А. БУЛГАКОВА В ИСПАНИИ И СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Среди произведений мировой литературы, переведенных на испанский язык, книги русских и советских авторов занимают одно из ведущих мест. Ежегодно публикуются большое количество испаноязычных переводов произведений русских и советских писателей, таких как Л. Толстого, А. Чехова, М. Цветаевой, М. Булгакова и многих др.

Национальная самобытность русской литературы, ее духовные ценности, высокое художественное мастерство русских писателей обуславливали огромный интерес испаноязычного читателя к русской литературе.

Первые испаноязычные переводы произведений М.А. Булгакова появились в конце 60-х гг. XX в., после того как в Советском Союзе были опубликованы сначала «Театральный роман» в 1965 г. в журнале «Новый мир», а затем роман «Мастер и Маргарита» в 1966-1967 гг. в журнале «Москва». Испаноязычные переводы вышеназванных произведений были опубликованы мадридским издательством «Alianza» в 1967 и 1968 годах соответственно. Переводчиком «Театрального романа» выступил испанский репатриант Х. Лаин Энтральго.

Роман «Мастер и Маргарита», опубликованный в 1968 году, был переведен на испанский язык А. Лакасой. Стоит отметить, что роман был и остается

широко популярным у испанских читателей. Об этом говорит тот факт, что «Мастер и Маргарита» в переводе А. Лакасы переиздавался пятью ведущими испанскими издательствами в общей сложности 15 раз. Последнее переиздание романа в переводе А. Лакасы относится к 2009 году, которое было выпущено барселонским издательством «Debolsillo».

Издание первых испаноязычных переводов «Театрального романа» и «Мастера и Маргариты» советского писателя положило начало первому периоду истории переводов произведений М.А. Булгакова. Этот период длился до середины 70-х годов: в 1970 году издательство Барселоны «Planeta» публикует перевод повести «Роковые яйца», выполненный М. Пуиг, а в 1971 году два других барселонских издательства «Destino» и «Noguer» независимо друг от друга опубликовали два испаноязычных перевода романа «Белая гвардия». Автором одного перевода выступил Х.Л. Энтральго, а другого – П. Диас Мора. В 1973 году испанский общественно-политический журнал «Cuaderno para el Diálogo» печатает испаноязычные переводы пьес М. А. Булгакова «Иван Васильевич», выполненный испанским переводчиком В. Имберт, и «Багровый остров», автором которого стал М. Бильбатуа. В 1974 году испанским издательством «Labor» (Барселона) был опубликован первый испаноязычный перевод повести «Собачье сердце», выполненный знаменитым испанским переводчиком Р. Сан Висенте.

В период с 1974 года по середину 80-х годов XX века публикуется всего два произведения М. А. Булгакова, переведенные на испанский язык: в 1983 году появляются переводы повести «Роковые яйца», выполненный С. Серрой, и романа «Жизнь господина де Мольера», осуществленный Р. С. Висенте и опубликованный испанским издательством «Montesinos» (Барселона).

Однако уже с конца 80-х годов начинается второй период в истории переводов произведений М.А. Булгакова, который длится по настоящее время. Стоит отметить, что с этого времени стали появляться переводы, выполненные не только испанскими, но и латиноамериканскими переводчиками. Так, в 1987 году мексиканское издательство "Fondo de Cultura Económica" публикует испаноязычный перевод пьесы М.Булгакова «Зойкина квартира», автором которого является современная известная мексиканская переводчица С. Ансира.

В 1989 году в свет вышло сразу два испаноязычных перевода повести М. А. Булгакова «Собачье сердце». Один из переводов был опубликован испанским издательством «Alfaguara» (Мадрид). Авторами этого перевода стали В. Каскарра и Е. Крюкова. Другой перевод вышеназванной повести был выполнен чилийским переводчиком Э. Агилера Дельгадо и опубликован московским издательством «Радуга».

90-е годы XX века характеризуются повышенным интересом к малой прозе, драматургии и корреспонденции советского писателя. Один за другим публикуются переводы его повестей, рассказов, пьес, фельетонов и писем. В 1990 году барселонским издательством «Valdemar» был опубликован перевод повести «Дьяволиада», который осуществил переводчик Х. Аррибас Паскуаль. В 1991 году в свет вышел испаноязычный перевод повести «Морфий», выполненный С. Ансирой и опубликованный барселонским издательством «Anagrama D.L.». В этом же году мадридское издательство «Mondadori D.L.» публикует перевод писем М. А. Булгакова и Е. И. Замятина И. В. Сталину. Автором данного перевода является испанский переводчик В. Гальего. В 1997 году в мексиканском литературном журнале «La jornada semanal» были опубликованы письма Булгакова Станиславскому в переводе на испанский язык. Автором перевода является колумбийский литературный критик и переводчик Х. Бустаманте Гарсиа.

В 1992 году появляется второй испаноязычный перевод повести «Дьяволиада», выполненный С. Серрой и опубликованный испанским издательством «Compañía Europea de Comunicación e Información, D.L.» (Мадрид). В этом же году в испанском специализированном журнале ассоциации театральных режиссеров Испании «ADE-Teatro» публикуется испаноязычный перевод пьесы «Дон Кихот». Автор перевода – известный испанский драматург Х. Саура.

В 1997 году мадридское издательство «Trotta» опубликовало сборник «В темноте. Сатирические рассказы советской России», где мы находим 12 рассказов и фельетонов из ранней прозы М.А. Булгакова в переводе на испанский язык. Перевод был выполнен М. А. Чао Валлсом.

Начало XXI века также характеризуется глубоким интересом к творчеству Булгакова. Появляются все новые переводы его произведений, как малой, так и крупной прозы. В 2001 году мексиканское издательство "Fondo Nacional para la Cultura y las Artes» публикует повесть «Записки на манжетах» в переводе С. Ансиры. В 2002 году в журнале «ADE-Teatro» выходит перевод пьесы «Дни Турбиных», авторами которого стали Х. Саура и Б. Хакинжианова. В 2005 году в мексиканском издательстве «Universidad Veracruzana» печатается пьеса «Иван Васильевич» в переводе С. Ансиры.

Появляются новые варианты переводов двух значимых романов Булгакова «Мастер и Маргарита» в 2004 году и «Белая гвардия» в 2006 году, выполненные кубинским писателем и переводчиком Х. Травьесо Серрано и опубликованные мексиканским издательством «Lectorum».

Испанское издательство «Maldorog» (г. Виго) печатает ряд произведений Булгакова в переводе Х. Сеговы Лаго и В. Бек. Так, в 2006 году публикуется

27 рассказов и фельетонов из ранней прозы Булгакова, а также его письма, адресованные Сталину, Горькому, Вересаеву и др., а в 2007 году – повести «Роковые яйца» и «Похождения Чичикова». Весьма интересно, что повесть «Роковые яйца» является одним из самых часто переводимых произведений Булгакова. Как доказательство этому, вышедший в 2010 году четвертый испаноязычный перевод этой повести, автором которого является переводчик О. Коробенко.

В 2011 году испанское издательство «Nevsky Prospects» печатает книгу «Псалом и другие неизданные рассказы» в переводе на испанский язык Р. Маркес Гарсиа, в которую вошли 9 рассказов ранней прозы Булгакова.

Основываясь на проведенном нами исследовании, мы выделили два периода в истории переводов произведений М.А. Булгакова. Наибольший интерес для испаноязычных читателей представляет малая проза советского писателя: переведена большая часть его рассказов, пьес и фельетонов. Однако стоит отметить, что на испанский язык переведены все 4 романа Булгакова, а количество переизданий романа «Мастер и Маргарита» говорит о его значимости и популярности у испанского читателя.

К. филол. н. Мухтарова Д. Р.

*Тюменский государственный нефтегазовый университет,
Российская Федерация*

ЦЫГАНСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ Н. С. ЛЕСКОВА «ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК»

В России цыганская струя столь мощно влилась в национальную культуру, что стала важной частью мифа о русской душе, и это уже явление совершенно специфическое... XIX век – время самосознания, самоотождествления. Россия познает себя в зеркале иных культур, в диалоге с ними.

«Цыганские мотивы и образы вдохновляли творчество Льва Толстого, Николая Лескова, Максима Горького. Проспер Мериме прославил Кармен, Виктор Гюго – Эсмеральду, Маркес и Лорка раздумывали над участью цыган. Языков, Тютчев, Аполлон Григорьев, Блок, Цветаева посвящали цыганам свои строки».¹

По мнению Б.Я. Бухштаб творчество Лескова не знает социальных границ. Он выводит в своих произведениях людей самых разных сословий и кругов: и

¹ Кармелита из театра «Ромэн» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tarbut-cellcom.zahav.ru/cellcom/theater/article.php?view=224>

помещиков – от богачей до полунищих, и чиновников всех мастей – от министра до квартального, и духовенство – монастырское и приходское – от митрополита до дьячка, и военных разных рангов и родов оружия, и крестьян, и выходцев из крестьянства – солдат, мастеровых и всякий рабочий люд. Лесков охотно показывает разных представителей национальностей тогдашней России: украинцев, якутов, евреев, цыган, поляков... Отмечается, удивительная разносторонность знания жизни каждого класса, сословия, национальности. Нужны были исключительный жизненный опыт Лескова, его зоркость, памятьливость, его языковое чутье, чтобы описать жизнь народа так пристально, с таким знанием быта, хозяйственного уклада, семейных отношений, народного творчества, народного языка.

Стремясь обогатить, усилить языковые средства художественной изобразительности и выразительности, Лесков искусно воспользовался так называемой народной этимологией. Сущность ее заключается в переосмыслении в простонародном духе слов и фраз, а также и в звуковой деформации слов (особенно иностранного происхождения). Как считает В. В. Шаповал, есть самые серьезные основания полагать, что цыганский рефрен, воспроизведенный в повести «Очарованный странник» на слух, – не авторская выдумка, а вариация традиционной фольклорной темы: 'Уйду я, уйду – туда, где меня никто не узнает: ни свои, ни чужие', – зафиксированная на одном из влашских диалектов цыганского языка.

Особая часть национальной картины мира у Лескова образуется обращением к цыганской проблематике. В традициях русской литературы рассматривать «цыганщину», нет-нет да и проявляющуюся в душе русского человека, как уникальную примету национального типа. Вольные порывы, беспричинная и надрывная тоска, выливающаяся в песню, широта и страстность душевных проявлений, готовность вырваться за любые пределы, отрицание «золотой середины», романтическая тяга к таинственной и загадочной красоте – все это запечатлено национальной культурой как своеобразный комплекс – «цыганство», «цыганщина». Об этом шла речь еще у А.С. Пушкина в поэме «Цыгане», где «неволя душных городов» противопоставляется бедной, но свободной жизни цыганского табора. Широта души ассоциировалась с безграничностью просторов русской земли, а для цыган, вообще родина – вся земля. Безбрежность степи и безграничная эмоциональность песни хорошо передавали русское вольнолюбие. В цыганской стихии русская культура нашла нечто органически близкое: вольный дух, романтику скитальчества, странничества по необозримым степным просторам, чувство бесконечного пути, который не может кончиться. Лесков ключевой и по-своему решающий момент развития своего

странствующего героя «Очарованного странника» Флягина, когда он становится, действительно, очарованным, связывает с цыганской же коллизией.

Флягин никогда не может остановиться, застыть, закоснеть в одной роли, «раствориться» в одной службе, подобно герою романа приключений, который вынужден менять профессии, должности, порой даже свое имя, чтобы избежать опасности и приспособиться к обстоятельствам. Мотив странствий, постоянного движения в пространстве также роднит «Очарованного странника» с цыганами, для которых ничем не ограниченное передвижение по земле – кочевая жизнь являлась важным моментом свободы. И странствия Ивана Северьяныча, и скитания авантюрного героя имеют лишь формальное завершение: у персонажей нет определенной цели, достигнув которую, они могут успокоиться, остановиться.

Отметим, что, когда оживает цыганское начало в душе русского героя Лескова, особенно частым становится упоминание колдовских, черных сил: «И та выходит и ... враг ее знает, что она умела глазами делать: взглянула, как заразу какую в очи, пустила ... поцеловала, и опять то же самое осязание: как будто ядовитую кисточкой уста тронет и во всю кровь до самого сердца болью прожжет».

В отношениях с Грушей Флягин проявляет всю гамму чувств, на которые он только способен: увлеченность до самозабвения, покоренность красотой, страсть, самопожертвование, нежность. Разрешается коллизия парадоксально: герой совершает еще одно убийство, убивает нежно и преданно любимую женщину, друга – колдовское влияние Груши со временем, в отношениях с героем постепенно рассеивается. Но это убийство трактуется как едва ли не искупление страшного греха, совершенного героем в молодости, когда он из озорства убил монаха. Здесь идет речь о пресечении губительной для человека, темной, цыганской, не ведающей границ страсти: «Груша любила его, злодея, всею страстной своею любовью цыганскою, каторжной, и ей было то не снести и не покориться, как Евгенья Семеновна сделала, русская христианка, которая жизнь свою перед ним как на лампаду истеплила. В этой цыганское пламище-то, я думаю, дымным костром вспыхнуло, как он ей насчет свадьбы сказал, и она тут, небось, неведомо что начертила».

О смерти как избавлении от еще более страшных грехов, собственно, просит Ивана Северьяныча сама Грушенька. Таким образом, можно констатировать, что воля лесковского героя знает ограничения через нравственный закон христианства, цыганская воля полностью властвует над человеком, способна низвергнуть его в пропасть абсолютного нравственного падения.

Поэтическая, сказочная очарованность жизнью была свойственна и самому Лескову. Это одно из самых важных слагаемых атмосферы созданного им

художественного мира. Писатель очарован огромными просторами русской земли, ее историческим прошлым, запечатленным в преданиях старины, колоритными чертами быта и национальных характеров населяющих ее народов, созданным за многие века искусством, начиная с древней иконописи и фольклора, мастерством ее умельцев, праведничеством ее «чудаков» и «оригиналов». Недаром и его центральный герой – «очарованный странник» по просторам родной земли.

Список использованных источников:

1. Кармелита из театра «Ромэн» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tarbut-cellcom.zahav.ru/cellcom/theater/article.php?view=224>
2. *Лескова Н. С.* Леди Макбет Мценского уезда: повести и рассказы / Н. С. Лескова. – М.: Эксмо, 2007. – 640 с. – (Русская классика)
3. *Бухштаб Б. Я.* Сказы о народных праведниках («Очарованный странник», «Левша», «Тупейный художник» Н. С. Лескова) [Электронный ресурс] / Б. Я. Бухштаб. – Режим доступа: <http://www.gramma.ru/BIB/?id=3.78>

Пантелей І. А.

Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка, Україна

АНТИКРІПОСНИЦЬКІ ТА АНТИРАБОВЛАСНИЦЬКІ ТЕНДЕНЦІЇ В ЛІТЕРАТУРІ ХІХ СТОЛІТТЯ

Історично суспільне життя України, Росії і США склалося так, що література стала голосом правди й совісті, найсильнішим та найдійовішим засобом вираження волелюбних прагнень усіх прогресивних сил. Слово – усне і друковане, особливо художнє – було головною зброєю проти невілництва. На сторінках тодішніх журналів і газет уже відвертіше стали дискутуватися соціальні питання, порушувались важливі для суспільства моральні й політичні проблеми, віддзеркалювалися найгостріші конфлікти часу. В Америці почав розвиватися аболіціонізм (30-ті роки ХІХ ст.) У той час молодий американський журналіст У. Гаррісон заснував газету «Визволитель» («The Liberator»), яка проіснувала 35 років до скасування рабства. Він був засновником Американського антирабовласницького об'єднання. Набираючи з 1820-х рр. загальнонаціональних масштабів, цей рух розгортається насамперед у північних, вільних від рабства штатах, зокрема, у Новій Англії [3].

Скрізь точилися жваві розмови й полеміка про моральний занепад класу поміщиків-рабовласників, високу мораль кріпаків-рабів, їхню незмірну вищість над панівними класами; порушувались злободенні проблеми про необхідність надання невілникам свободи і прав, які мають білі, надання їм права на освіту,

про розкріпачення жінки, полегшення її важких родинних умов, безправне становище її у суспільстві тощо.

Пульс епохи позначився не лише на творчості письменників, а й на ідейному змісті їх художніх творів, у яких не тільки реалістично відтворювалася, а й осмислювалася дійсності. До політичної сфери втягувалися навіть ті письменники, які раніше були байдужими до суспільних і політичних питань. Ситуація у країнах вимагала критичного ставлення до відтворюваних явищ суспільного життя [2].

В Україні на середину ХІХ ст. сфера національного життя й культури звужилася, вона стосувалася в основному нижчих суспільних верств, передусім селянства. Воно залишилося головним і надійним носієм української мови і, отже, основною базою розвитку української літератури та головним її адресатом. У період боротьби з невільництвом з'явилися твори, у яких письменники засуджували рабовласників, передавали жахливі картини життя поневолених людей. Такими творами є зокрема, «Народні оповідання», «Рассказы из русского народного быта», повість «Інститутка» Марка Вовчка, «Микола Джеря» І. Нечуя-Левицького, роман «Хіба ревуть воли, як ясла повні?» та повість «Лихо давнє й сьогочаснє» Панаса Мирного, «Білий раб, або Нотатки втікача» Річарда Хілдрета, «Хатина дядька Тома» та «Дред» Г. Бічер-Стоу тощо. Аболіціоністськими віршами відомий поет-романтик Джон Уїтєр; антирабовласницькими мотивами пронизані «Пісні про рабство» Г. Лонгфелло, сатирична повість «Нотатки Біглоу» Джона Лоуела та інші. Популярність цих творів полягала в актуальності та злободенності висвітлюваної проблеми – скасування рабства [2; 4].

Аболіціоністська література пронизана духом романтичного протесту. За стилем, жанрами, формами дуже близька до спадщини письменників-романтиків. Вона створювалася письменниками різних поколінь, різних літературних шкіл, різних естетичних поглядів, тому не складає єдиного стилістичного напрямку. Попри це, письменників-аболіціоністів об'єднувала ненависть до рабства та співчуття рабам.

Гостра суперечність між народно-гуманістичним ідеалом і характером суспільних відносин – основний структурний принцип прозових творів того часу. З різко вираженими соціальними засадами у них органічно поєднується реалізація ідейно-естетичного принципу народності, таких важливих творчих принципів реалізму, як художнє відтворення істини життя, розкриття істотних закономірностей дійсності, заглиблення у внутрішній світ людини, типізоване й індивідуалізоване зображення обставин і характерів, художній історизм.

Українські, російські та американські письменники показали рабовласницьку систему як політичну й суспільно-економічну причину трагічного становища невольників. Твори українських письменників і письменників-аболіціоністів – це своєрідний художній літопис народного життя у період назрівання революційної ситуації у країнах. У своїх творах письменники проникають у глибини народної душі, соціальне буття народу, устами невольників розповідають про типові життєві випадки, викладають трагічні «біографії» поневолених. Література свідомо ставила своїм завданням описувати реальне життя й давати суспільну оцінку явищам, тобто змальовувати силу людського духу упродовж певного історичного періоду.

Антирабовласницький рух не ставив собі за мету знищити рабовласницьку систему революційними методами. Лише окремі представники вважали, що необхідна революційна боротьба і збройні повстання. Свої аргументи аболіціоністи черпали з декларації про незалежність, з американської конституції та Біблії. Багато письменників черпали сюжети своїх творів і образи із ситуацій, які особисто відчули на собі або були їх свідками. Так, в атмосфері духовних інтересів народололюбивих інтелігентів і передусім – критичного ставлення їх до невольницької дійсності формувався світогляд письменників. До того ж цьому сприяли самі обставини життя, постійні зустрічі й розмови з кріпаками, рабами, здебільшого учасниками або близькими свідками трагічних історій, причиною яких була рабовласницька сваволя.

Все пережите вилилось живим, зворушливим народним словом, вибухом збурених соціальним злом почуттів гніву й протесту, відчайдушною спробою захистити від наруги й безчинств найсвятіше право людини на волю й щастя.

Список використаних джерел:

1. *Аникст А. А.* История американской литературы / А. А. Аникст. – М.: Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1947. – 343с.
2. *Історія української літератури XIXст.* / [за ред. Н. Т. Яценка]. – К. : Либідь, 1996. – 384с. книга 3 432с.
3. *Літературознавчий словник-довідник* / [укл. Р. Т. Гром'як, Ю. І. Ковалів, В. І. Теремко]. – К. : ВЦ «Академія», 1997. – 752 с.
4. *Самохвалов Н. И.* Американская литература XIX века / Н. И. Самохвалов. – М. : Высш. школа, 1964. – 562с.

Д. филол. н. Шагбанова Х. С., Снопик Н. Я.

Тюменский государственный нефтегазовый университет,

Российская Федерация

КОНЦЕПТ ДУШИ ЧЕЛОВЕКА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

По словам французов, сама личность Г. Исхаки заключала в себе тайну подлинной, а не мнимой оригинальности, яркой человеческой индивидуальности. Это проявлялось не в манерничанье, а в умении делать то, что умеют делать все другие, но лучше всех, задавая всем новый эталон работы. С этим же связана и давно установленная в философии и психологии синонимичность «личности» и «свободы». Свобода заключалась не в смысле упрямого стремления делать то, что желается, а в смысле развитой способности преодолевать препятствия, казалось бы, самые неодолимые, в способности преодолевать их легко и изящно.

Во всех аспектах тема личности проходит в творчестве Г. Исхаки глубокую эволюцию. Тенденция к личностному подходу, обращенность к живому человеку и его опыту присущи уже и ранним его работам. Г. Исхаки особенно в своем произведении «Зиндан» («Тюрьма») дает антропологическую постановку исторической проблематики, выдвигая задачу реконструкции образа человека в историческом бытии – его мира, сознания, поведения. И все же, хотя на этом пути он конструирует, например, фигуру «стойкого человека» данного общества и эпохи, мы здесь еще не видим собственно персонологической рефлексии. Причина обращения Г. Исхаки к проблеме личности очевидна: искусство всегда имеет дело с особенным, единичным, а личность – никогда не «общее», она всегда «единичное». Именно поэтому человек у писателя существует только в конкретной, очень личностной форме, и именно поэтому личность в творчестве Г. Исхаки не аморфна. Она представляется в формах строго единичных и индивидуальных, имеет базисную целостность, предстает перед нами в виде совокупности индивидуальных черт, которые притягивают нас, вызывая постоянный интерес на протяжении всего произведения. Каждая личность, изображенная в его произведениях, уникальна и неповторима. Важно заметить, что не просто личность, как феномен, интересует писателя. Предмет изображения Г. Исхаки – личность, человек в его бытовых, общественных, исторических, природных связях в процессе внутреннего, чувственного и умственного, осознания себя самого и своего места в мире. Такая позиция автора наиболее оправдана, так как особое влияние на формирование личности героев оказывают социальные взаимоотношения, которые Г. Исхаки подает через призму сложившихся в татарском обществе взаимоотношений. Человек дан

Г. Исхаки в его социальных связях, в его соотношении с обществом. Несомненно, от того, какие общественные отношения господствуют в обществе, будут зависеть и отношения «личность – общество». И успешность таких взаимоотношений во многом определяется и социальной группой, к которой принадлежит человек, и условиями, характером воспитания в семье.

Одной из черт произведений Г. Исхаки является единство образов, внутренняя последовательность даже в тончайших деталях, в раскрытии и исследовании той целостности и последовательности характеров, которые в действительности существуют. Анализ внутреннего содержания произведений Исхаки показывает, что каждый его герой имеет внутреннюю логику поведения, и каждое действие кажется отражением и завершением одного, хорошо вылепленного характера.

Герои Г. Исхаки эволюционируют, они не всегда остаются тем, что они есть, сталкиваются с внутренними конфликтами и противоречиями. Все личности, изображенные Г. Исхаки, в той или иной мере недовольны своей жизнью, в определенной степени думают о том, как бы не упасть на дно, не стать жертвой буйной эпохи.

Г. Исхаки стремился осмыслить и осознать явления жизни и в их единичности, и в общем соотношении, в социальном их значении. Показывая точную и конкретную картину действительности, он всегда обобщает отдельные явления, осмысляет социальную их значимость. Исхаки очень талантливо показал широкую, типическую картину жизни татарского народа. Сила его реализма в том, что, сохраняя всю конкретность изображения, он придает ему обобщающий характер. Образ у Г. Исхаки является результатом наблюдения жизни, в нем заключено понимание целостности явления.

Вместе с тем образы не теряют своей индивидуальности, своей конкретности, психологической углубленности и жизненности. Г. Исхаки рисует нам выразительные образы людей, измученных дедовскими устоями, неадекватными требованиями общества к личности.

Как известно, внутренний мир героя во многих произведениях литературы обычно раскрывается постепенно, во всей своей логической и хронологической последовательности. Г. Исхаки показывает героев в самые ответственные моменты их жизни, эволюции характера часто нет, и только по речевому поведению героя, по авторским замечаниям мы догадываемся о том, что предшествовало событиям. Исследование же психики героя идет на стадии самых сильных чувств и страстей. Для этого автором отбираются наиболее яркие моменты в плане их важности для психологической характеристики.

Г. Исхаки приходит к выводу, что ординарному человеку нет и не может быть радости, счастья в жизни. Наиболее прозорливые современники Исхаки,

передовые просветители и деятели культуры увидели в его произведениях не только скорбь и совсем не утверждение идеи подчинения человека «року», но настойчивую мысль о необходимости противостояния человека обстоятельствам, отстаивания и завоевания своего «я» в трагической борьбе с мирозданием.

Как же и почему возникает трагическое в творчестве Г. Исхаки и других писателей этого периода? Ответ очевиден: следуя духу времени, татарские писатели возносили нравственность и эстетику, которые были призваны стать проводником передовых культурных веяний в жизни татарского общества, а трагическое использовалось ими в качестве фона, в качестве характеристики среды, где зарождалась новая культура вкупе с новыми противоречиями.

Трагическое в искусстве предполагает существование реальных противоречий в жизни, настолько глубоких и острых, что их примирение невозможно, так что в подлинно художественных произведениях их столкновение отражается в тяжелой, пусть не всегда заканчивающейся гибелью героев, но по значению равносильной ей человеческой драме.

Г. Исхаки стремится на фоне трагедии дать своеобразный психологический облик каждого из своих героев и в то же время индивидуализировать тип мышления, противопоставить человека возвышенных эмоций и восторженного импульсивного ума человеку с мышлением легковесно-ироническим и чисто созерцательным.

Красота трагедии во всей своей полноте предстает перед читателем, когда Г. Исхаки сталкивает своих героев с суровой реальностью жизни, с фатальным противоречием, которые испытывают волю и чувства маленького человека. Г. Исхаки рассказал, как в повседневной жизни, порой едва заметно, но неуклонно и все нарастая, накапливается конфликт, будь то между людьми или между человеком и обществом, вырастающий в трагедию одного или трагедию многих, если не всех.

В основе произведений Г. Исхаки и произведений других писателей-реалистов лежат острые социальные конфликты, с которыми сталкивается личность, показанные на фоне мрачной панорамы тяжелой жизни татарского народа. Страдания и бедствия людей рассматриваются им как следствие социальных противоречий, насилия и эксплуатации со стороны общества, несогласия с догмами ислама. Герои Г. Исхаки не отщепенцы и неудачники, а носители общенародных интересов, выразители чаяний и морали угнетенного народа. Этим во многом определяется и своеобразие его творческого метода, выдвижение на первое место общего, социально-характерного, типического.

Проблема отчуждения личности была поставлена Г. Исхаки в нескольких идейно-философских планах. Один из них, когда «отчужденным» представлен

человек-жертва, подчинившийся «нормам» бытия, страдающий, потерявший и не нашедший себя. Он может оказаться чужим в непосильной для него повседневности или в размеренных и благополучных буднях, или в разгулявшемся мировом хаосе. Главные приметы этого отчуждения – слитность героя с окружением, будь это среда, обстоятельства, хаос, несчастливость судьбы, потеря вкуса, радости жизни («Учитель»).

Основное преимущество прогрессивной личности – это высокий уровень интеллектуального развития, позволяющий ей познать и понять как характер социальной действительности, так и конечные цели своей деятельности. Таким образом, интеллект сталкивается с невежеством, отсталостью, консерватизмом и это столкновение становится основой драматургического конфликта.

Таков герой повести «Тюрьма», о которой я уже говорила в первой главе. Оказавшись в тюрьме, он не подчиняется обстоятельствам, не позволяет им сломить свою волю, жажду борьбы, растоптать свои идеалы. Даже, находясь под замком, он находит возможность творить, учиться, совершенствоваться, чтобы в любой момент быть готовым продолжить дело своей жизни.

Суровая жизнь современной Г. Исхаки эпохи была исчерчена вдоль и поперек сложными, нерешенными формулами противоречий. Жизнь нации существовала в лишениях, страданиях, а свет радости был слабого накала.

Будучи истинным знатоком жизни, Г. Исхаки мастерски подмечает ту деталь, умело наносит тот штрих, который несет в себе всю смысловую нагрузку произведения. С этой точки зрения представляет интерес рассказ «Суннатче бабай», трагедия героя которого заключается не в конфликте с обществом, но с женщиной-представительницей этого общества, ставшей его женой. Ее образ представляет собой миниатюрную модель разлагающегося общества в понимании Г. Исхаки: невоспитанного, презирающего традиции своего народа, низвергающего святыни. Апофеозом конфликта и трагедией Суннатче бабая стало то, что его жена чистила картошку ножом, олицетворявшим преданность старика своему народу и его вековым традициям, нерушимость его веры. В нашей бытовой философии не хватает, пожалуй, только одного – понятия-вершины, понятия-ключа, который расставил бы по местам наши ценности. Подобным понятием в философии Суннатче бабая был его нож, вокруг которого выстраивалась вся его моральная, нравственная и духовная культура. Подобное надругательство над святыней и стало трагедией старика, поскольку он не представлял иного склада жизни, чем тот, которым он жил, пытаясь одновременно привить его своей новой жене. Но при попытке как-то направлять события жизни, мы часто убеждаемся, что многие явления оказываются нам неподвластными, так и Суннатче бабай не преуспел в

нравственном перевоспитании жены, которая совершила тяжкий, по меркам старика, грех, сравнимый с изменой.

В этой повести, главное не защита старинного обряда, а желание писателя посредством связанных с ним обстоятельств раскрыть трагедию героя. Писатель защищает не сам ритуал, а историческое сознание народа, его национальную память.

С полным основанием утверждает Г. Исхаки, что бережное отношение к старинным традициям («Суннатче бабай») поддерживает преемственную связь с прошлыми поколениями, положившими начало татарскому народу. Глубокой любовью к своему народу, его культуре, искусству, образованию и вере наполнены мысли Исхаки о том, что топор в руках воинствующего невежды становится величайшим культурным бедствием, потому что сопровождается невозместимым для татарского народа ущербом.

Обращает на себя внимание и то, что многообразие событий в жизни героев Г. Исхаки предопределено свыше, поэтому трагическое внезапно наступает в жизни каждого, как это случилось и с Суннатче бабаем, который, казалось, и не ожидал подобного поворота судьбы, сделавшего его одиноким, перевернув его мир с ног на голову. «Дерево» реальности то и дело выбрасывает массу веточек, на этих веточках появляются незаметно такие удивительные «плоды». Внешний мир творит, сплетая узы событий, силовое поле концепции, мысли, обесцвечивая или оставляя в тени одни предметы, высвечивая другие. Это – подробность непосредственного человеческого горя, познание новых состояний жизни, измененных состояний сознания, познание мира в себе и себя в мире, познание глубоких взаимоотношений элементов жизни. Переживания старика в связи с утратой жены нарисованы автором в особых тонах: столь красочно передать трагедию человека, его переживания способен только подлинный знаток внутреннего мира человека, каким был Г. Исхаки. Он очень тщательно прорисовывает каждый штрих в портрете своего героя, столкнувшегося с противоречием, подрывающем всю красоту и радость жизни, кардинально меняя ее смысл, – в лице героя Г. Исхаки стремится показать всю «красоту трагедии», всю насыщенность «краски переживаний».

При этом не стоит забывать, что большинство положительных героев писателя – активные борцы, люди, которые сами делают свою судьбу. Мы полагаем, что именно в показе многообразия характеров, состоит мастерство писателя, создающего героев современной ему эпохи.

Искусство реализма есть во многом искусство типизации. Татарские писатели этого периода в борьбе за реализм создавали образ положительного

героя своего времени, в котором гармонически сочетались сила ума и энергия. Они чувствовали, что близится день, когда появится он – активный преобразователь жизни. Они верили, что создадутся такие исторические условия, которые должны сформировать новые черты характера, внести ясно осознанную цель в мировоззрение героя современности..

Писателя не миновало знакомое немногим посвященным чувство расплаты за точное знание цены своего свободомыслия. Душа, приученная к лишениям, несла крест с достоинством и без лишней аффектации. Отсюда – благородная сдержанность чувства – не главный, но четкий мотив, усугубляющий трагическое.

Поражает литературный слог Г. Исхаки и то, с какой точностью он рисует образы своих героев, как борется за яркость и контрастность каждого слова, которым он описывает свои персонажи. Борьба за качество слова есть в то же время борьба за качество образа, и понимание этого всегда отличает подлинного писателя, каковым и являлся Г. Исхаки. В его текстах нет белых пятен, он удачно выбирал из сотни возможных слов наиболее точное, простое, передающее самый существенный признак предмета или явления. В творчестве Исхаки не встретишь «ненайденных» слов, примеров несоответствия употребляемых словесных выражений изображаемому материалу – его творчество лишено подобных недостатков, его произведения тем и ценны, что словесное выражение героя точно соответствует его характеру, его трагедии.

Личное достоинство человека – это, прежде всего, гражданское достоинство, основывающееся на признании людей равноправными членами общества. Идея гражданской чести косвенно затрагивается и утверждается и в ряде произведений Г. Исхаки («К дому», «Олуг Мухамед», «На пути свободы» и др.).

Г. Исхаки полагает, что на протяжении всей своей жизни человек испытывает как радости, так и горести, но при любых обстоятельствах он не должен забывать, что ему дарована сила разума, при помощи которой он может благоустраивать свое бытие совместно с другими людьми. Исхаки отказывает в высоком праве человеку именоваться человеком, если ему безразлично происходящее вокруг него.

Г. Исхаки говорил о необходимости воспитания в людях «человеческого отношения к человеку», заботливости, доверия и уважения к личности. Г. Исхаки, хотя и в абстрактном этическом плане, но с подлинно гуманистических позиций выступал против унижения и призывал к братству, взаимному уважению и равенству. Все это показывает, что у татарских просветителей личность уже полностью осознала себя как индивид и глубоко верила в содержательность, ценность собственного «я».

Подлинные внутренние богатства героев Г. Исхаки не исчерпываются одним каким-либо качеством. Писатель показывает натуры цельные, но сложные, многогранные. Г. Исхаки избегает отступлений, публицистических прозрений, неприкрытого авторского вмешательства в повествование, в судьбы персонажей. Он предпочитает, чтобы читатель сам делал это, ощущая меру потенциальных сил каждого героя.

Чтобы понять иную, самую глубокую мысль Г. Исхаки в произведениях, надо знать все творчество, атмосферу его постоянных духовных исканий. Человек для него не просто часть народа. Он рождается много раз в жизни, то как физическое существо, то как духовное в новых обликах. Жить в народе — это сложная обязанность, вечное ощущение духовной взаимосвязи с внуками, отцами, дедами. Быть в народе не означает быть в большом окружении людей.

Это стремление — раскрыть нравственную новизну в человеке, как главный итог всех усилий времени, придает произведениям Г. Исхаки непреходящее значение. Взгляд на события, случающиеся с человеком, с высот общенародной судьбы и определил облик произведений Исхаки.

Д. филол. н. Шагбанова Х. С., Снопик Н. Я.

Тюменский государственный нефтегазовый университет,

Российская Федерация

**ПОЭЗИЯ Н. М. ШАМСУТДИНОВА
В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВА ВРЕМЕНИ**

В судьбе тюменского поэта Н. Шамсутдинова были такие «узловые» события, которые как говорят, были «неслучайными и даже символическими», поскольку они влияли на его мировоззрение, на его отношение к человеку, творчеству, поэзии. Его жизненный путь складывался таким образом, что он всегда находился «на гребне поколенья». Многие ключевые исторические события XX века, выпавшие на годы его жизни, так или иначе, коснулись поэта, сделались не просто тематическим массивом его творчества, но и «знаками времени» в его поэзии. К таким событиям можно отнести, в первую очередь, Север, мужественных первопроходцев. Он вдохновлен трудом своих сверстников, преобразующих край. Вне этого события не родились бы пронзительные стихи ранней лирики Н. Шамсутдинов, с которой, собственно, и начался творческий путь крупного поэта своего времени – «Пульс» (1985).

Символо-мифологические основы поэтики Н. Шамсутдинова влияли не только на тематическую сторону его произведений, они затрагивали и струк-

туру самого художественного образа, его внешнее строение, композицию литературного произведения. Выбор жанра тоже не был для поэта случайным явлением, внимание к народным первоосновам литературы и поэзии подталкивало его к освоению различных жанровых структур.

Одним из значимых событий юности Н. Шамсутдинова, оказавшим влияние на становление его мировоззрения и характера, стали непростые взаимоотношения природы и человека. В еженедельнике «Литературная Россия» с предисловием известного в те годы поэта С. Поделкова Н. Шамсутдинов прославляет край нефти и газа. Четыре стихотворения «Широкие ветры», «Баллада о сибирских полках», «Послесловие к путине» и «Письмо с Оби», которые во многом определили творческое развитие поэта, поспособствовали формированию его собственной системы символов. Показательно также, что ни один из поэтов поколения Н. Шамсутдинова не был наделен таким постоянным, последовательным и пристрастным вниманием критики, как он сам. Открывающаяся сегодня панорама, сделанного критикой в освоении творческого пути Н. Шамсутдинова, позволяет как бы со стороны, глазами исследователя проследить эволюцию художественного постижения мира. Рецензии, статьи, заметки о поэзии мастера составляют своеобразную кардиограмму его духовного вызревания. Выявляя частности его поэтики, критики последовательно приближались к этому обобщению, какое сделал Ю. Мешков в своей книге «Очерки литературы Сибирского Зауралья» (тюменские тетради). Говоря об уникальности поэзии Н. Шамсутдинова он подчеркивает: «...называя себя «завсегдаем вечности», он назначение поэта видит в том, чтобы помешать времени обернуться забвением...» Н. Шамсутдинов – поэт огромной трагической силы, с поразительной способностью к формулировке, к концепции... Он – поэт конца, он – поэт трагического занавеса, который опустился над нашей историей. Только так и следует его понимать... Ю. Мешков продолжает «...у него находят влияние постмодернистов, находят подражание И. Бродскому, находят просто образно-синтаксические несурезицы...»

Среди образов-символов лирики Н. Шамсутдинова о Севере есть и традиционные для классической русской литературы. Это и пустые железнодорожные пути как знак ожидания, и салют как символ победы и великой радости, и змея, выползающая из трубы заброшенного дома, и наконец, волки, собравшиеся на пепелище, выражающие символы запустения, опасности, необходимости, которые всегда сопровождают войну. Но у поэта есть и свои специфичные «военные» символы, среди которых, скажем, бессмертник, выросший между рельсов, символизирующий вечную память не вернувшимся солдатам, или горелые ромашки как след недавнего боя, за которыми угады-

ваются искалеченные жизни. Травы и цветы, покрывшие поле, спустя несколько лет после сражения, осмысляются поэтом как символы забвения и жизненной силы. Гимнастерка погибшего солдата, которую выслали его вдове, пропитанная его запахом и дымом последнего боя, тоже трагический и глубокий символ военного времени.

Я жаждал работы. Я, к делу примерясь,
На лыжах глотал за верстою версту.
Я бил по распадкам тяжелого зверя
И влет — оперенную стужей звезду.
Я видел, как зори текут по карнизам,
Как полымем смазав рассветный восток,
По снегу струятся червонные лисы
В багрянце и меди тяжелых хвостов.
Два года — две жизни! Я дерзок и весел.
И, вышвырнув двери, я вижу — туга,
В кустах вороная, зеленым замесом,
На весь горизонт наплывает тайга...

Тем самым Н. Шамсутдинов решает одну из главных задач в своем творчестве: использует художественный образ для того, чтобы вернуть, восстановить некогда пережитое чувство, победить контроль времени.

Также мы обращаем внимание на то, что в ранней лирике Н. Шамсутдинова о крайнем Севере, а затем и в зрелых стихотворениях и поэмах той же тематики часто появляется образ сна, который сопровождает символическое осмысление поэтом реальности. При этом образ сна в поэзии Н. Шамсутдинова выполняет не просто «связующую» функцию между двумя «берегами» — повседневностью и мифологическим пространством, он сам является глубоким, многозначным символом.

Следующую главу завершает «Пересмешница мифа». В ней уделяется внимание иерархии символов в поэтическом мире Н. Шамсутдинова, а также религиозному символу, свойственному его поздней лирике.

Третья глава «Евангелие от одиночества» посвящена анализу так называемых «формальных» аспектов лирики Н. Шамсутдинова, соотношению различных метрических размеров в разные периоды его творчества, характеру ритма, особенностям рифмовки, которая связана с символическими основами поэтики Н. Шамсутдинова, а также взаимосвязи жанров в поэзии Н. Шамсутдинова. Как отдельный жанр выделяем и рассматриваем символическую балладу Н. Шамсутдинова.

Учитывая, что мысль писателя реализуется в определенной художественной структуре и неотделима от нее, мы заключаем: невозможно постичь

идею художественного произведения, оторванную от авторской системы моделирования мира, то есть от самой структуры произведения. Именно поэтому мы анализируем ритмику, метрику, рифму и жанр поэзии Н. Шамсутдинова как важные формальные составляющие его творчества. Анализ проводится с оглядкой на общее положение поэзии и на формальные закономерности, свойственные литературному процессу 2-ой половины XX века.

Большинство стихотворений Н. Шамсутдинова написаны анапестами и амфибрахиями, в том числе и те, которые со временем стали его «визитными карточками» и в которых глубже всего выразилось мировоззрение поэта в различные периоды его жизни. Нам кажется, что выбор в пользу трехсложника был сделан им неслучайно и не сразу (в раннем творчестве Н. Шамсутдинова было заметно тяготение к более простым, двустопным размерам) – на этом выборе также сказались особенности развития поэта Н. Шамсутдинова. Ведь хорошо известно, что «обратно ударяемые» стопы анапеста с характерным динамичным ритмом и смысловым акцентом на последнем слове поэтической строки отличаются от других метров особой напористостью. Интонации анапестов варьируются от высоко торжественных, «беспокойных», смятенных – до «раздумчивых» и неспешных. Анапесту всегда свойственен внутренний эмоциональный накал, сопряженный с сюжетными коллизиями стихотворения. Именно поэтому многие «мифические» стихотворения Н. Шамсутдинова написаны анапестом.

Внимание к символической структуре образа не могло не сказаться и на такой важной формальной – смысловой составляющей стихов Н. Шамсутдинова как рифма. Тем более что поэт сам утверждал мысль о том, что по рифмующимся словам можно понять суть стихотворения: «Рифма – это созвучие, эхо, соприкосновение. Смысловая нагрузка рифм укрупняет поэтический слог. Например, у Пушкина: «Я помню чудное мгновенье, / Передо мной явилась ты. / Как мимолетное виденье, / Как гений чистой красоты». Если выписать рифмы – получится сокровенный смысл стихотворения: мгновенье, ты, виденье, красоты».

Итак, смысловые акценты стихотворения наиболее четко расставлены в рифмующихся словах. Символ – одна из основных категорий поэтики Н. Шамсутдинова – выделяется в его стихах не только семантически, но и формально. Акцентируя слово-символ, поэт нередко ставит его в наиболее сильную позицию – в конец стихотворной строки. В общем и целом, рифмы в поэзии Н. Шамсутдинова – богатые, но неточные, приблизительные – нагружены формальной оригинальностью. Ему свойственны всяческие эксперименты в этой области, по максимуму включал составные, омонимичные, тавтологические, оригинальные, каламбурные рифмы. Происходило это потому, что Н. Шамсут-

динов ставил себе важные эстетические задачи, связанные с работой на семантическом и символическом уровнях текста, одновременно с формальными ухищрениями.

Основываясь на биографических фактах, знаках внутренней эволюции поэта и критических материалах, можно наметить этапы творческого развития Н. Шамсутдинова, периодизируя его творческий путь на несколько основных отрезков.

Первый, «юношеский» этап творческого пути поэта заканчивается с выходом поэтического сборника «Выучиться жить» (1980), который вызвал множество откликов, критических оценок.

Второй этап творческой биографии поэта был еще более плодотворным, тем не менее, отзывы, сопутствующие книгам Н. Шамсутдинова, были очень разными. Этот период творчества Н. Шамсутдинова можно назвать период с 1985 года, когда острая гражданская социальность его стихов сменяется тревожным всматриванием в мир души, в самочувствие личности, обращением к проблеме непростых взаимоотношений человека и природы. Примечательна поэма 1988 года «Покорители». Она не отменяет им того, что он воспевал до этого, она привносит тревогу осознания последствий деяний.

Ну, так хватит проектов и толков,
Если в небытие упирается путь!
Время, время настало – глазами потомков
На свои же деянья взглянуть.

Его взгляд всё чаще обращается в день вчерашний, к истокам, забытым и отринутым, к родовой наследственной памяти народа. Литературовед Ю. Мешков пишет в своей статье, в которой доказательно определил основные темы и мотивы его творчества. В частности, на примере анализа стихотворений «За скобками жанра», критик показал, что лирический герой Н. Шамсутдинова не просто личность, а личность героическая, наследующая основные черты пращуров, выработанные тысячелетней русской и всечеловеческой историей. Он показывает, как Н. Шамсутдинов творчески сопрягает все времена в одно большое историческое время. Метод этого сопряжения, считает Ю. Мешков, «внедрение в словесно-образную ткань поэзии прошедших через века образов, символов, эмблем народного сознания». Это замечание по существу является едва ли не основополагающим суждением о природе творчества Н. Шамсутдинова.

Начиная с книги «Заветная беззаветность» (2006), в критике стали предприниматься попытки взглянуть на творчество Н. Шамсутдинова в его развитии, стало очевиднее желание проследить эволюцию его лирического

героя, обозначить повторяющиеся темы и мотивы его стихов, наконец, систематизировать критические замечания в адрес поэта. Именно такую попытку одной из первых предприняла И. Матвеева в статье «Соименник сердца». Она пишет: «...Читатели, наблюдающие в развитии мощное дарование земляка, отмечают, как постепенно от северных, локальных проблем, он перешел к освоению обширного материка, просторы которого исследовали Гомер и Катулл, Гораций и Сапфо...» [Матвеева, 9].

Николай Шамсутдинов на рубеже XX – начала XXI веков во многом не тот, каким запомнил его читатель по стихам поры его поэтической юности. И содержательно, и в своей стилевой ипостаси. Он не боится быть непонятым. Называя себя «завсегдаем вечности», он назначение поэта видит в том, чтобы помешать времени обернуться забвением.

Современность – это точка встречи прошлого и будущего. Есть прошлое, из которого пришёл, и будущее, которым живёшь. На этой точке встречи времён поэт поистине «невменяем». Вечность в лирике Н. Шамсутдинова последних лет присутствует тем культурным прошлым человечества, которое мифами и образами постоянно в сознании его лирического героя. Он не может выпасть из культуры, ибо она делает его тем, кто он есть на данном этапе тысячелетнего развития. Действительно, лирическое «я» поэта не может оторваться от Древнего Египта, Рима и Греции, от Средних веков и даже от доисторических преданий, ибо всё это – не просто культурное прошлое, а время, проживаемое человечеством. Время – одна из постоянных констант в лирике поэта. Оно не имеет измерения, оно имеет состояние быть. И тем оно нравственно требовательно, ибо перед ним и только перед ним человек и подотчётен.

Пространство вечности – та память человечества, в которой лирическому герою Н. Шамсутдинова суждено блуждать в поисках своего пристанища. И не находить его. Отсюда его одиночество. Лирический герой осознаёт своё существование «в прожилках пространства», он лепит своё существование «из отходов творенья». Но и в крайностях он неизменно возвращается к себе, постоянно лелеет себя, любимого, и полагается только на себя.

Из жизни, обрывающейся в тьму,
Выносят, подводя итог, одно:
«Весь мир – театр...» Под занавес, кому
Вернуть, бледнея, контрамарку? Но
В крамольных мыслях жизнь глядит зимой,
Не уставая обирать и лгать...
У инженерю, зажившейся в самой

Себе, – глаза сивиллы. Не стенать,
Давясь слезами, а молчать и рвать
С собой, лелея комплексы свои,
Всё чаще, чем, сходя с ума, искать
Последнее прибежище – в любви.

Так обозначаются три начала, которые поэтом и утверждаются, как жизнь: вечность времени, бесконечность пространства и безграничность собственного «я». Погружаясь в каждое из этих начал, поэт бесстрастен в крайностях, ибо только так и может почувствовать проступающее в них грядущее.

Абстрактная предметность лирических излияний Николая Шамсутдинова в его книге «Заветная беззаветность» (2006) закрепляется интонацией, в которой переплетаются чувства от происходящего здесь и там, в бесконечном пространстве, с лирическим героем и с каждым, кто прикоснулся к вечности. Мало сказать, что поэт любит стиховые переносы. Его предложение вмещает в себя поток ассоциаций, которым нет конца. А потому случается, что нет и самих примет предложения – заглавной буквы и точки. И это выдаёт душевное смятение лирического героя. Примечательно, что большинство стихов Н. Шамсутдинова астрофичны, им тесно в пределах привычной строфы. И это ещё дно свидетельство беспокойства, того пограничного состояния, когда хаос осознан, но гармония ещё не найдена.

Эта содержательная доминанта лирики Шамсутдинова последних лет накладывается на его искания формы, адекватной ей. У него находят влияние постмодернистов, находят подражание И. Бродскому, находят просто образно-синтаксические несуразности. Синтаксическая невнятица подаётся им как захлѐб речи, отсутствие начала и конца как фрагмент жизни, лексическая заумь как признание безвластия слова.

Не мигая, в упор смотрит время – ему я мешал
Обернуться забвеньем... Как ментор, мой долг ни брюзжал,
Не одну, прижитую в любви и согласии с музой,
Книгу я, возвращая сторицею, миру отдал...
Но, ещё в исповедниках у бытия,
Лишь для горстки помешанных я, ископаемый, я -
Свет в окошке, покуда растерянно топчется слава,
По наитию интерпретаторов нервно кроющая прошлое...
Тем же, кто нравственность мною стращал,
Нет цены, как и тем, кто от мира меня отвращал,
И насмешливей ужас, что круг их становится уже, -
Я во благо, упрямый, обиду и боль обращал.

Завсегдатаю вечности – мерки тесны,
Я не ждал им,
Под осень... похвал,
Я вовремя цену узнал
Им, без отклика... пленникам косного слуха, -
Да услышат они то, что я, невменяем, слышал...

Астрофичность – характерная примета поздних стихов поэта. Каждое стихотворение надо воспринимать в его целостности, в объёмности той мысли, которая рождается из течения стиха. А потому если и цитировать, то цитировать стихотворение полностью.

Н. Шамсутдинов ведёт очень активную литературную деятельность. Он возглавляет Тюменское отделение Союза российских писателей, автор более двадцати поэтических книг. Его творческая активность делает очень заметным его существование в современном литературном пространстве региона. В 2009 году он был отмечен почётным званием «Заслуженный работник культуры и искусства Тюменской области». Он лауреат ряда престижных региональных и всероссийских литературных премий. Стихи Н. Шамсутдинова переведены на английский, французский и ряд других иностранных языков.

Начало третьего этапа творчества Н. Шамсутдинова мы обозначаем выходом его сборника «Пенорожденная» (?). С этого момента в его творчестве усиливаются социальные и религиозные мотивы, на первый план выдвигается гражданская и философская лирика, в которой символ приобретает характер то мифологического, то религиозного.

Опираясь на поздние стихи Н. Шамсутдинова, мы конкретизируем наблюдение касательно того, что в поздний период творчества социальные мотивы поэта стали органично сплавляться с его религиозными размышлениями, личный духовный опыт автора дал ему возможность по-новому оценить события современной истории. В качестве основной особенности литературы своего времени Н. Шамсутдинов отметил увлеченность поэтов изображением внешних примет быта – без проникновения вглубь жизненных явлений. Эта склонность неизбежно приводила к бессодержательности поэзии. Разумеется, изображение быта в стихах – не исключает поэтического. Быт необходим поэзии в той мере, в какой ей необходима конкретика. Однако назначение поэта, как нередко говорит сам Н. Шамсутдинов, в том и состоит, чтобы «за поверхностным слоем быта узреть само бытие». Получается, что свой поэтический дар являет только автор, создающий образы, сквозь внешнюю оболочку которых просвечивает глубинный, метафизический смысл, который Н. Шамсутдинов связывает в своем выступлении с символом.

Мифологический символ как важная составляющая поэтики Н. Шамсутдинова основана на утверждении, что в большинстве случаев символы самого автора наполнены мифологическим содержанием. Очевидно, что наполнение символа не может быть однородным, «профильным», обращенным только к одному пласту мифологии – народной, или рождать только окказиональные, новые символы, не может углубляться только в греческие и римские мифы или философские поиски Нового времени. Символ Н. Шамсутдинова не может быть однородным, как не может быть однородным и абсолютно целостным сознание человека постсоветской эпохи. Оно слишком содержательно, чтоб отдаться полностью одной единственной идее. С одной стороны, ощущение себя частью своего народа, любовь к народной поэзии, изучение фольклорных образов и сюжетов дало Н. Шамсутдинову возможность актуализировать в своем творчестве архаичные символы, в основе которых лежат народные мифы. А с другой, собственное мифологизирование повседневной жизни дало литературе целую галерею индивидуальных символов в поэзии Н. Шамсутдинова.

Далее мы опровергаем выдвинутое в критике утверждение о том, что поэтике Н. Шамсутдинова свойственна беспорядочность причинно-следственных связей. На самом деле, символическое осмысление реальности – повседневной и поэтической – всегда основано на логике. Один из постулатов Я. Э. Голосовкера говорит: «Разумная творческая сила – а имя ей Воображение, Имагинация, – которая создавала миф, действует в нас и по сейчас, постоянно, особенно у поэта и философа, но в более прикрытом виде. Пока не угасло воображение, до тех пор есть, есть и есть логика чудесного». Говоря о мифологическом наполнении символа, мы имеем в виду не буквальное существование мифических образов, вера в которые была свойственна человечеству в начале своего развития, а тот художественный миф, широко использовавшийся и в различных направлениях литературы, включая реализм, романтизм и символизм. По верному замечанию А. Ф. Лосева, поэт начинает создавать собственную художественную мифологию только тогда, когда «либо верит, либо изображает себя верящим в существование соответствующих образов». Интонация, образный строй, яркие детали повествования Н. Шамсутдинова отменяют всевозможные предположения о том, что автор произведения занимается рассудочным конструированием фантастической истории.

Еще одним традиционным символом Н. Шамсутдинова стал образ Севера. Ему посвящены отдельные страницы «Акустика ассоциаций». Этот образ занимает в творчестве Н. Шамсутдинова одно из центральных мест, является глубоким, многоплановым символом, сочетающим в себе различные смысловые контексты. С одной стороны, поэзия Н. Шамсутдинова наполнена символа-

ми разрушения – огнем, дырами, слезами, пустотами, на нее покушаются «легионы бесов», столица осмысляется как чужбина, не верящая сыновним сетованиям. Но с другой стороны, поэзия Н. Шамсутдинова находится под надежным покровительством своего основателя. Важно, что Н. Шамсутдинов не отделяет судьбу Севера от судьбы всей России, она по-прежнему остается у него сердцем родины, святым местом, несмотря на те «безобразия», которые в ней скопились. Также поэт дает грозную отповедь всем «врагам надежд» и освещает сиянием храма все пространство «миров» и собственную поэзию.

Анализ творческого наследия Н. Шамсутдинова позволяет сделать основополагающий вывод о том, что его творчество наиболее полно в поэзии второй половины XX века выявляет как коренные проблемы национального бытия, так и неповторимые особенности характера русского человека. Это обстоятельство и выдвигает его в ряд классиков отечественной поэзии, что признано многими исследователями его художественного мира.

Д. филол. н. Шагбанова Х. С., Третьякова С. Ю.

*Тюменский государственный нефтегазовый университет,
Российская Федерация*

ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЖУРНАЛИСТА-ПИСАТЕЛЯ

В последние годы, в силу некоторых изменений в обществе, произошли определенные сдвиги в изучении литературного и культурного наследия разных регионов Российской Федерации. Общественность и научный мир начали интересоваться литературной жизнью края. По словам известных литературоведов, «литература края – это не литература «на краю», а некое глубоко своеобразное единство текстов, позволяющее увидеть сложность современного культурного сознания». Как говорит доктор филологических наук Е. Н. Эртнер: «...литература Тюменского региона актуальна и в ней образ Сибири, который намеренно связывают в литературе с мотивами «открытия», «постижения», «узнавания» нового мира. Как следствие, литература Тюменского региона – многокультурная, открытая, разнообразная. Осмысление ее творческого своеобразия начинается с постижения отдельных ее имен.

Как и для всей российской литературы последних десятилетий распространенным явлением стало рождение писателя из журналиста, или, точнее, эволюция журналиста в писателя. Для литературного сообщества Тюменского региона этот феномен весьма характерен – достаточно вспомнить имена К. Лагунова, З. Тоболкина, В. Строгальщикова. Такая трансформация, на наш

взгляд, является вполне закономерной: журналист впитывает в себя огромное количество информации, и не вся эта информация находит выражение на страницах газет и журналов, в эфире радио и телевидения. Глубокое знание жизни, вынесенное из многочисленных командировок и встреч с самыми разными людьми, рано или поздно начинает требовать выхода, у журналиста возникает непреодолимое желание поделиться этим опытом – не столько своим, сколько аккумулированным опытом соотечественников (а иногда и не только соотечественников), с которыми свела их журналистская судьба. У одних этот опыт находит отражение в публицистике, а у других преобразуется в художественные образы и становится почвой, на которой вырастает литературное произведение.

В 2009 году с выходом в свет сборника очерков и рассказов «Первый парень на деревне» в ряды тюменских писателей, пришедших в литературу из журналистики, влился автор этой книги Леонид Кириллович Иванов. Хотя, конечно, это был далеко не первый литературный опыт писателя: писать он начал, будучи еще совсем молодым человеком. Как сообщает сайт www.tyumen.rfn.ru, «до выхода первой книги его произведения уже публиковались в литературно-художественных журналах и альманахах», в том числе на финском языке (удивляться нечему – Л. Иванов родом из семьи ссыльных финнов). И вот одна за другой увидели свет его книги: в 2010 году – повесть «Леший», в 2011 году – повесть "Палата 206" и книга "Будем жить!", в которую автор включил две повести и несколько рассказов. В 2012 году вышла книга «Покойники – народ смирный» с одноимённой повестью и почти тремя десятками рассказов.

Кто же он, журналист-писатель? И где пролегает та тропинка, которая приводит его в литературу? Для Л. Иванова все началось в Вологодской глубинке, куда были сосланы его родители. С раннего детства, как все его ровесники, привык к деревенскому труду и после окончания Ново-Кемской восьмилетней школы пошёл работать. Автор предисловия к сборнику «Покойники – народ смирный» А. Снежина рассказывает, что Л. Иванов «был сплавщиком, строителем ЛЭП, заведовал сельским клубом, много читал и сам пробовал писать рассказы. Затем, как сообщает сайт Проза.ru, «в семнадцать лет, по воле судьбы, имея несколько написанных рассказов, с восьмью классами образования был принят литературным сотрудником в районную газету «Волна» Вологодской области. С тех пор практически вся жизнь Л. Иванова была связана с журналистикой. Заведовал отделом в районной газете, работал редактором на областном телевидении, был собственным корреспондентом и редактором регионального приложения в редакции газеты

«Труд». Сайт tyumen.rfn.ru отмечает, что «не сумев получить хорошее образование в детстве, потом всегда стремился восполнить этот пробел. Ещё до армии экстерном сдал экзамены в Вашкинской средней школе, потом заочно закончил филологический факультет Череповецкого пединститута, отделение журналистики Высшей партийной школы ЦК КПСС. В настоящее время доктор политических наук, заслуженный работник культуры РФ, академик МФУАН Л. Иванов работает в Тюменском государственном нефтегазовом университете в должности пресс-атташе. Возглавляет литературное объединение Нефтегаза, ставшее областным клубом любителей изящной словесности».

Что же касается литературной критики произведений Л. Иванова, то она, как правило, ограничивается предисловиями к его книгам и выступлениями на их презентациях. Вот что говорит тюменский литератор, член Союза писателей России З. Тоболкин в предисловии к книге Л. Иванова «Будем жить!»: «...пишет Л. Иванов, казалось бы, легко, вроде бы, как балуясь. Но это «баловство» дорого стоит. Впитано им «с молодых ногтей». Он вырос среди своих героев, научился их чтить и понимать, знает тему, которую раскрывает в своих произведениях. Порой диву даешься, насколько глубоко знает автор то, о чем пишет – будь то онкология («Будем жить!»), русская деревня («Леший»), собачьи повадки и похмельное состояние художника («Пуансон»), наивный характер деревенского простака («Простодыр») или выворачивающая душу история («Вороненок»). Автору удается проникнуть в глубины потаенных мыслей своих героев, понять мотивы тех или иных поступков, без этого проникновения и великого почитания тех людей, о которых пишешь, литературы нет».

По информации сайта Безформата.ru, журналист Григорий Запрудин на презентации сборника «Будем жить!» отметил, что «Леонид Кириллович ... вырос среди своих героев, он досконально знает то, о чем рассказывает. Так, повесть «Будем жить!» охватывает всего несколько дней из жизни пациентов и персонала онкологического центра. Но лишь ближайшие родственники и друзья автора в курсе: писатель знает эту жизнь не понаслышке, несколько лет назад он сам прошел через большие испытания и мужественно их преодолел. По мнению строгих критиков и рядовых читателей, главная ценность повести в том, что «приговоренные диагнозом» люди не падают духом, они шутят, стараясь поднять настроение себе и другим, а еще и влюбляются». На той же презентации профессор философии С. Ломакин отметил, что «отдельные главы повести «Леший» чудесным образом перекликаются с манерой письма В. Шукшина. Помимо всего прочего, в них нет ни одного плохого слова о России».

Многие критики и читатели отмечают яркий, небанальный язык Л. Иванова. В частности, Л. Ганеева, автор информации о презентации книги

«Покойники – народ смирный» на сайте [www. tsogu.ru](http://www.tsogu.ru) упоминает, что «профессор Селиванов в своем поздравлении обратил внимание на одну из главных изюминок автора – его язык: «Когда я читаю произведения Л. Иванова, меня поражает его язык, знание жизни и нравственная чистота. Он пишет о народной жизни. Сейчас люди все больше привыкают говорить шаблонными фразами, а у него очень сочный язык».

По словам Л. Ганеевой, то же самое отметил Вадим Кузнецов, доктор медицинских наук, директор Тюменского кардиоцентра и автор двух поэтических сборников: «Язык автора настолько яркий и живой, что, читая книгу, я словно слышал его голос. Все чаще убеждаюсь в том, что талантливые люди талантливы во всем. Так, человек, не имеющий отношения к медицине, может писать о ней простым и понятным всем языком. Здесь на первый план выходят люди и их чувства, а не медицинские термины и лекарства».

Еще один коллега по литературному «цеху», член Союза писателей России В. Строгальщиков так отозвался о творчестве Л. Иванова в предисловии к его сборнику «Первый парень на деревне»: «По себе знаю, что приходит момент, когда жизненному и репортерско-корреспондентскому опыту просто становится тесно в газетных жанровых рамках. Так что Л. Иванов вступил на писательскую стезю не из моды или прихоти, а потому, что назрело, накопилось. И этот смелый шаг, по моему искреннему убеждению, у него получился удачным, что случается, кстати, отнюдь не всегда. Часто журналист, переходя на прозу, как бы зажмуривается, улетает в творческие выси. Л. Иванов, как прозаик, все так же смотрит на жизнь внимательными глазами. Главная ценность его книги как раз в том и состоит, что она – о нас с вами, о наших соседях и близких, о наших общих временах – о прошедших и нынешних. Нам может нравиться или не нравиться реальность, отраженная на авторских страницах, но она существует, следовательно – заслуживает отражения и осмысления».

Таким образом, мы полагаем, что осмысления заслуживает и само творчество Л. Иванова – его образы, язык и творческая эволюция журналиста-писателя представляют интерес для литературоведческого исследования, а задачи – проанализировать творчество Л. Иванова в развитии, проследить эволюцию его лирического героя, выявить закономерности, повторяющиеся темы и мотивы его творчества весьма актуальны сегодня.

ЗМІСТ

Шепель Ю. А. Подсистемы словообразования с когнитивных позиций 3

ПРОБЛЕМИ КУЛЬТУРИ І МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМУНІКАЦІЇ

Mikhaylov D. V., Mohanad Sabri Abdulredha The Middle East 7

Аврамов Г. Г. Языковая личность в межкультурной коммуникации 9

Ардатова Е. В., Хао Юнь Этикет защиты диссертации в Китае 12

Бабай Л. В. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации 14

Бойченко Т. В. Специфика реализации презентем в мужских и женских блогах 18

Будзар М. М. Переклад як інструмент інтерпретацій у царині філософії, історії та культури: концептуальний підхід В. С. Горського 25

Гутарева Н. Ю. Культурный аспект при интерпретации результатов тестирования 29

Куимова М. В. Способность к межкультурной коммуникации как одна из задач высшего образования 31

Онуфриева Л. А. Формування іншомовної комунікативної культури особистості в процесі оволодіння іноземною мовою професійного спрямування 32

Садовникова М. Н. Взаимодействующий образ эвфемизма: между вежливостью и бестактностью 36

Сеттарова М. Д. Региональная вариативность американского варианта английского языка 39

Скиданова Н. В. Проблемы межкультурной коммуникации в изучении иностранного языка 41

Стремоухова И. В. Проблемы лінгвокультурної взаємодії у вивченні мов іноземцями 44

Терехова Д. І. Психолінгвістичний аналіз асоціативних полів стимулу культура та його корелятивів у східнослов'янських мовах 48

Федорова О. А. Основні форми роботи з дисципліни «Країнознавство» на підготовчому відділенні для іноземних громадян 51

ЛІТЕРАТУРА В ДІАЛОЗІ КУЛЬТУР

<i>Бабшанова Г. Н.</i> Судьба охотника-сибиряка в творчестве Б. В. Сулейманова	54
<i>Володина Д. Н.</i> Концепт «Даль» в структуре языковой личности Р. М. Рильке (на материале русских стихов)	56
<i>Грабовська Г. В.</i> Латиноамериканське оповідання: історія розвитку	62
<i>Жихарева Т. Ю.</i> Взаимосвязь символа и языка в культурологическом контексте (на примере индийской поэзии средних веков и поэзии Теннисона)	65
<i>Жлюдина А. В., Володина Д. Н.</i> Итальянские образы в романе М. Осоргина «Книга о концах»	71
<i>Мальшева О. В.</i> История переводов произведений М. А. Булгакова в испании и странах Латинской Америки	74
<i>Мухтарова Д. Р.</i> Цыганские мотивы в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник»	77
<i>Пантелей І. А.</i> Антикріпосницькі та антирабовласницькі тенденції в літературі ХІХ століття	80
<i>Шагбанова Х. С., Снопик Н. Я.</i> Концепт души человека в национальной литературе	83
<i>Шагбанова Х. С., Снопик Н. Я.</i> Поэзия Н. М. Шамсутдинова в контексте пространства времени	89
<i>Шагбанова Х. С., Третьякова С. Ю.</i> Творческая эволюция журналиста-писателя	98

Наукове видання

Мови видання: українська, російська, англійська

ДІАЛОГ КУЛЬТУР – ДІАЛОГ ПРО МИР І В ІМ'Я МИРУ

Матеріали I Міжнародної науково-практичної конференції
(24–25 жовтня 2012 р.)

У двох томах

Том 1. Культурологічні аспекти міжмовної комунікації

*Під загальною редакцією доктора філологічних наук,
професора Ю. О. Шепеля*

Окремі доповіді друкуються в авторській редакції

Організаційний комітет не завжди поділяє позицію авторів

За точність викладеного матеріалу відповідальність покладається на авторів

Відповідальний редактор *Біла К.О.*

Технічний редактор *Капуш О.Є.*

Оригінал-макет *Біла К.О.*

Здано до друку 24.10.12. Підписано до друку 25.10.12.

Формат 60x84¹/₁₆. Спосіб друку – різнограф.

Ум. др. арк. 6,3. Тираж 100 пр. Зам. № 1012-08.

Видавець та виготовлювач СПД Біла К. О.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру ДК № 3618 від 6.11.09р.

Надруковано на поліграфічній базі видавця Білої К. О.

Україна, 49087, м. Дніпропетровськ, вул. Березинська, 80, офіс 2

Поштова адреса: Україна, 49087, м. Дніпропетровськ, п/в 87, а/с 4402

тел. +38 (067) 972-90-71

www.confcontact.com

e-mail: conf@confcontact.com